

Живая история

В. А. Слюсаренко

На Мировой войне,
в Добровольческой
армии
и эмиграции

Воспоминания
1914–1921

Живая история (Кучково поле)

Владимир Слюсаренко

**На Мировой войне,
в Добровольческой
армии и эмиграции.
Воспоминания. 1914–1921**

«Кучково поле»

1924-1930

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6

Слюсаренко В. А.

На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции.
Воспоминания. 1914–1921 / В. А. Слюсаренко — «Кучково поле», 1924-1930 — (Живая история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0632-9

Воспоминания генерала от инфантерии В. А. Слюсаренко посвящены трагическим страницам истории России. Он прошел практически всю Мировую войну, причем с первого до последнего дня на германском фронте. В Гражданскую войну ему довелось послужить и в армии гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского, и в Вооруженных силах Юга России у А. И. Деникина и барона П. Н. Врангеля, после чего пришлось начинать фактически заново жизнь в шестьдесят с лишним лет на чужбине. Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Государственном архиве РФ.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-9950-0632-9

© Слюсаренко В. А., 1924-1930
© Кучково поле, 1924-1930

Содержание

Записки боевого генерала	6
От издательства	10
Часть I. Во главе 43-й пехотной дивизии	11
Глава 1. Сражение у Мазурских озер 1914 года[1]	11
Глава 2. Варшавская и Брезинская операции (октябрь – ноябрь 1914)[162]	48
Глава 3. Бои на реке Равке (декабрь 1914 – январь 1915) и под Гродно (февраль 1915)[223]	67
Глава 4. Военные действия в феврале – октябре 1915 года[261]	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

В. А. Слюсаренко
На Мировой войне, в
Добровольческой армии и
эмиграции. Воспоминания. 1914–1921

© Государственный архив РФ, 2016

© Залесский К. А., вступ. ст., коммент., 2016

© ООО «Кучково поле», 2016

* * *

Записки боевого генерала

Когда речь заходит о мемуарах или теоретических работах русских генералов, посвященных Первой мировой войне, сложно отделаться от двойственного чувства. С одной стороны, в межвоенный период появилось довольно большое количество исследований, а почти каждый генерал, оказавшийся в эмиграции, не говоря уже о генштабистах всех званий, считал своим долгом оставить после себя даже небольшие записки о войне. С другой, в Советской России Первая мировая война сразу была объявлена «империалистической», а следовательно, изучать надо было прежде всего опыт Гражданской войны. При этом, естественно, читать эмигрантскую литературу было запрещено, а то, что все же доходило до СССР, оседало в отделах специального хранения. И хотя исследователю получить доступ к этим хранениям было достаточно просто, подобная литература исследовалась лишь узкими специалистами. Чтобы исторические пробелы стали, наконец, заполняться, пришлось ждать почти целый век – уже было отмечено 100-летие со дня начала Первой мировой войны и не за горами 100-летие ее окончания.

Воспоминания генерала Владимира Алексеевича Слюсаренко относятся к одним из лучших образцов эмигрантской мемуаристики конца 1920 – начала 1930 года. Автор, профессиональный военный, служивший во время войны на достаточно высоких постах, имеет полное право – и широко им пользуется – дать свой вариант описания и оценки военных действий, в которых он принимал участие. Свидетельства Слюсаренко, полученные из первых уст, очень интересны и важны для понимания развития событий войны. Также генерал, как человек образованный, имеет возможность описать свое видение событий 1917 и последующего годов. В то же время воспоминания Слюсаренко страдают всеми традиционными недостатками, характерными для подобного вида литературы. Это и предельный субъективизм, и стремление во что бы то ни стало оправдать собственные действия, возложив ответственность за просчеты и провалы на свое непосредственное командование. (Так, например, Слюсаренко излишне эмоционально и явно необъективно критикует решения генерала П. К. фон Ренненкампа, с которым у него, судя по всему, совершенно не складывались отношения.) Это и чрезвычайно небрежное отношение к написанию названий населенных пунктов и фамилий участников событий: когда речь идет о событиях 5–10-летней давности, память очень часто подводит Слюсаренко, которому к этому моменту уже перевалило за 60 лет. Впрочем, автора можно в чем-то оправдать: находясь в эмиграции за границей, он не мог уточнить детали событий – не было доступа к приказам, запискам, статьям и так далее и был вынужден полагаться лишь на память. Наконец, практически все мемуаристы-эмигранты старались в своих воспоминаниях уже постфактум найти объяснение событиям революции и Гражданской войны. В большинстве случаев у них это получалось довольно слабо, поскольку они не имели возможности узнать все перипетии «высокой политики» и интриги в политической жизни страны. Не стал исключением и Слюсаренко, хотя в этом вопросе он скорее высказывал общую точку зрения, чем выдвигал какую-либо новую, экстравагантную теорию.

Тем не менее воспоминания Слюсаренко, несмотря на их субъективизм, будут любопытны как профессиональным исследователям Первой мировой войны, так и тем, кто интересуется этим периодом русской истории. В пользу Слюсаренко говорит многое: он прошел практически всю войну с первого до последнего дня, после чего ему довелось послужить и в армии гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского, и в Вооруженных силах Юга России у А. И. Деникина и барона П. Н. Врангеля. Это был путь русского офицера, аполитичного, трезво мыслящего, хорошего профессионала, скажем так, «крепкого» командира корпуса. Судьба Слюсаренко – прекрасный пример трагического пути русского офицерства, которое в феврале 1917 года посчитало, что главное – это «защита страны от внешнего врага», и фактически ничего не предприняло для противодействия захвату власти общественными кругами. Гене-

ралам, подобным Слюсаренко, было важно остаться лично честными, и за эту ошибку они заплатили дорого: тому же Слюсаренко пришлось расстаться с семьей, пережить трудное путешествие по охваченному Гражданской войной Югу России, после чего фактически начинать заново жизнь в 60 с лишним лет на чужбине.

Владимир Алексеевич Слюсаренко происходил из малоросской дворянской семьи, к началу XX века уже давно утратившей свою связь с малой родиной – ни он сам, ни его братья на «украинской мове» не говорили, хотя и продолжали считать себя малороссами. Это была дворянская семья, представители которой из поколения в поколение служили в российской армии; подобных случаев было немало в Российской империи. Известность же получили лишь представители двух последних поколений офицеров Слюсаренко. Это прежде всего глава семьи – полковник Алексей Андреевич Слюсаренко, который практически всю службу провел на Кавказе в боях с горцами, где последовательно командовал 16-м и 7-м Кавказскими линейными батальонами. В декабре 1876 года, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, он принял командование в Тифлисе 73-м пехотным Крымским полком. Сражаясь в составе Эриванского отряда, принял участие в военных действиях и был смертельно ранен в тяжелейшем сражении под Даяром 9 июня 1877 года, где он командовал левым флангом русских войск и внес большой вклад в победу.

Все трое сыновей Алексея Андреевича избрали военную карьеру – в этом не было ничего удивительного: в большинстве случаев дети офицеров шли по стопам отцов, тем более они имели всевозможные льготы по учебе, что в условиях не слишком высокого жалования было важным подспорьем. Двое братьев Слюсаренко, в том числе наш герой, дослужились до генеральских чинов, третий же погиб во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Владимир Слюсаренко родился 2 мая 1857 года и был крещен в православную веру. Как и братья, он выбрал военную карьеру и первичное военное образование получил в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Ее он окончил в 1873 году и 18 августа того же года был зачислен на военную службу юнкером очень престижного 1-го военного Павловского училища, располагавшегося в Санкт-Петербурге, в доме № 21 по Большой Спасской улице. В принципе, Павловское училище готовило офицеров пехоты, однако для учащихся оставалась возможность выпуститься в артиллерию, что считалось более престижным. Слюсаренко выбрал именно артиллерию и в 1875 году был зачислен прапорщиком (со старшинством в чине с 4 августа 1875) в 21-ю полевую пешую артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Темир-Хан-Шуре. (Выбор места службы был не слишком оригинальным – именно в этом дагестанском городе служил отец Владимира Слюсаренко.) Уже в следующем году (9 декабря 1876) был произведен в подпоручики.

Карьера Владимира Слюсаренко имела ряд специфических особенностей. Он показал себя храбрым, распорядительным и думающим строевым офицером, великолепным артиллеристом. Но при этом его карьера двигалась вперед прежде всего благодаря заслугам, проявленным на поле боя, в то время как обычно для этого было также необходимо повышать уровень своего образования – чаще всего артиллерист не мог сделать сколько-нибудь успешную карьеру, не окончив Михайловскую артиллерийскую академию. Однако в случае со Слюсаренко ситуация была другой.

Первой войной, в которой автор воспоминаний принял участие, стала Русско-турецкая, в ней же он лишился отца. Уже сам список наград, полученных молодым офицером, впечатляет: ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (все в 1878), а также производство в поручики (со старшинством с 26 декабря 1877). Затем последовала Ахал-текинская экспедиция 1880–1881 годов, в ходе которой русские войска разгромили текинцев, взяли штурмом крепость Геок-Тепе и присоединили к Российской империи Закаспий. И если 18 декабря 1880 года Слюсаренко получил звание штабс-капитана, то по результатам экспедиции в 1882 году, за отличие, – уже звание капитана (со старшинством

с 29 января 1882). Кроме того, он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1882). Всего за семь лет Слюсаренко прошел путь от прапорщика до капитана, что было нехарактерным для карьеры русского офицера, не имевшего академического образования.

В этом же, 1882 году Владимир Слюсаренко женился. Как часто бывало, его супруга также происходила из военной семьи: В. П. Прасолова была дочерью капитана саперных частей. В браке у генерала родилась дочь. Забегая вперед, упомянем, что в годы Гражданской войны супруги оказались по разные стороны фронта и потеряли связь друг с другом. Мать и дочь, оставшиеся в Советской России, ничего о судьбе генерала не знали; более того, они были уверены, что он погиб где-то на Юге России...

12 марта 1895 года Слюсаренко был произведен в подполковники и назначен командиром 3-й батареи 9-й артиллерийской бригады, дислоцированной в Полтаве. Здесь он пробыл немногим менее семи лет и 27 февраля 1902 года был переведен в Вильну командиром 3-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады, одновременно по лучил очередное воинское звание полковника. 21 августа 1903 года Слюсаренко вернулся в Полтаву, где возглавил 1-й дивизион 9-й артиллерийской бригады. Вскоре после начала Русско-японской войны 1904–1905 годов бригада Слюсаренко вместе со всей 9-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта С. К. Гершельмана в июне 1904 года отбыла на Дальний Восток. Здесь он проявил себя хорошим специалистом. Особо стоит отметить бой под Дашичао 10–11 июля 1904 года. Здесь он вместе со своим командиром 2-й батареи 9-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады подполковником А. Г. Пашенко впервые использовал метод стрельбы с закрытых позиций и подавил японскую артиллерию. (Пашенко за этот бой получил орден Св. Георгия 4-й степени.) Сражение под Ляояном принесло Слюсаренко заветный белый крест – орден Св. Георгия 4-й степени. В приказе о награждении от 13 февраля 1905 года отмечалось, что его он получил «...благодаря искусной стрельбе из орудий своего дивизиона, заставил замолчать большую неприятельскую батарею, подавлявшую своим огнем огонь трех наших батарей, и тем дал возможность, оправившись, нашим батареям продолжать действовать». Кроме того, за от личия, проявленные на полях боев в Маньчжурии, Слюсаренко был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ от 3 ноября 1906) и орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (1905). По результатам войны он был 29 июня 1906 года за от личия произведен в генерал-майоры (с установлением старшинства с 25 февраля 1905).

После завершения военных действий в армии началась серьезная чистка. Слюсаренко, как прекрасно зарекомендовавший себя герой войны, вскоре получил повышение: 23 августа 1905 года он стал командующим 45-й артиллерийской бригадой, а 20 мая 1906 года переведен в Москву командующим 2-й гренадерской артиллерийской бригадой (с производством в чин генерал-майора он был утвержден в должности командира бригады). Карьера шла быстро, и присвоение званий не поспевало за новыми назначениями. Так, 12 сентября 1907 года Слюсаренко стал и. д. начальника артиллерии XIX армейского корпуса со штаб-квартирой в Бресте Гродненской губернии, а 21 марта 1908 года переведен на аналогичный пост на Кавказ во II Кавказский армейский корпус. Только 29 марта 1909 года он был произведен в генерал-лейтенанты и утвержден в занимаемой должности. Годом ранее Слюсаренко получил очередную награду – орден Св. Станислава 1-й степени. Наконец, 15 мая 1910 года состоялось назначение Слюсаренко начальником дислоцированной в Вильне 43-й пехотной дивизии. Само по себе подобное назначение было показателем того, что начальство крайне высоко ценило Слюсаренко: во главе пехотной дивизии очень редко ставили человека, имевшего лишь опыт руководства артиллерийскими частями.

В этом качестве Слюсаренко встретил начало Первой мировой войны, когда выступил на фронт в составе II армейского корпуса 2-й армии. С этого момента начинаются предлагаемые Вашему вниманию воспоминания, в связи с чем подробно останавливаться на деятель-

ности Слюсаренко после августа 1914 года вряд ли стоит. Поэтому далее лишь приведены даты его новых назначений и наград. Итак, 24 октября 1915 года он получил назначение на пост командира XXVIII армейского корпуса и 6 декабря того же года был произведен в генералы от инфантерии. Корпус Слюсаренко возглавлял до 9 сентября 1917 года. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Анны 1-й степени (Высочайший приказ от 16 ноября 1914), Св. Владимира 2-й степени с мечами (2 марта 1915), Белого орла с мечами (26 мая 1915), а также мечами к ордену Св. Станислава 1-й степени (29 ноября 1915).

В Гражданскую войну Слюсаренко служил на Украине и Юге России, а затем вместе с белой армией уехал в эмиграцию. Скончался генерал Слюсаренко в возрасте 76 лет 22 мая 1933 года в Бела-Црква, что в Банате в Югославии.

Собственно воспоминания В. А. Слюсаренко состоят из десяти разрозненных очерков, которые были им написаны с апреля 1924 по 27 июня 1930 года в деревне Ковачица, в югославском Банате; бóльшая часть написана в 1927–1928 годах. Для удобства читателя при подготовке к публикации очерки были расположены в хронологическом порядке, скомпонованы в части, а их названия несколько изменены (в примечаниях к тексту указаны оригинальные названия и даты написания очерков).

*Константин Залесский,
Москва
2016 год*

От издательства

Текст мемуаров публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сделанные автором подчеркивания и выделения даны курсивом, раскрыты общепринятые сокращения.

Написание имен собственных унифицировано.

Некоторые фамилии автор не указывает, отмечая их символами «(?)» или «N».

Примечания В. А. Слюсаренко даны постранично без указания авторства. Примечания редактора помечены сокращением *Примеч. ред.* в круглых скобках. Примечания комментатора даны либо постранично и помечены литерами *К. З.* в круглых скобках, либо вынесены в конец издания.

Слова, пропущенные или не дописанные автором, раскрытые сокращения восстанавливаются в тексте в квадратных скобках: «170-го пехотного [Молодечненского] полка полковник Кондратьев». Неразборчиво написанные слова обозначаются сокращением в угловых скобках – <нрзб>; в случае, когда расшифровка слова сомнительна, оно приводится в угловых скобках.

Упоминаемые в основном тексте схемы и карты в настоящем издании не публикуются.

В конце издания помещен аннотированный именной указатель, в котором приведены биографические сведения об упоминаемых в тексте мемуаров личностях. В именной указатель не были вынесены фамилии, упоминаемые в комментариях.

Часть I. Во главе 43-й пехотной дивизии

Глава 1. Сражение у Мазурских озер 1914 года¹

К 28 июля старого стиля² 1914 года II армейский корпус³ закончил свое сосредоточение за рекой Бобром западнее Гродно. 43-я пехотная дивизия⁴, начальником которой я тогда был, заняла район Голынка – Липен и получила приказание от командира корпуса генерала от кавалерии Шейдемана подготовить укрепленную позицию для обороны против выходов из Августовского леса на фронте тех же селений. На полевых поездках, на маневрах войск в мирное время мы хорошо изучили эти места, равно как и все пути, пролежавшие через лес от Августово⁵ на Гродна⁶. Легко ориентировались на местности; каждый из четырех полков получил свой участок и с усердием принялся копать. Нужно заметить, что 43-я пехотная дивизия в мирное время выходила в лагерный сбор в Оране⁷, где кроме нас собирались все саперные батареи Виленского военного округа, Ковенская крепостная артиллерия для прохождения курса стрельбы и Виленское военное училище. Таким образом, совместное нахождение с саперами и крепостной артиллерией, иногда совместные с ними занятия: закладка параллелей, атака укрепленных узлов позиции, опыты стрельбы полевыми скорострельными пушками и полевыми 48-дюймовыми гаубицами⁸ по фортификационным постройкам и блиндажам много способствовали расширению наших знаний в этом отношении, и можно было только пожалеть о том, что по недостатку средств, времени и места никогда не приходилось возводить целого укрепленного участка, хотя бы на полк. А также пожалеть и о том, что опыт войны с Японией недостаточно был использован саперами, несколько консервативными в своей специальности; чему также способствовало и отрицательное отношение к окопному делу в верхах, особенно военного министра Сухомлинова, сторонника подвижных действий войск и врага «закапывания в землю». По этому поводу я могу рассказать следующее: в 1907 году в Комитете по

¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в 1914 году в операции 1-й армии у Мазурских озер». Он датирован (в конце рукописи): «2 февраля 1927 года Ковачица (Банат)».

² В дальнейшем изложении все числа даны по старому стилю.

³ В состав II армейского корпуса входили 26-я и 43-я пехотные дивизии, а также 2-й мортирно-артиллерийский дивизион, 4-й саперный и 3-й понтонный батальоны. Командиром корпуса являлся генерал от кавалерии Сергей Михайлович Шейдеман (с 15 мая 1912 года), начальником штаба – генерал-майор Константин Константинович фон Колен (с 10 ноября 1911 года), инспектором артиллерии – генерал-лейтенант Константин Иванович Тихонравов (с 13 июня 1914 года).

⁴ Штаб 43-й пехотной дивизии в мирное время находился в Вильне. В ее состав входили полки: 169-й пехотный Новотроцкий (Олита), 170-й пехотный Молодечненский (Вильна), 171-й пехотный Кобринский (Гродно), 172-й пехотный Лидский (Лида). Первые два полка составляли 1-ю бригаду, остальные – 2-ю. С началом военных действий пост одного бригадного командира был упразднен. Таким образом, к началу войны командный состав дивизии был следующим: начальник дивизии – генерал-лейтенант Владимир Алексеевич Слюсаренко (он занимал этот пост с 15 мая 1910 года); начальник штаба – полковник Николай Николаевич Десино (с 28 марта 1914 года); командир бригады – генерал-майор Леонид Прокопович Тернавский (с 17 ноября 1912 года); командир 43-й артиллерийской бригады – генерал-майор Владимир Александрович Ватаци (с 28 марта 1912 года); командир 169-го пехотного Новотроцкого полка – полковник Николай Николаевич Якимовский (с 2 ноября 1912 года); командир 170-го пехотного Молодечненского полка – полковник Иван Егорович Кондратьев (с 9 ноября 1913 года); командир 171-го пехотного Кобринского полка – полковник Владимир Карлович Сегеркранц (с 3 сентября 1913 года); командир 172-го пехотного Лидского полка – полковник Владимир Романович Романов (с 24 ноября 1908 года).

⁵ Имеется в виду Августов – уездный город Сувалкской губернии; ныне Аугустув (Augustów), центр гмины и повята Подляского воеводства Польши.

⁶ До реформы 1918 года было распространено написание названия города Гродно как Гродна; ныне центр Гродненской области Белоруссии.

⁷ Имеется в виду местечко Ораны Троцкого уезда Виленской губернии, расположенное при впадении речки Оранки в речку Мерчанку. Близ него располагался крупный военный лагерь.

⁸ В русской армии на вооружении состояли 48-линейные полевые гаубицы образца 1909 (Круппа) и 1910 (Шнейдера) годов; они имели калибр 121,9 мм.

образованию войск (я состоял тогда временным членом от войск) между прочим обсуждался составленный проект «окопного дела в войсках» и был поднят вопрос о том, кому должно быть предоставлено право отдачи приказа: приступить в бою к самоокапыванию? Высказываемые мнения были различны: одни находили, что право это должно принадлежать начальнику отряда, другие – начальнику дивизии, третьи – командиру полка, командиру батальона и роты и даже попросту каждому стрелку, носящему лопату. Много по этому вопросу говорилось и, наконец, закрытой баллотировкой решено право это дать командиру полка. Председатель комитета генерал Скугаревский с мнением большинства не согласился и представил протокол заседания военному министру. Генерал Сухомлинов от такого решения комитета пришел в негодование и приказал генералу Скугаревскому представить ему список членов комитета, голосовавших за командира полка и ниже, чтобы взять их на учет как «закапывателей в землю». Об этом председатель доложил комитету, и так как баллотировочных записок прошлого заседания не сохранилось, то просил повторить эту баллотировку и записки подать за своей подписью. Что и было исполнено. На этот раз, к общему нашему удовольствию, вопрос о предоставлении права командиру полка был принят единогласно. Не знаю, были ли мы все взяты на учет генералом Сухомлиновым или он понял свою бестактность, только больше об этом в комитете не говорилось.

Опыты стрельбы 48-дюймовыми гаубицами по возведенным саперами блиндажам указали, что все их постройки прежнего типа, хотя и усиленные толщиной всякого рода покрытий, не выдерживали сотрясения разрыва бомб, сцепления деревянных стоек и рам нарушались – блиндажи заваливались. Опытная стрельба из 3-футовой скорострельной пушки гранатой⁹ по укрепленному узлу, сверх ожидания, дала также указания на то, что вследствие значительного бокового разлета осколков защитники несут большие потери и траверсы необходимы. Гнездные окопы по системе инженера Модраха, получившие такое широкое применение в мировой войне, на оранском полигоне не практиковались.

Теперь под Гродна командиры полков явились действительными руководителями укрепления своих полковых участков, и каждый по-своему проявил свои знания. Лучшими по своему очертанию оказались окопы 171-го пехотного Кобринского полка. В 172-м Лидском полку, командир которого был участником Японской войны, был применен тип узких глубоких окопов, то же и в 169-м пехотном Ново-Трокском полку. Во всяком случае, это был первый наш опыт, и теперь, через 12 лет, должен сказать, и горчайший, так как позиции эти нами не были использованы и сослужили роковую помощь нашему врагу в феврале 1915 года при окружении в Августовском лесу XX русского корпуса, когда он тщетно пробивался через эту позицию к Гродна.

Здесь уместно вспомнить относительно воспитания и обучения войск Виленского военного округа.

Порядок и дисциплина в войсках были хороши, воинский дух на надлежащей высоте. На стрельбу в пехоте было обращено большое внимание, и результаты были блестящие. Этому способствовали требования свыше и инспекция стрельбы.

В артиллерийском деле, как и во всех остальных округах, под руководством великого князя Сергея Михайловича¹⁰ в полной мере использован опыт войны с Японией; стрельба с закрытых позиций и управление огнем с наблюдательных пунктов, удаленных от батареи, счи-

⁹ Имеется в виду 3-фунтовая скорострельная пушка Гочкиса (калибра 47 мм), которая имела дальностью до 4,6 км и довольно высокую скорострельность – 15 выстрелов в минуту. В качестве боеприпаса использовалась чугунная или стальная граната (1,5 кг; взрывчатое вещество – около 0,02 кг). Стальная граната пробивала у среза ствола по нормали 88-миллиметрового котельного железа.

¹⁰ Великий князь Сергей Михайлович с 1905 года занимал пост генерал-инспектора артиллерии. Он руководил перевооружением русской армии скорострельной артиллерией после Русско-японской войны, а также организацией боевой подготовки личного состава артиллерийских частей.

тались за норму. В 1906 году под моим председательством в комиссии из членов Главного артиллерийского управления, Офицерской артиллерийской школы и участников Японской войны было выработано «Наставление для боя полевой артиллерии»¹¹, впитавшее в себя принципы французского наставления, исправленного нами на основании опыта Японской войны. За тактическую артиллерийскую единицу принято считать дивизион, огневая единица – батарея. Стрельба через головы своих войск нормальна. Генерал Владимир Драгомиров в своих статьях «Военного сборника» о подготовке р[усских] войск к мировой войне указывает, что это наставление не самобытно и не национально, не видно в нем «русской доктрины». В то время когда это наставление писалось, «доктрина» была утрачена; в аудиториях Академии Генерального штаба ее разыскивали. Но мы на это не обращали внимания и, оценив вполне французское наставление, переработали его на основании собственного опыта в Японской войне. И вышло недурно: полевая наша артиллерия вышла на войну вполне подготовленной и заслужила общие похвалы как друзей, так и недругов немцев. Правила стрельбы, выработанные в Офицерской артиллерийской школе, оказались отличными.

Относительно обучения и подготовки к войне нашей кавалерии всем нам известно, что великий князь Николай Николаевич в бытность свою, еще до войны с Японией, инспектором кавалерии¹², высоко поднял это дело, причем особое внимание обращено было на маневрирование кавалерийских масс и втянутость людского и конского состава в работу на быстрых аллюрах. Все говорило о том, что кавалерия и в мировой войне окажет армии громадную помощь. Однако этого не случилось: отнятая от корпусов и собранная в армейские массы, она не нашла себе надлежащих начальников, да и в верхах нашего командования не оказалось лиц, могущих ставить этим массам правильные и посильные для них задачи. Это повело к взаимному недоверию между старшими кавалерийскими начальниками и высшим командованием, что особенно неблагоприятно для общей работы проявилось в 1-й армии, где, к слову сказать, командующий армией генерал-адъютант Ренненкампф, еще со времени боксерского в Китае восстания¹³ и знаменитых своих многотенных пробегов с забайкальскими казаками на монголках¹⁴ считавший себя знатоком и практиком кавалерийского дела, не сумел заставить подчиненные ему пять с половиной кавалерийских дивизий¹⁵ исполнить те особые задачи по разрушению желез-

¹¹ Имеется в виду принятое в 1912 году Наставление для действий полевой артиллерии в бою Е. З. Барсукова. Согласно ему, «артиллерия в наступательном бою „должна поддержать пехоту с самого начала ее развертывания, почему удаление первых позиций *не может быть очень мало*“, – это, во-первых, а во-вторых, „артиллерия атакующего должна использовать выгоды *закрытых позиций*“, что „особенно выгодно ввиду неясности обстановки и опасности от огня батарей обороны“, и только по мере „развития боя и достижения боевого перевеса обстановка разясняется, элемент времени приобретает первостепенную важность, а закрытия получают для артиллерии меньшее значение, и ей придется действовать также с *полузакрытых и открытых позиций*“, допускающих более быстрое открытие огня артиллерии и в меньшей степени требующих применения искусственной связи». См.: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 4. С. 24.

¹² Великий князь Николай Николаевич занимал пост генерал-инспектора кавалерии с 6 мая 1885 по 8 июня 1905 года. Премником великого князя стал генерал от кавалерии Всеволод Мятвеевич Остроградский, который являлся генерал-инспектором кавалерии (с 15 июня 1905 до 19 января 1917 года).

¹³ Во время подавления Ихэтуаньского восстания в 1901 году в Китае П. К. фон Ренненкампф, будучи начальником штаба войск Забайкальской области, возглавил кавалерийские рейды, зарекомендовав себя выдающимся кавалерийским командиром. Его подвиги в Китае были отмечены высокими наградами: орденом Св. Георгия 4-й (приказ от 12 августа 1900 года) и 3-й (приказ от 22 декабря 1900 года) степеней. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов он с 1 февраля 1904 по 31 августа 1905 года командовал Забайкальской казачьей дивизией. За боевые отличия он был награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами (приказ от 30 января 1906 года) и золотым оружием с надписью «За храбрость» (12 февраля 1906 года).

¹⁴ Имеются в виду монгольские лошади. Эта порода, по ряду источников, осталась почти без изменений со времен походов Чингисхана – коренастые лошади (высотой 122–142 см), с относительно короткими ногами и большой головой, очень длинными гривой и хвостом, с очень устойчивыми копытами. Чаще встречаются гнедые и рыжие монгольские лошади.

¹⁵ Кавалерия 1-й армии в августе 1914 года состояла из следующих подразделений: 1-я гвардейская кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Николай Николаевич Казнаков; 2-я гвардейская кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух; 1-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Василий Иосифович Гурко; 2-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант хан Гуссейн Нахичеванский; 3-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Владимир Карлович Бельгард; 1-я отдельная кавалерийская бригада: генерал-майор Николай Алоизиевич Орановский.

нодорожной сети в Восточной Пруссии, на которой основывался успех всего маневрирования и обороны немцами.

Тактические занятия, полевые поездки и маневры войск, производившиеся преимущественно в районах предполагаемых военных действий, принесли всем нам громадную пользу, особенно когда во главе округа стояло такое авторитетное лицо, каким был генерал от инфантерии Мартсон¹⁶, придававший этим занятиям особо важное значение, и лиц высшего командования, не проявлявших надлежащей инициативы и знаний, аттестовывал «не соответствующими» на занимаемых ими должностях. Так были отчислены после больших маневров на реке Дитве два командира корпусов.

Авиация и воздухоплавание были в зачаточном состоянии, и даже высшее начальство не знало, как его можно и должно использовать в будущих боях. Помню, на тактических занятиях в Гродна, при штабе II армейского корпуса, когда я для разведки противника выслал аэроплан, мне на разборе командир корпуса генерал Шейдеман в шутливом тоне сказал: «Аэроплан не голубок, которого можно возить с собой, выпускать полетать и принимать опять в свой штаб!» Точно этому голубку нужно было непременно вылетать из места нахождения штаба, а не со своего аэродрома, связанного со штабом телефоном, по которому получить приказ о вылете и, вернувшись с разведки, донести тем же способом о результатах ее.

Многие войска аэропланов не видели и понятия о них не имели, а потому генералу Ренненкампу нельзя было так сурово отнестись к начальнику 72-й пехотной дивизии¹⁷, прибывшей на театр военных действий из Пензы за то, что подчиненная ему дивизия 24 августа, подходя к Бенгхейму¹⁸ и увидев над походной колонной два планирующих к своему аэродрому аэроплана, открыла по ним огонь и свалила их на землю.

II армейский корпус по мобилизационному плану вошел в состав 2-й армии под команду генерала от кавалерии Самсонова, известного всем нам по Вафангоу в Японской войне и по приказам о зимних занятиях в войсках Варшавского военного округа, где он после того был на должности начальника штаба¹⁹, и с легкой руки которого перед наступлением зимнего периода каждый округ старался перешеголять другие округа своими указаниями, иногда даже идущими в нарушение существующих уставов и наставлений. Тут уместно вспомнить и о том случае, когда на докладе начальника штаба Виленского военного округа генерала Преженцева бывшему командующему войска округа генералу Гершельману об указаниях с его стороны для такого приказа, тот сказал: «Никаких приказов, есть уставы, пусть и учатся!» Так и обошлось без зимнего приказа.

Да! Генерал Гершельман был настоящий начальник – «железный генерал», как его называли во время войны с Японией, и без всяких фокусов! Жаль, что смерть не пощадила его и унесла в могилу до всемирной войны. Но и в короткое время своего командования Виленским военным округом он сразу дал тон честному и прямому направлению в воспитании и обучении войск. Генерал от инфантерии Мартсон, следовавший за ним на посту командующего войсками, это направление поддержал, и если войска Виленского округа во всемирной войне оказались хорошо подготовленными и на высоте своего призвания, то в этом совершенно не повинен генерал Ренненкампф с его бутафорией, интриганством и отсутствием рыцарской порядочности, без которой немислим полководец! Я не говорю также о теоретическом багаже

¹⁶ Генерал от инфантерии Федор Владимирович Мартсон занимал пост командующего войсками Виленского военного округа с 23 ноября 1910 по 17 января 1913 года.

¹⁷ Имеется в виду генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Орлов.

¹⁸ Имеется в виду деревня Бенкхейм (Benkheim) в округе Хейльсбурге в Восточной Пруссии; ныне деревня и гмина Бане-Мазурске (Banie Mazurskie) в Голдапском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹⁹ Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов генерал А. В. Самсонов с 15 марта 1904 года командовал Уссурийской конной бригадой, а с 20 июля 1904 года – Сибирской казачьей дивизией. В сражении при Вафангоу его дивизия произвела обходное движение 4-й японской дивизии, решившее тем самым исход боя. Пост начальника штаба Варшавского военного округа он занимал с 24 сентября 1905 по 3 апреля 1907 года.

и талантливости, которых он не имел, но и боевая его деятельность, в Китае при усмирении боксерского восстания и в войне с японцами, носила скорее отрицательный, чем положительный характер. Насколько мне известно, Высшее аттестационное совещание не удостоивало его к повышению на должность помощника командующего войсками, и каким образом случилось, что во время болезни генерала Мартсона этот последний был уволен со своей должности, а генерал Ренненкампф получил назначение на его место, остается для меня и многих совершенно непонятным!

... Таким образом, переход нашего II корпуса из-под власти генерала Ренненкампфа под власть генерала Самсонова ни радостей, ни печалей нам не принес, а те высшие мобилизационные соображения, на основании которых это делалось, нам, смертным, не были известны и понятны.

Впереди нас в Августове находился, в авангарде корпуса, 104-й пехотный Устюжский полк. Левее нас – 26-я пехотная дивизия. Что делалось правее нас, мы не знали.

1 августа получен приказ о наступлении к границе 43-й пехотной дивизии колоннами: правой по шоссе Липск²⁰ – Августов, левой – на Штабин²¹. Ночлег в районе Августово – озеро Кольно.

4 августа мы благополучно переходили границу, противника не встречали. Сама граница ничего из себя не представляла: хорошо пробитая объездчиками тропа, обозначенная белыми камнями, никакой проволоки не оказалось. В некотором от нее отдалении – постройка с мезонином, по всей вероятности, пост.

С 4 по 5 августа ночлег в Калиновене²² и Гронскене²³.

5 августа корпусу приказано занять Лык²⁴, для чего 43-я пехотная дивизия следует севернее озера Гозельчент²⁵ и охватывает город с севера и запада, а 26-я пехотная дивизия следует южнее этого озера и занимает город с юга со стороны Граева²⁶.

Для исполнения этой задачи 43-я пехотная дивизия направляет 1-ю свою бригаду по шоссе на Леген²⁷ – Лык и 2-ю бригаду в обход с севера на Хельхен²⁸ – Пржикопкен²⁹ – Лык. Я со штабом дивизии находился при левой колонне и, дойдя до Легена, остановился, чтобы от этого места тянуть телефонные провода за обеими колоннами. Путь для 2-й бригады был кружной, и для согласования движения бригад пришлось 1-ю бригаду задерживать; тем не менее часа в 4 дня авангард этой колонны, пройдя лес у Будзекена³⁰, встречен был ружейным огнем противника, расположившегося за шоссевым мостом через протекавшую здесь глубокую речку.

²⁰ Липск – посад Августовского уезда Сувальской губернии, на реке Бобр; ныне гмина Липск (Lipsk) входит в Августовский повят Подляского воеводства Польши.

²¹ Штабин – посад Августовского уезда Сувальской губернии; ныне гмина Штабин (Sztabin) входит в Августовский повят Подляского воеводства Польши.

²² Калиновен (Kallinowen) – центра района в округе Лик в Восточной Пруссии; ныне деревня и гмина Калиново (Kalinowo) Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²³ Гронскен (Gronskен) – деревня в районе Боршимен в округе Лик в Восточной Пруссии; ныне деревня Грондзке-Элцке (Grądzkie Elckie) в гмине Калиново.

²⁴ Лик (Lysk); ныне город Элк (Elk), центр гмины и повята в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши.

²⁵ Имеется в виду озеро Гроссен-Цельментзее (Großen Zement-See), которое ныне именуется Элским озером.

²⁶ Граево (Grajewo) – еврейское местечко в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне центр гмины и повята в Подляском воеводстве Польши.

²⁷ Правильно Лееген (Leegen) – населенный пункт в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Лега (Lega) в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²⁸ Хельхен (Chelchen) – деревня в районе Ковален Олецкого округа Восточной Пруссии; ныне деревня Хелхы (Chelchy) в гмине Ковале-Олецке Олецкого повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²⁹ Пржикопкен (Przykorpen) – деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Пржикопка (Przykopka) в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁰ Имеется в виду Бучкен (Buczken) – деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне Бучки (Buczki), деревня в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

Головной 169-й пехотный Ново-Трокский полк развернулся в боевой порядок и, заняв опушку леса, завязал перестрелку. С возвышенности к северу от Лыка неприятельская батарея открыла огонь шрапнелью, на который тотчас же ответила наша батарея и после нескольких удачных очередей по ней замолкла. Командир полка полковник Якимовский, желая оттеснить неприятельскую пехоту от моста, приказал своей пулеметной команде, стоявшей тут же невдалеке в выемке шоссе, выдвинуться к самому мосту и обстрелять противника. Начальник пулеметной команды, вместо того чтобы снять пулеметы и продвинуться туда с ними на руках, двинулся на двуколках, лошади перепугались и несколько двуколок понесли прямо на мост. Мост оказался сожженным, мостовая настилка провалилась, и пулеметы с двуколками и лошадьми попадали в воду. Через несколько времени противник отступил, но новотрокцы преследовать его не могли, так как речка оказалась так глубока, что вброд перейти ее нельзя было. Нужно было вызывать мостовое отделение саперного батальона. Наступила ночь, и только к рассвету следующего дня 1-я бригада заняла город с запада. В то же время туда вошли части 26-й пехотной дивизии со стороны Граева. 2-я бригада 43-й пехотной дивизии дошла до Пржикопенка, где приказано было ей остановиться и прикрывать корпус со стороны крепости Лётцен³¹.

Город бомбардировке не подвергался. Войска в него введены не были, оставаясь за городом. В городе дозволено было разместиться штабам корпуса и дивизий, госпиталям и интендантским складам.

Для штаба 43-й пехотной дивизии отведены офицерские квартиры в казармах местного немецкого пехотного полка и манеж этого полка для интендантского склада.

На мою долю досталась квартира адъютанта полка, помещавшаяся во втором этаже, рядом с полковой канцелярией. Квартира состояла из двух комнат, кухни и прихожей, хорошо меблирована, постель застлана прекрасным шелковым одеялом; тут же туалетный стол с разного рода косметикой, гардероб, полный белья, одежды и щегольских сапог; особый стол с охотничьим ружьем в особом ящике и охотничьими принадлежностями. И в довершение всего в гостиной на столе перед диваном – кофейный сервиз с недопитым кофе... Видимо, наш приход был большой неожиданностью для местного гарнизона, а адъютант – большой франт и дамский кавалер. Осмотревшись в квартире и отдав своему вестовому строжайшее приказание ничего чужого не трогать, я тотчас же направился в полковую канцелярию, дверь в которую была не заперта; там был полнейший порядок, какой только может быть у немцев: все дела и книги на своих местах и особо целая стопа планов и карт, к которым я тотчас же и потянулся. Тут во многих экземплярах оказались планы Восточной Пруссии, знакомые нам, в масштабе 3½ версты в одном дюйме; в крупном масштабе – планы крепости Кёнигсберг³² со всеми ее фортами и фортификационными постройками; несколько более мелкого масштаба планов крепости Лётцен и много планов нашей пограничной полосы вместе со сборными к ним планами, расчерченными на квадраты с номерами. По этим сборным планам можно было видеть, что аппетиты немцев по части захвата территорий других держав простирались на Европейском фронте в России – до Западной Двины и Днепра; на всю Румынию и Болгарию, Европейскую Турцию с Адрианополем³³ и Константинополем³⁴; а также на все наше Закавказье. Несколько

³¹ Лётцен (Lötzen) – город и центр округа в Восточной Пруссии. Здесь в XIV веке был возведен орденсбург Германского ордена. Расположенная здесь крепость, о которой пишет Слюсаренко, именовалась не Лётцен, а Бойен (Feste Boyen) – по имени инициатора ее строительства, военного министра короля Фридриха Вильгельма IV Германа фон Бойена. Она была возведена в 1847–1855 годах между озером Киссайн, южной частью Мазурских озер и озером Левентин и занимала площадь около 100 гектар. Крепость имеет форму семиконечной звезды, окружена системой земляных валов и рвов. В ней четверо ворот, главные – двойные Лётценские ворота – имеют подъемный мост. Крепость никогда не была взята. После Второй мировой войны Лётцен перешел к Польше и был переименован в Лучаны. В марте 1946 года в честь польского писателя Густава Гизевуша он получил название Гижицко (Giżycko); ныне город является центром гмины и повята Варминьско-Мазурского воеводства.

³² Кёнигсберг (Königsberg) – столица прусской провинции Восточная Пруссия. В 1945 году перешел к СССР; ныне город Калининград, административный центр Калининградской области России.

³³ Город в европейской части Турции, в 1920–1922 годах входил в состав Греции; ныне город Эдирне, административный

планов Восточной Пруссии были наклеены на холст и предназначались для пользования ими в поле, я их забрал себе. С помощью позванного адъютанта мы рассортировали все эти планы: те, которые годились для нас и полков, оставили у себя, а все остальные отправили в штаб корпуса вместе со знаменем одного из французских пионерных батальонов, захваченным немцами в войну 1870 года и найденным адъютантом капитаном Новицким в зале брошенного со всей обстановкой офицерского собрания.

Благодаря задержке нашей у сожженного моста немцам удалось угнать с вокзала весь подвижной состав и паровозы.

6 августа приказано было выдвинуть от 43-й пехотной дивизии один полк пехоты с батареей и сотней казаков в авангард к Арису³⁵. Назначены мною: 169-й пехотный полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и сотня казаков – все под командой полковника Якимовского.

7 августа II корпус оставался на месте. В полдень я на автомобиле отправился в Арис к авангарду, чтобы осмотреть позицию и вместе с командиром полка обсудить порядок занятия ее. От Лыка туда шло прекрасное шоссе, а с севера от крепости Лётцен через Арис проходит и железная дорога на Иоганенбург³⁶. Как известно, в Арисе был немецкий артиллерийский полигон³⁷. Самый город расположен в озерном узле, и выбор позиции для обороны его при наступлении противника с запада и с юго-запада со стороны Иоганенбурга был одинаково затруднителен, так как и в том и другом случаях в тылу позиции оказывались озера, не только мешавшие маневрированию, но и преграждавшие путь отступлению. Стрельбищное полигонное поле простиралось на юг от города, совершенно ровное и открытое, и на горизонте к стороне Иоганенбурга обрамлено большим лесом. На поле – всюду наблюдательные вышки и телефонные провода. У самого города небольшой бруствер долговременного укрепления со рвом и проволочными заграждениями, по-видимому, служил для установки крепостных орудий, и с него производилась практическая стрельба. Большое число барачных жилищ из гофрированного железа в форме поваленных на землю полуцилиндров с небольшими окнами на их боках, производило удручающее впечатление тесноты и неудобства жилья в них и полным отсутствием эстетики. В точно таких же сараях было свалено разного рода артиллерийское и лагерное имущество и между прочим змейковый воздушный шар. Судя по числу барачных жилищ и телефонных проводов на поле, можно было думать, что здесь собиралось на практику большое число батарей.

Меня, старого артиллериста, все это очень интересовало, а ровное и открытое как ска-терть стрельбищное поле и радовало, так как служило доказательством того, что все практические стрельбы производились немцами с открытых позиций по открыто стоящим целям. В ближайшем на юго-востоке от Ариса лесу горел громадный костер, и густой столб дыма был далеко виден. На мой вопрос, что это, мне доложено, что горит большая куча хвороста, неизвестно кем подожженная, что это, вероятно, зажжен лесником «немецкий маяк» для обозначения прихода сюда русских войск. В дальнейшем я убедился, что это предположение было правильно и всюду в лесах наблюдались сложенные кучи хвороста и дров, которые при приближении наших войск поджигались лесниками.

центр одноименного ила.

³⁴ До революции в России было распространено именно это, греческое название Стамбула.

³⁵ Арис (Arys) – город в округе Йоханнисбург в Восточной Пруссии; ныне город Ожиш (Orzysz), центр гмины в Пишском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁶ Имеется в виду Йоханнисбург (Johannisburg) – окружной центр в правительственном районе Алленштейн прусской провинции Восточная Пруссия; ныне город Пиш (Pisz), центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁷ Полигон и учебный военный лагерь Арис (Truppenübungsplatz Arys) был устроен в 1891 году, а через пять лет в городе был размещен гарнизон. Вскоре полигон был расширен и стал играть важную роль в регионе. В 1905 году он был связан железной дорогой с Йоханнисбургом. В начале Второй мировой войны размеры полигона и лагеря были доведены до почти 20 тысяч гектар. После освобождения этой территории советскими войсками в 1945 году здесь был размещен лагерь для интернированных. Затем он был передан Войску Польскому и до наших дней используется как военный лагерь и полигон.

После долгого объезда местности вопрос об обороне Ариса нами вырешен, и я возвратился в Лык.

8 августа получен приказ по фронту о передаче II армейского корпуса из 2-й армии в 1-ю. Чем это вызывалось, нам совершенно не было известно, так как мы совершенно не были осведомлены о том, что делается в 1-й армии, а также и в соседних слева корпусах 2-й армии.

II армейский корпус получает приказ о передвижении на север усиленными переходами, а для связи со 2-й армией у Ариса остается отряд под командой полковника Якимовского в составе 169-го пехотного Ново-Трокского полка, 6-й батареи 43-й артиллерийской бригады и одной сотни донских казаков.

2-й бригаде 43-й пехотной дивизии приказано занять Юху³⁸ и обеспечить движение корпуса от удара со стороны крепости Лётцен.

9 августа корпус переходит на ночлег в район Круглянкин – Орловен – Регуловкин³⁹. К Видминен⁴⁰ от 43-й пехотной дивизии приказано выслать один батальон в заслон со стороны крепости Лётцен, которому и оставаться здесь впредь до особого распоряжения штаба 1-й армии (назначен 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша).

В ночь с 9 на 10 августа штаб корпуса о своем месте нахождения нам ничего не сообщил и приказа на следующий день не прислал. Приходилось принимать самостоятельно решение и, нужно сказать, на основании очень скудных сведений. Говорю об этом, так как на протяжении всех трех лет этой войны явление это повторялось неоднократно, и из последующих моих описаний будет видно, насколько тяжело и ответственно положение начальника, принимающего самостоятельное решение в таких случаях.

Получив сведение от местных жителей Орлова⁴¹ (поляков) о том, что несколько дней тому назад немцы выгоняли их в лес Боркен⁴² заваливать дороги деревьями, и не имея в своем распоряжении дивизионной конницы (оставленной с полком пехоты у Ариса) для разведки и проверки полученных сведений, принимаю решение 10 августа утром продолжать движение на север для соединения с 1-й армией, следуя в одной колонне по дороге от Круглянкина на Гассевен⁴³ между лесом Боркен и озером Долбонар⁴⁴. Это решение оказалось в общем правильным и не отвечало только полученному мною уже во время марша приказу по корпусу в том отношении, что для своего движения на Гассевен я избрал дорогу западнее леса, а не пошел через лес.

Лишенный дивизионной конницы и с помощью одних лишь полковых средств связи и разведки, я никаких сведений о противнике и о соседних частях войск 1-й армии, к которой мы стремились на соединение, не получал, не осведомлял нас о них штаб корпуса. Придя в Гассевен, штаб дивизии расположился на ночлег в господском доме, брошенном хозяевами; в доме все было разбросано, видно было, что хозяева впопыхах не знали, что увозить с собою.

³⁸ Юха (Jucha) – деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Старе-Юхи, центр гмины Элского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁹ Автор несколько неточно передает названия населенных пунктов. Они все – деревни в округе Лётцен в Восточной Пруссии, а ныне входят в состав Гижицкого повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши. Кругланкен (Kruglancken), ныне деревня Круглянки (Kruglanki), центр гмины. Орловен (Orlowen) в 1938 году был переименован в Адлерсдорф (Adlersdorf); ныне деревня Орлово (Orłowo) в гмине Выдмины. Регуловкен (Regulowken), ныне деревня Можджаны (Możdżany) в гмине Круглянки.

⁴⁰ Видминен (Widminnen) – деревня в округе Лётцен в Восточной Пруссии; ныне деревня Выдмины (Wydminy), центр гмины в Гижицком повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴¹ Имеется в виду Орловен.

⁴² Ныне Борецкая пушта.

⁴³ Гассевен (Gassöwen) – деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; в 1938 году объединена с соседней деревней Шлосберг в единое поселение Хейденберг (Heidenberg), которое ныне носит название Гродзиско (Grodzisko).

⁴⁴ Автор путает название. Имеется в виду озеро Гольдапгар, которое ныне именуется Голдопиво.

На обширном дворе – стога сена и не обмолоченного еще хлеба; множество живности – гусей, уток, кур – наполняло его. Большой балкон выходил во фруктовый сад, с деревьями, отягощенными спелыми яблоками и грушами, которые так к себе и манили! Но на беду, отъезжавшие хозяева загнали в сад громаднейшего племенного быка, который ревом своим при виде людей наводил на всех такой страх, что на фуражировку за яблоками решались только смельчаки. К вечеру пастух пригнал на двор стадо прекрасных черно-белых «немецких» коров и с ведром воды направился в сад поить быка, который после того совершенно успокоился: ларчик просто открывался – бык ревел потому, что хотел пить! Ужинали мы на балконе. Стена дома, выходящая на него, была украшена большой картиной-пейзажем, разделенным речкой, протекающей в неглубокой долине на две части: правая, представляющая из себя зимний пейзаж, под снежным покровом, с еловым лесом, убранном инеем, и с седовласым старцем в шубе, валенках и бараньей шапке с посохом в руке, зорко смотрящим на противоположный берег речки, и левая – летний зеленый пейзаж, с желтеющими нивами, голубым небом и цветами, и на нем здоровый молодой немец, в рубашке с засученными рукавами и заступом в руках, с негодованием смотрящий на белого грозного старика. Эта аллегорическая картина имела дату: 1912 год. Под ней мы красным карандашом написали: «1914 год»!

За ночь приказа от командира корпуса получено не было. Решил продолжать дальнейшее движение на север двумя колоннами: левой (полк пехоты и две батареи) на Гродзиско⁴⁵ – Домбравкен⁴⁶ (боковой авангард) и правой (главными силами два полка пехоты, три батареи) на Лиссен⁴⁷ – Бенгхейм. Штаб при главных силах. В то время когда обе колонны уже вытянулись по своим дорогам, приезжает на автомобиле командир корпуса.

– Вы получили мой приказ?

– Никак нет!

– Ночью выслал вам с казаками!

– Никаких казаков не приезжало! Решил двигаться на север до шоссе, идущего из Голдапа⁴⁸ на Бенгхейм – Домбравкен – Ангербург⁴⁹, и, сделав там привал, выждать вашего приказа.

– Это ваше решение соответствует моему приказу, но только вам незачем было двигать главные силы на Лиссен – Бенгхейм, а можно было вести их за авангардом на Домбравкен, так как дальше вы должны всей дивизией двигаться на Ангербург!

Таким образом, главным силам пришлось сделать напрасный крюк в восемь верст, а привал назначить по достижении авангардом Грондена⁵⁰.

Левее нас по проселочным дорогам на Гембалкен⁵¹ – Крживинкен⁵² – Ангербург двигалась 1-я бригада 26-й пехотной дивизии под командой генерал-майора Ларионова⁵³, с которой мы и сошлись на шоссе за Гронденом.

⁴⁵ Гродзиско (Grodzisko) – деревня, административный центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии. Ныне находится в Гольдапском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁶ Имеется в виду Польниш-Домбровкен (Polnisch Dombrowken) – деревня в округе Бенкхейм в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Домбрувка-Польска (Dąbrowka Polska) в Гольдапском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁷ Лиссен (Lissen) – деревня, административный центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Лисы (Lisy) в Бане-Мазурском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁸ Голдап (нем. Goldap, польск. Gołdap) – город, центр земельного района в Восточной Пруссии; ныне центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁹ Ангербург (Angerburg) – город, центр земельного округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне Венгожево (Węgorzewo), центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁰ Гронден (Gronden) – деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне деревня Гронду-Венгожевске (Grądy Węgorzewskie) Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵¹ Гембалкен (Gembalken) – деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Гембалка (Gębałka) в Позездзской гмине Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵² Крживинкен (Krzywinksen) – деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне Кжывиньске (Krzywińskie) –

На привале у Грондена мы встретили перегораживавшую нам дорогу, укрепленную и брошенную немцами позицию, идущую от слияния рек Голдапа и Ангерана в направлении на юг на Бросовкен⁵⁴. Поинтересовались, конечно, ее устройством. Окопы углубленного профиля, узкие, глубокие, с большим разбросом земли на бруствере, без траверсов и козырьков. Проволочные заграждения в два ряда кольев, с гладкой проволокой вынесены шагов на сто вперед, а в промежутке между ними и бруствером селки⁵⁵ из медной проволоки. Бруствер маскирован разбросанной по нему соломой. В общем, окопы ничего особенного из себя не представляли, а препятствия оказались легко преодолимыми, и никто из нас в селок не попался. В Ангербург пришли поздно ночью. В город полки введены не были.

На другой день, *12 августа*, дана была дневка⁵⁶. С наступлением дня жители стали появляться на улицах, но магазины были закрыты. Приказано было их открыть. Появился в продаже хлеб, разбираемый нарасхват! Отдан через магистрат приказ все велосипеды и мотоциклы собрать в одно место и затем раздать их в полки. Казалось бы, что при тех прекрасных шоссежных дорогах, какие оказались у немцев в Восточной Пруссии, и велосипеды, и мотоциклы должны были бы найти себе применение в войсках, но этого не случилось, в дальнейшем нашем марше всюду по пути нашего следования валялись поломанные велосипеды и мотоциклы – их побросали.

Сведений ни о противнике, ни о своих соседях по-прежнему мы не имели. О том, что во 2-й армии идут жестокие и неудачные для нас бои, также ничего не было известно.

13 августа 43-й дивизии приказано было двигаться в северо-западном направлении на Домбравкен и через лес, что к юго-западу от озера Норденбургского, в Вольфсгаген⁵⁷, где и заночевать.

Марш этот дивизия должна была совершать одной колонной, так как через этот густой, большой сосновый лес имелась одна лишь дорога. В авангард назначен 172-й пехотный Лидский полк с батареей; я верхом со штабом ехал в голове колонны главных сил и, очарованный прекрасным осенним днем и полной тишиной в природе, незаметно для себя отделился от колонны и вслед за цепочкой от авангарда втянулся в лес, где также была полная тишина. Вдруг среди самого леса в непосредственной близости от нашей группы, затрещали ружейные выстрелы и над головами засвистали пули, наша цепочка и оставшие от авангарда нижние чины тотчас же начали отвечать на этот огонь, кто-то закричал «немцы!». Начальник конвоя спешил свой конвой, крикнул «ура!», все бросились в сторону стрелявших и через несколько минут привели ко мне 17 человек немецких солдат, а потом принесли еще одного раненого и одного убитого. Раненный в живот, умирая, все время показывал на грудь, я приказал осмотреть, оказалась под рубахой большая ладанка, данная ему католичкой-матерью с молитвой и просьбой к тем, кто найдет убитым ее сына, прислать эту молитву по указанному ею адресу. Я приказал эту ладанку забрать и сдать в первом же селе старосте для отсылки матери.

В числе пленных оказалось несколько поляков, от которых мы узнали, что они принадлежат XVII немецкому корпусу⁵⁸ и два дня тому назад, находясь в сторожевом охранении у

деревня в Венгожевском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵³ В состав 1-й бригады 26-й дивизии входили 101-й пехотный Пермский и 102-й пехотный Вятский полки (оба до войны дислоцировались в Гродно). После начала войны в дивизии остался только один бригадный командир – генерал-майор Я. М. Ларионов, который формально числился командиром 2-й бригады дивизии.

⁵⁴ Бросовкен (Brosowken) – деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне Бжозувко (Brzozówko) – деревня в гмине Будры в Венгожевском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁵ Имеются в виду силки.

⁵⁶ Дневка предполагала остановку войск на отдых на целый день, причем в отличие от полудневки во время дневки войска ночуют две ночи подряд на одном месте.

⁵⁷ Имеется в виду Вольфсгаген (Wolfshagen) – деревня в округе Растенбург в Восточной Пруссии; ныне Вильчины (Wilczyny), деревня в гмине Сроково в Кентшинском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁸ XVII германский армейский корпус (командир – генерал кавалерии Август фон Макензен, начальник штаба – под-

восточной опушки этого леса, отбились от своего полка и заблудились. Заметив движение русских войск, они попрятались за штабеля дров, сложенных на прогалине леса, правее дороги, и не знали, на что решиться, но были замечены нашим солдатом, который по ним выстрелил и закричал: «Немцы!», невольно начали отстреливаться, а потом, заметив русского офицера, сдались в плен.

От стрельбы наделался переполох, прискакали из колонны узнать, в чем дело. Казаки уже успели снять чехлы с касок немцев и торжественно демонстрировали их как первых своих пленных!

Левее нас в этот день двигалась 26-я пехотная дивизия двумя бригадными колоннами, причем левой 2-й бригаде 26-й пехотной дивизии⁵⁹ дано было направление с таким расчетом, чтобы она в дальнейшем своем движении могла отрезать крепость Лётцен с запада.

14 августа – небольшой переход в Бартен⁶⁰. Около этого городка – имение императора Вильгельма II, из которого доставлено интендантом продовольствие для людей и лошадей [для] дивизии.

15 августа 43-й пехотной дивизии приказано из западного направления перейти прямо на север и по прекрасному шоссе двигаться на Гердауэн⁶¹. Там мы встретились впервой с войсками 1-й армии – со штабом и полками 5-й стрелковой бригады⁶². Я тотчас же направился в «шлосс»⁶³, где расположился штаб, чтобы условиться с начальником бригады относительно совместного квартирования и охранения. Жаждал получить от него сведения о всей боевой обстановке и о наших задачах на будущие дни, но, увы, он знал не больше моего! «Шлосс», дворец, в котором расположился начальник 5-й стрелковой бригады⁶⁴, вполне заслуживал этого названия, как по грандиозности и красоте своей постройки так и по высоте, отделке и убран-

полковник Карл фон Дункер) состоял из следующих частей и соединений. 35-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Отто Хенниг: – 70-я пехотная бригада (генерал-майор Генрих Шмидт фон Кнобельсдорф) – 21-й (4-й Померанский) пехотный полк; 61-й (8-й Померанский) пехотный полк; 87-я пехотная бригада (генерал-майор Йоханнес фон Хан) – 141-й Кульмский пехотный полк; 176-й (9-й Западно-Прусский) пехотный полк; 2-й (Померанский) егерский князя Бисмарка батальон; – 35-я полевая артиллерийская бригада (генерал-майор Фридрих Уден) – 71-й полевой артиллерийский Великого комтура полк; 81-й Торнский полевой артиллерийский полк; – 4-й конно-егерский полк; – 1-я рота 17-го (1-го Западно-Прусского) саперного батальона; – 35-й мостостроительный поезд; – 1-я и 3-я санитарные роты. 36-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Констанц фон Хейнекиус: – 69-я пехотная бригада (генерал-майор Георг фон Энгельбрехт) – 129-й (3-й Западно-Прусский) пехотный полк; 175-й (8-й Западно-Прусский) пехотный полк; – 71-я пехотная бригада (полковник Лутц фон Девиц) – 5-й (4-й Восточно-Прусский) гренадерский короля Фридриха I полк; 128-й Данцигский пехотный полк; – 36-я полевая артиллерийская бригада (генерал-майор Виктор Хандорф) – 36-й (2-й Западно-Прусский) полевой артиллерийский полк; 72-й полевой артиллерийский Хозмейстера полк; – 5-й (Померанский) гусарский князя Блюхера фон Вальштагта полк; – 3-я рота 17-го (1-го Западно-Прусского) саперного батальона; – 36-й мостостроительный поезд; – 2-я санитарная рота. 4-й пулеметный батальон 11-й (1-й Западно-Прусский) пеший артиллерийский полк 17-й (2-й Западно-Прусский) пеший артиллерийский полк 17-й (1-й Западно-Прусский) саперный батальон 5-й телеграфный батальон 1-я крепостная радиорота (Торн) 2-я крепостная радиорота (Грауденц) 17-й Западно-Прусский обозный батальон.

⁵⁹ В состав 2-й бригады 26-й пехотной дивизии входили 103-й пехотный Петрозаводский и 104-й пехотный Устюжский генерала князя Багратиона полки.

⁶⁰ Бартен (Barten) – деревня в округе Растенбург в Восточной Пруссии; ныне деревня Барчаны (Barciany) в одноименной гмине Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁶¹ Гердауэн (Gerdauen) – деревня, центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок городского типа Железнодорожный в Правдинском районе Калининградской области России.

⁶² Дислоцированная в мирное время в Сувалках 5-я стрелковая бригада включала в себя 17, 18, 19 и 20-й стрелковые полки.

⁶³ Имеется в виду орденский замок Гердауэн, руины которого – объект культурного наследия регионального значения; ныне находится в поселке городского типа Железнодорожный по адресу: улица Черняховского, 27. Он был заложен в 1315 году комтуром Тевтонского ордена Йоханнесом фон Виннунгеном. Строительство окончено в 1325 году. Во второй половине XVII века замок был заброшен, а в середине XIX века был куплен баронами фон Ромбергами, которые его снесли (остались от замка только подвалы) и построили здесь усадьбу. С 1882 года она перешла в род фон Янсонов. После окончания Второй мировой войны усадьба была заброшена, разграблена и фактически уничтожена; до наших дней дошли ворота в неоготическом стиле с частью стены, руины западного флигеля, перестроенные конюшни с каретной (где в советское время находилась ветеринарная лечебница) и колодец.

⁶⁴ Имеется в виду начальник 5-й стрелковой бригады генерал-майор Петр Дмитриевич Шрейдер.

ству внутренних апартаментов; все в нем было в целостности и полном порядке. Город небольшой, но торговый, теперь переполненный русскими войсками, с трудом мог вместить в себя еще целую дивизию. Жители на улице не показывались, магазины были закрыты.

Я со штабом расположился в доме бежавшего ксендза в непосредственной близости от костела⁶⁵, кругом ограды которого были разбиты коновязи. Появившийся после полудня немецкий аэроплан, безрезультатно обстреливаемый из сотни винтовок, сбросил две бомбы, упавшие вблизи коновязи, убил и поранил несколько лошадей.

На следующий день, 16 августа, 43-й пехотной дивизии приказано перейти в Галинген⁶⁶, а 5-й стрелковой бригаде – в Бартенштейн⁶⁷. Двигались почти параллельно, а от Шипенбейля⁶⁸ – разделенные верховьями реки Алле и все время в связи. 26-я пехотная дивизия двумя бригадными колоннами, по каким дорогам – не помню, направлялась с большим уклоном на юго-запад, с ней связи не удалось установить, так как посланный разъезд из казачьего конвоя никаких сведений не сообщил.

До Галингена переход по обыкновенным дорогам, сильно разбитым проходившими здесь немецкими войсками, в 35 верст, был очень труден, в особенности через лес между Шипенбейлем и Галингеном. Противника не встречали, но в 5-й стрелковой бригаде при занятии ею Бартенштейна произошла перестрелка, как оказалось потом, с ландштурмистами⁶⁹, быстро отступившими. О месте остановки штаба корпуса, по обыкновению, сведений не имелось. Заняв поздно вечером без боя Галинген, я выдвинул авангард (в составе 171-го пехотного Кобринского полка и двух батарей 43-й артиллерийской бригады) по ту сторону леса у Креколеша⁷⁰ и заночевал.

Галинген – небольшое местечко, около которого расположено имение г[ерцогов] Ольденбургов⁷¹. В прекрасном парке – небольшое озеро, на нем – остров со средневековым замком. Встретила нас, в сопровождении лакея и горничных, почтенная особа⁷², по-видимому, с некоторым страхом, но и любопытством, и провела во внутренние покои, указав каждому из нас его комнату и постель. Поляк лакей справился, не желает ли кто-либо из нас получить ванну, подал нам умыться и исчез. Усталые, мы погрузились в мягкую мебель и, созерцая обстановку,

⁶⁵ Имеется в виду приходская церковь в Гердауэне, которая была возведена в первой половине XV века на месте костела, существовавшего еще в XIII веке. В 1913–1914 годах церковь перенесла несколько пожаров, но была восстановлена. Она также благополучно пережила Вторую мировую войну. Однако в 1948 году в ней разместили дом культуры, а в 1957 году забросили. Церковь постепенно разрушалась и только в 1992 году ее начали неспешно восстанавливать.

⁶⁶ Имеется в виду Галлинген (Gallingen) – деревня, центр округа в земельном округе Зенсбург правительственного района Алленштейн в Восточной Пруссии; ныне деревня Галины (Galiny) в гмине Бартошице Бартошицкого повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁶⁷ Бартенштейн (Bartenstein) – город в округе Фридланд правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Бартошице (Bartoszyce), центр гмины и повята в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши.

⁶⁸ Шипенбейль (Schippenbeil) – город в округе Фридланд в Восточной Пруссии; ныне город Семпополь (Sepopol), центр гмины в Бартошицком повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁶⁹ Ландштурм (Landsturm) – ополчение, формировавшееся во время войны; в ландштурм 1-го разряда входили лица, ранее не проходившие службы, в возрасте с 17 до 39 лет; в ландштурм 2-го разряда – с 40 до 42 лет.

⁷⁰ Имеется в виду Креколен (Krekollen) – деревня в земельном округе Хейльсберг правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне деревня Креколе (Krekole) в гмине Квиты Лидзбаркского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷¹ Автор допускает ошибку. На самом деле в Галлингене расположен дворцовый комплекс не герцогов Ольденбургов (каковых вообще не существовало), а богатых восточно-пруссских помещиков – графов цу Ойленбург (Eulenburg). Дворец был построен в 1589 году бароном Бото цу Ойленбургом, однако в XVIII–XIX веках он неоднократно перестраивался, и только в 1921 году ему был возвращен первоначальный вид. Огромный парк был разбит в XIX веке. После Второй мировой войны комплекс был заброшен, а восстановление началось в 1995 году, когда он был приобретен частными лицами.

⁷² На тот момент помещьем Галлинген владели граф Бото-Вендт цу Ойленбург (27.3.1883–1945) и его супруга Эмили, урожденная баронесса Штэль фон Хольштейн (9.8.1890–?). Однако встретившую русских офицеров «хозяйку» Слюсаренко называет «почтенной дамой», что не подходит для 24-летней женщины. Скорее всего, это была тетушка хозяина – Мария (9.8.1847–5.2.1917), в замужестве фон Ольденбург, которая к 1914 году уже 26 лет как была вдовой. Поэтому автор и ошибся с фамилией владельцев.

выжидали прибытия наших вещей и вестовых, без которых офицер в походе чувствует себя как без рук. Наконец они явились и со свойственной им способностью быстро ориентироваться в обстановке тотчас же доложили, что здесь, в замке, находится большая артель русских рабочих, нанятых для уборки хлеба, что для нас готовят на кухне ужин, что для артели рабочих готовит харчи и печет черный хлеб русская баба, которая берется к завтрашнему дню спечь хлеб и на весь штаб... и, в конце концов, между прочим, сообщают о том, что, по словам этих русских рабочих, несколько дней тому назад через Галинген прошло много немецких войск и все направлялись по шоссе на юг... Признаюсь, это были первые сведения о противнике, которые мы получили, и о направлении, по которому отходил противник; и нужно думать, правдивые, так как исходили от русских людей! Начальник штаба⁷³ тотчас же распорядился сведения эти проверить и дополнить их расспросом в артели, а относительно выпечки хлеба, в котором была такая большая нужда для штаба, испросил разрешения почтенной дамы, встретившей нас, и получил разрешение. При помощи наших вестовых мы привели себя в порядок и были позваны к обеду. Стол был сервирован в большой <нрзб> столовой, освещаемой большими канделябрами. Хозяйка, не проявлявшая более страха, любезно предлагала нам яства, пиво и кофе и, узнав о том, что среди нас имеется «казак» (начальник конвоя), подозвала к себе одну из служанок и, указывая на него, что-то ей сказала. Ужас и изумление выразились на лице служанки, но через минуту она успокоилась и засмеялась. Оказалось, что эта служанка страшно боялась появления русских казаков, но когда увидела за столом невзрачного маленького хорунжего с красными лампасами⁷⁴, пришла в веселое настроение. Этот эпизод вызвал веселое также настроение и в нашем обществе.

Отблагодарив за обед, мы отправились по своим апартаментам. Меня беспокоило, конечно, отсутствие приказаний от штаба корпуса и то обстоятельство, что авангард наш выдвинут на запад, в то время когда противник отошел на юг.

Рано утром 17 августа из Бартенштейна получаем известие о том, что 5-й стрелковой бригаде приказано спешно отходить назад в Гердауэн, по каким причинам – неизвестно.

Сведений о левом соседе, 26-й пехотной дивизии, не имеем; молчит и штаб корпуса! Приказываю адъютанту⁷⁵ Генерального штаба капитану Скворцову в сопровождении вооруженного конвоя произвести на автомобиле разведку по шоссе на Бишовштейн – Сантопен⁷⁶ и постараться войти в связь с 26-й пехотной дивизией. Час, другой мучительного ожидания; возвращается капитан Скворцов и докладывает, что на всем пробеге его до Сантопена ни одного русского и немецкого солдата не встретил, шоссе совершенно пустынно, и только невдалеке от Бишовштейна на поле видны валяющиеся трупы лошадей, по-видимому, после произошедшего здесь столкновения конницы.

Решаю следовать примеру правого соседа и отдаю приказ об отходе в Гердауэн. Поднимаются суета, нагрузка и отправка обоза. Артель русских рабочих, узнав о нашем отходе, решает присоединиться к нашему обозу и идти с нами. Выкатывают из экипажного сарая громадный немецкий фургон, запрягают парой рослых коней и до верха нагружают его вещами. Почтенная дама, домоправительница, тоже приходит в волнение, обращаясь ко мне с щекотливым вопросом: куда мы идем дальше? – и просит меня дать ей бумагу, которая бы избавила замок

⁷³ Имеется в виду полковник Николай Николаевич Десино.

⁷⁴ Конвой при штабе дивизии обычно формировался из донских казаков, элементом формы которых были шаровары с широкими красными лампасами. Звание хорунжего в казачьих войсках соответствует подпоручику в пехоте и корнету в кавалерии.

⁷⁵ Имеется в виду старший адъютант штаба 43-й пехотной дивизии, то есть офицер, ведавший в штабе вопросами личного состава и являвшийся ближайшим помощником начальника штаба.

⁷⁶ Имеются в виду город Бишофштейн (Bischofstein) и деревня Сантоппен (Santoppen) в округе Рессель правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Биштынек (Bisztynek) и деревня Сантопы (Sątopy), последняя входит в гмину Биштынек в Бартошицком повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

от разграбления. Отвечаю, что, куда мы пойдём, нам ещё неизвестно – приказано только приготовиться к выступлению, а бумагу дать могу.

Ведет меня через громадный белый зал, увешанный прекрасными портретами августейших особ Российского императорского дома, в кабинет герцога и даёт лист. Пишу, что «в этом замке русским войскам оказано гостеприимство и потому воспрещается всякое насилие и грабеж, за которые виновные будут привлечены к ответственности. Генерал N». Тут же в кабинете на особом столике под стеклянным футляром лежит толстая книга в старинном кожаном переплете. Домоправительница достаёт её и раскрывает передо мной, с пояснением, что это книга для росписи в ней всех посетителей этого замка, в числе которых указывает на имена императорской фамилии, графов, князей и прочих, и на одной из первых страниц в 1814 году – расписка командира одного из русских пехотных полков, возвращавшихся из-под Парижа в Россию и здесь нашедшего с полком приют и отдых. По-видимому, почтенная особа желала, чтобы в книге появилась и моя расписка, через сто лет после вышеуказанной, но я постарался её не понять и своей расписки не оставил.

Поблагодарив за гостеприимство, мы сели на коней и, выехав за замковые ворота и мост, повернули, к своему стыду и огорчению, на восток.

Лесная дорога, которая накануне доставила нам так много неприятностей, за ночь саперами была исправлена, и главные силы прошли через лес без задержки, после чего им приказано было остановиться и подтянуться. В это время подъезжает на автомобиле офицер штаба корпуса и вручает приказ об отходе дивизии, только не на Гердауэн, а через Коршен⁷⁷ на Бартен. Спрашиваю о причинах к отходу и почему с таким опозданием доставляется приказ. Отвечает, что причины ему не известны, отходит вся 1-я армия, а опоздал, потому что сбился с дороги и потерял много времени; добавил, кроме того, что командир корпуса в большой тревоге за 43-ю пехотную дивизию.

Маршрут отхода не совпадал с лично указанным; мы загнули несколько на север, но, по счастью, не перешли ещё шоссе, идущего из Бартенштейна на Коршен, которым и воспользовались. Переход до Бартена был 40 верст и, вследствие позднего выступления, за этот день сделать его не представлялось возможным; и, пройдя железнодорожный узел Коршен, заночевали у Паариса⁷⁸ – Гросс-Вольфсдорфа⁷⁹. Большие склады каменного угля на этом железнодорожном узле были кем-то перед нашим проходом подожжены, и зарево пожара освещало всю окрестность.

18 августа через Бартен – Вольфсгаген, по знакомой нам дороге, вернулись на перешеек между озерами Норденбургским и Мауэр, описав большущую петлю и растеряв наши обозы, не могшие своевременно получить приказов об изменениях в наших маршрутах и поспевать за нами.

В этот же день после полудня меня экстренно вызвали в штаб корпуса в Клинка⁸⁰, где генерал от кавалерии Шейдеман объявил мне, что он назначен командующим 2-й армией вместо генерала Самсонова, сегодня же туда отъезжает, а мне приказывает вступить в командование II армейским корпусом.

⁷⁷ Коршен (Korschen) – город в округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Корше (Korsze), центр гмины в Кентшинском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁸ Паарис (Paaris) – деревня в земельном округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне деревня Парыс (Parys) в гмине Корше Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁹ Гросс-Вольфсдорф (Gross-Wolfsdorf) – деревня в земельном округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне поселок Дрогоше (Drogosze) в гмине Барчаны Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁸⁰ Имеется в виду Клинка (Klinken) – деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Климки (Klimki) в гмине Венгожево Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

Относительно понесенного 2-й армией поражения, смерти генерала Самсонова – ни пол-слова⁸¹.

Начальник штаба II корпуса генерал-майор фон Колен доложил мне о полученном по 1-й армии приказе о занятии армией фронта: река Дейме – Велау – Алленбург – Норденбург – Ангербург – Круглянкин⁸²⁸³, причем на II корпус возложена задача обороны участка от южного берега озера Норденбургского до перешейка у Круглянкина включительно⁸⁴.

Отряд у Ариса (169-й пехотный Ново-Трокский полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и одна сотня казаков) остается там и по-прежнему в подчинении штаба армии. Батальон у Видминена возвращается к своему полку (170-му пехотному Молодечненскому). Правее нас – IV армейский корпус; разграничительная с ним линия: озеро Норденбургское – Даркемен⁸⁵ – Вержболово⁸⁶. Корпусная дорога – Вержболово – Голдап – Ангербург. Головной этап – Ангербург, промежуточный – Голдап. Местный артиллерийский парк – в Даркемене. Штаб II корпуса – в Бенгхейме.

Генерал Шейдеман, забрав два лучших автомобиля штаба и сложив на один из них свои вещи, часа через два уехал в направлении на Лык – Граево, а я, послав в штаб 43-й пехотной дивизии приказ о вступлении своем в командование корпусом и о назначении вместо себя начальником 43-й пехотной дивизии генерал-майора Тернавского, занялся изучением плана и возложенной на корпус задачи по обороне.

Прежде всего бросалось в глаза деление всего фронта армии на корпусные участки: в то время когда на долю XXVI, XX, III и IV [армейских] корпусов давался участок общего протяжения в 40 верст, на II корпус дан участок в 38 верст. Нужно думать, что командующий армией удара в свой левый фланг не ждет, а может быть, считает, что оборона этого участка сводится к обороне трех перешейков: первого между озерами Норденбург и Мауэр (9 верст), второго между озером Швенцайт⁸⁷ – озером Долбонар (10 верст) и перешейка у села Круглянкин (5 верст), но ведь и тогда получается фронт $9+10+5=24$ версты, причем участки взаимно друг друга не поддерживают. Ну, словом, как ни предполагай, объяснений не найдешь и из этого трудного положения нужно выкарабкиваться самому. Три обособленных друг от друга перешейка требуют и трех самостоятельных частей войск, а в моем подчинении только две дивизии. Решено прежде всего, не теряя ни одного дня, тотчас же приступить к укреплению всех трех участков, для чего назначаю 26-й пехотной дивизии участок от озера Норденбург до озера

⁸¹ 13 (26) августа 1914 года 8-я германская армия начала операцию против 2-й русской армии генерала от кавалерии А. В. Самсонова. I армейский корпус под Сольдау был отброшен частями I и XX германских корпусов; на правом фланге частями I резервного и XVII германских корпусов разбита 4-я пехотная дивизия VI армейского корпуса; генерал А. А. Благовещенский покинул войска корпуса, а корпус отступил на юг, чем поставил под удар тыл XIII армейского корпуса. 14 (27) августа I армейский корпус вновь отступил, а 2-я пехотная дивизия (наступавшая с XV армейским корпусом) была разбита. 15 августа Самсонов покинул свою главную квартиру и отправился к войскам, утратив возможность руководить всей армией. В тот же день центральные корпуса армии – XIII и XV – попали в мешок в районе восточнее Танненберга. 16 августа германские войска генерала Г. фон Франсуа нанесли поражение XV армейскому корпусу, взяв в плен командира XV армейского корпуса генерала Н. Н. Мартоса. Самсонов со штабом пытался пробраться из окружения, но отстал от других и, видя безвыходность положения, застрелился. Командир XIII армейского корпуса генерал Н. А. Клюев начал отход тремя колоннами, которые в боях 17–18 августа у Кальтенборна, Валендорфа, в Напиводском лесу были практически уничтожены; Клюев отдал приказ о сдаче в плен. Армия Самсонова потеряла около 6,7 тысяч убитыми, свыше 20 тысяч ранеными, 92 тысячи человек пленными (в том числе 15 генералов), 350 орудий.

⁸² Общее протяжение по 10-верстной карте 75 верст.

⁸³ Все населенные пункты – в Восточной Пруссии, а ныне в Калининградской области России. Велау (Wehlau) – город, центр земельного округа в правительственном районе Кенигсберг в Восточной Пруссии, ныне поселок городского типа Знаменск Гвардейского района. Алленбург (Allenburg) – поселок в земельном округе Велау; Норденбург (Nordenburg) – городок в земельном округе Гедрауэн; ныне первый – поселок Дружба, второй – поселок Крылово, оба в Правдинском районе.

⁸⁴ Протяжением 38 верст.

⁸⁵ Даркемен (Darkehmen), ныне город Озерск, центр городского округа Калининградской области России.

⁸⁶ Вержболово – город во Владиславском уезде Сувальской губернии Российской империи; ныне город Вирбалис (Virbalis) в Вилкавишском районе Марьямпольского уезда Литвы.

⁸⁷ Имеется в виду озеро Швенцайт (Schsenzait-See), которое в Польше носит название Щвенцаты (Święcąty).

Мауэр, 43-й дивизии завтра же кратчайшей дорогой через Ангербург – Поссессерн⁸⁸ перейти на перешеек у Круглянкина и приступить к его укреплению. Для укрепления на Поссессернском перешейке между озер Швензайт – Долбонар назначаю весь 2-й саперный батальон⁸⁹ под командой полковника Долуханова с тем, чтобы при наступлении противника со стороны Лётцена готовые окопы занять за счет войск того из участков 26-й или 43-й пехотных дивизий, на который будет меньшее давление противника; надеялся еще и на то, что к этому времени присоединится и отряд полковника Якимовского, находящийся теперь у Ариса. Я понимал, что такое решение неудовлетворительно, но медлить не приходилось, и работа закипела на всем фронте.

К моему счастью, 20 августа в штабе корпуса получено извещение, что на усиление II корпуса прибывает завтра 302-й пехотный полк с 76-й артиллерийской бригадой⁹⁰. Целиком их направляю на Поссессернский участок и командира 302-го пехотного полка полковника Буйвида назначаю начальником этого участка.

21 августа еду на автомобиле осматривать позиции и работы на них.

Участок 26 пехотной дивизии: начальник дивизии генерал-лейтенант Порецкий, начальник штаба полковник Рудницкий, командир 1-й бригады (правый участок) Генерального штаба генерал-майор Ларионов, командир 2-й бригады (левый участок) генерал-майор Дружинин⁹¹. Командиры полков: 101-го – Генерального штаба полковник Вахрушев, 102-го – полковник Чевакинский, 103-го – полковник (?)⁹² и 104-го – полковник Триковский. Всего: 16 батальонов пехоты, 6 легких и 1 мортирная батарея.

Позиция тянется с севера на юг на протяжении 9 верст; фланги упираются в озеро – Норденбургское и Мауэр. Впереди впадина с ручьем и двумя небольшими озерами по дну ее, отлично обстреливаемая с фронта и флангов. Большой густой лес, обрамляющий эту впадину с запада, с единственной через него дорогой, в расстоянии 4–5 верст от закрытых позиций наших батарей, не дает возможности противнику поставить свои батареи на закрытых позициях, а он должен будет выдвинуть их на опушку, сильно обстреливаемую фронтальным и косым огнем наших батарей.

Местность на нашей стороне впадины имеет превышение, а холмистый ее характер весьма удобен для укрытия того расположения наших батарей и для выбора наблюдательных артиллерийских пунктов. Тыл позиции закрыт, и пролежавшее вдоль всего фронта шоссе давало возможность скрытого по нему передвижения. На левом фланге ближе к озеру Мауэр позиция еще более всхолмленная и приподнятая, доступ к этому участку преграждается озером Ремзауэр⁹³ и заставляет огибать озеро с юга, направляя удар на наш крайний левый фланг.

Обстоятельство это предусмотрено, и начальник левого участка генерал-майор Дружинин напряг все усилия к тому, чтобы создать здесь прочный узел сопротивления: окопы идут в два, три ряда, хорошо применены к местности и во многих местах уже были закончены, а перед некоторыми были и искусственные заграждения. Побеседовавши с генералом Дружининым относительно возможности обстрела противником со стороны озера с катеров левого фланга наших позиций и указав ему на горку несколько впереди левого фланга, с которой открывался

⁸⁸ Поссессерн (Possesern) – деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Позездже (Pozezdrze), центр гмины Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁸⁹ Автор перепутал номер: в состав II армейского корпуса входил не 2-й, а 4-й саперный батальон.

⁹⁰ 302-й пехотный Суражский полк и 76-я артиллерийская бригада входили в состав 76-й пехотной дивизии, сформированной в июле 1914 года и действовавшей в составе 2-й армии.

⁹¹ Автор ошибается: на самом деле 1-й бригадой 26-й дивизии командовал генерал-майор К. И. Дружинин, а 2-й – генерал-майор Я. М. Ларионов.

⁹² В описываемый период 103-м пехотным Петрозаводским полком командовал (с 18 декабря 1908 года) полковник Михаил Павлович Алексеев.

⁹³ Имеется в виду озеро Резауэр (Resauer-See).

громадный кругозор на юго-запад, я советовал использовать ее как передовой артиллерийский наблюдательный пункт с тем, чтобы 2–4 орудиями открыть огонь по противнику с дальнего расстояния, заставить его развернуться в боевой порядок и обмануть относительно места наших настоящих позиций.

Генерал-майор Дружинин, известный нам по Японской войне и как писатель, произвел на меня очень хорошее впечатление, и я считал, что оборона участка находится в надежных руках⁹⁴.

С этого участка я быстро проехал по шоссе через Ангербург на средний участок у Поссессерна. На перешейке на озере Швензайт, где проходят около Огонькина железная дорога и шоссе, я обратил внимание на прекрасно оборудованную укрепленную позицию фронтом на юго-восток по северному берегу озера: глубокие окопы с траверсом⁹⁵ и проволочными заграждениями в несколько рядов были возведены немцами для обороны Ангербурга против русских войск, наступающих со стороны Лыка, и находились в связи с укрепленной немцами позицией на реке Ангеррап. Для нас они могли пригодиться теперь в случае прорыва противника на Поссессернском участке, для защиты Ангербурга и левого фланга 26-й п[ехотной] д[ивизии].

Оборону этой позиции я возложил на начальника головного этапа, имевшего в своем распоряжении роту.

Работы на Поссессернском участке под руководством командира 2-го сап[ерного] батальона полковника Долуханова шли полным ходом. Теперь, с прибытием полка и артиллерийской бригады, число рабочих удесятирилось, являлась возможность возвести былые прочные и обширные укрепления с траверсами, козырьками и в некоторых местах и блиндажами. Появились кое-где и проволочные заграждения. В центре участка повален молодой сосновый лесок и на значительной площади образована засека. На дороге от Лётцена к центру участка вырыт обширный люнет⁹⁶, а у Кирки создан прочный узел сопротивления с хорошим обстрелом вдоль железной дороги и лога, прорвавшего всю позицию от Огонькина до озера Долбонар.

Вдоль этого лога, с южной, приподнятой и обросшей кустарником и мелким лесом его стороны артиллеристы разыскивали для себя закрытые позиции, а наблюдательные пункты – в непосредственной близости от пехотных окопов, уже возведенных на этих местах. Обстрел из люнетов и других окопов к стороне крепости Лётцен хорош, но окопы наши местностью маскировались плохо и могли подвергнуться сильному обстрелу неприятельской артиллерией.

По северную сторону лога в непосредственной близости от местечка Поссессерн была возведена вторая укрепленная линия.

Для обороны этого участка протяжением в 10 верст, как я уже раньше говорил, предназначены 302-й пехотный полк под командой полковника Буйвида и вся 76-я артиллерийская бригада, всего 4 батареи, 48 легких орудий⁹⁷. Таким числом войск оборонять 10-верстный фронт, конечно, было трудно, и я уже заранее решил в случае наступления противника усилить его за счет 26-й пехотной дивизии, а за левым флангом, где ряд мелких озер стеснял маневрирование наступающего противника, поставить на всякий случай хотя бы один батальон в корпусном резерве у села Куттен⁹⁸.

⁹⁴ К глубокому всех нас огорчению, 27 августа во время боя, находясь на одном из артиллерийских наблюдательных пунктов, он был убит.

⁹⁵ Траверс – насыпь в окопе для защиты от флангового огня.

⁹⁶ Люнет представлял собой открытое с тыла укрепление, состоявшее из двух фланковых фасов (боковых, прикрывающих фланги) и одного-двух напольных фасов (обращенных к противнику).

⁹⁷ Автор ошибается: в артиллерийской бригаде русской армии в 1914 году было не четыре, а шесть батарей (сведенных в два дивизиона по три батареи), по восемь орудий в каждой. Таким образом, общее число орудий в бригаде, приводимое Слюсаренко, соответствует действительности.

⁹⁸ Куттен (Kutten) – деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Куты (Kuty) в Позезджской гмине Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

Командир полка полковник Буйвид, офицеры и нижние чины бодрым своим видом и усердием по укреплению своего участка производили хорошее впечатление.

На перешеек у Круглянкина⁹⁹, за поздним временем, я уже не поехал, тем более что местность была мне уже известна, там мы проходили и ночевали на пути нашем от Лыка в Ангербург, а командиры полков 43-й пехотной дивизии, полковник Сегеркранц (171-й пехотный полк) и полковник Романов (172-й пехотный полк), оба Генерального штаба, а последний и с боевым опытом на Японской войне, были настолько надежны, что в руководстве моем не нуждались; много слабее был командир 170-го пехотного Молодечненского полка полковник Кондратьев, но назначенный на мое место начальник 43-й пехотной дивизии генерал-майор Беймельбург¹⁰⁰, тоже с боевым опытом, мог ему сделать надлежащие указания.

Вернувшись в штаб в Бенгхейм и выслушав доклад начальника штаба относительно связи со штабом армии и всеми тремя участками корпуса, я убедился в том, что положенных по штату средств телеграфной работы саперного батальона совершенно недостаточно и что, только воспользовавшись телеграфными проводами немецкой железной дороги на Ангербург, мы обеспечим себя связью с начальником головного этапа в Ангербурге и со штабом 26-й пехотной дивизии. Для обеспечения войск огнестрельными припасами я приказал всем паркам 2-й и 3-й линий выложить свои боевые комплекты на железнодорожной станции Бенгхейм, а самим тотчас же отправиться в Даркемен, где и пополниться из местного артиллерийского парка.

Таким образом, я обеспечивал корпус на случай боя и, зная по своему боевому опыту в Японской войне, насколько это серьезно и необходимо, насколько не боялся утраты этих снарядов в случае отхода с позиции без боя. Надеялся еще и на то, что железная дорога Голдап – Ангербург, оказавшаяся после отхода немцев на запад в полной исправности и уже проверенная пропуском пробных наших поездов, может в этом последнем случае оказать помощь и увезти наш передовой корпусный склад огнестрельных припасов. Из последующих описаний, однако, видно, что этого не случилось, и за дни боев 26, 27 и 28 августа все эти припасы были израсходованы, и войска на недостаток боевых припасов не жаловались.

Приказал также корпусному интенданту экстренно вытребовать к Бенгхейму полевую хлебопекарню и тотчас же открыть ее действие. Что и было исполнено.

В дни 23, 24 и 25 августа произошли, в каком порядке – теперь вспомнить не могу, следующие события.

1) Прибыла и расположилась за участком 26-й пехотной дивизии в районе Домбровкен¹⁰¹ – Лаунингкен¹⁰² 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под командой генерал-лейтенанта Рауха¹⁰³. Дивизия эта поставлена здесь на отдых и мне не подчинена. Все же, не имея возможности вытянуть со своего 40-верстного фронта ни одного батальона в корпусный резерв,

⁹⁹ Назначались три полка 43-й пехотной дивизии, пять легких батарей 43-й артиллерийской бригады и одна батарея 2-го мортирного дивизиона: всего 12 батарей пехотных, 40 легких орудий и шесть гаубиц. Начальник дивизии генерал-майор Беймельбург, командир бригады генерал-майор Тарнавский, командир 170-го пехотного [Молодечненского] полка полковник Кондратьев, 171-го [Кобринского] полковник Сегеркранц, 172-го [Лидского] полковник Романов, командир 43-й артиллерийской бригады генерал-майор Ватаци, начальник штаба полковник Десино.

¹⁰⁰ Генерал Слюсаренко был назначен командиром корпуса лишь временно, формально он продолжал числиться начальником 43-й пехотной дивизии до 24 октября 1915 года. Также и генерал-майор Беймельбург лишь временно командовал дивизией, оставаясь командиром 2-й бригады 27-й пехотной дивизии.

¹⁰¹ Имеется в виду Домбравкен.

¹⁰² Лаунингкен (Launingken) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне Оловник (Ołownik), деревня в гмине Будры Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹⁰³ В состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии входили лейб-гвардии Конно-гренадерский, лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, лейб-гвардии Драгунский и лейб-гвардии Гусарский полки. Дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух, во главе 1-й бригады стоял генерал-майор князь Сергей Константинович Бело-сельский-Белозерский, 2-й – генерал-майор граф Георгий Георгиевич Менгден.

событию этому я несколько порадовался: в случае прорыва на одном из участков, конечно, будет оказана скорая помощь прибывшей 2-й гвардейской кавалерийской дивизией и что распоряжение командующего армией о постановке ее здесь, вероятно, это именно и предусматривало. Жаль только, что никаких обязанностей на эту кавалерийскую дивизию по разведке противника перед фронтом II корпуса не возложено и мы по-прежнему слепы и о противнике ни перед нашим фронтом, ни на нашем левом фланге ничего не знаем. И мало того, когда 24 августа связь 43-й пехотной дивизии у Круглянкина с отрядом у Ариса (169-й пехотный полк) прекратилась и когда сам командующий армией, озабочиваясь ее восстановлением и негодуя на полковника Якимовского (начальник отряда у Ариса) за утрату этой связи, не дает мне права воспользоваться ни одним эскадроном 2-й гвардейской кавалерийской дивизии – становится уже и странным.

2) Второе событие: прибыл в составе двух аэропланов авиационный отряд Ковенской крепости и расположился около Бенгхейма. После прекращения связи с Арисом и не получая права воспользоваться услугами 2-й гвардейской кавалерийской дивизии для ее восстановления, я приказываю начальнику авиационного отряда выслать аэроплан по маршруту Бенгхейм – Поссессерн – озеро Мауэр – Лётцен – Видминен – Маркграбово¹⁰⁴ и тем же путем обратно для разведки противника и направления движения его войск.

Блестяще выполнивши эту задачу, под обстрелом неприятельских и своих войск, летчик с наблюдателем доставили следующие сведения: «Замечено большое движение немецких войск от крепости Лётцен на Видминен и скопление их у Видминена. Около Маркграбова летчики наблюдали разрывы шрапнелей, видимо, происходит бой!»

Об этом тотчас же сообщено в штаб армии и на участки корпуса.

Таким образом, выяснено, что противник в наступлении своем от крепости Лётцен в обход нашего левого фланга (43-й пехотной дивизии) отрезал отряд у Ариса от своей 43-й пехотной дивизии и на присоединение его надеяться нельзя.

3) Третье событие: прибытие в штаб корпуса полковника (?) крепостной артиллерии, с которым, по приказанию командующего армией, я должен обсудить вопрос о постановке крепостных орудий для осады крепости Лётцен с востока и о выборе мест для возведения осадных батарей.

Признаюсь откровенно, эта новость повергла меня в полнейшее недоумение (хотя приезд его и предшествовал разведке, произведенной летчиками)...

Мы отходим, спешно укрепляемся, чтобы задержать противника, а тут осада крепости, для чего от занятых и укрепляемых нами позиций мы должны продвинуться вперед к крепости на дистанцию наших крепостных 6-дюймовых пушек (120 пудов¹⁰⁵) в 7 верст и бросить перешейки между озер, отказавшись от всех выгод по их обороне. Мало того, стать на квадраты крепости и подвергнуть себя сильнейшему обстрелу крепостной немецкой артиллерии, вооруженной, как всем нам было известно, новейшими образцами тяжелых дальнобойных крепостных орудий.

Тем не менее, ознакомив полковника с планом местности и расположением наших окопов на Поссессернском и Круглянкинском перешейках и дав ему проводника и средства передвижения, предложил отправиться на рекогносцировку и, вернувшись, доложить о результатах ее. Указал ему также, что для устройства платформ под орудия и блиндажей для прислуги тут, в Бенгхейме, имеется громадный лесной склад с готовым лесом всякого размера, а потому прибывающим крепостным артиллеристам нет надобности везти с собой платформы. 24 авгу-

¹⁰⁴ Имеется в виду Маргграбова (Marggrabowa) – город, центр земельного округа Олецко правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне город Олецко (Olecko), центр гмины и повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹⁰⁵ Имеется в виду тяжелое осадное артиллерийское орудие – 6-дюймовая осадная пушка образца 1877 года калибра 152,4 мм. Масса ствола пушки составляла 120 или 190 пудов (то есть 1920 или 3040 кг). Эти орудия использовались еще в начале Великой Отечественной войны и окончательно были сняты с вооружения только в 1942–1943 годах.

ста полковник уехал на рекогносцировку и ко мне больше не являлся, так как развивавшиеся события и обозначившееся 25 августа наступление противника указывали на несвоевременность и даже больше – абсурд постановки крепостных орудий!¹⁰⁶

4) И наконец, четвертое событие, имевшее большое для корпуса значение, – открытое и успешное хлебопечение в полевой хлебопекарне, расположившейся у Бенгхейма.

25 августа начальник 43-й пехотной дивизии доносит о наступлении больших сил противника со стороны Лётцена и с юга на Круглянкинский и Поссесернский участки.

Отдаю приказ о выделении от 26-й пехотной дивизии полка пехоты на усиление Поссесернского участка (назначен 101-й пехотный Пермский полк под командой полковника Генерального штаба Вахрушева) и одного батальона от 43-й пехотной дивизии в корпусный резерв к селу Куттен за левый фланг Поссесернского участка (назначен 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка).

26 августа на рассвете командующий 43-й пехотной дивизией генерал-майор Беймелбург доносит: «Противник наступает по всему фронту – решил принять бой!» Доношу об этом командующему армией. Получаю ответ «одобряю!». Доносит о наступлении противника на Поссесернский участок и полковник Буйвид.

Вслед за этими донесениями одновременно на обоих участках начинается сильнейшая канонада. С нашей стороны в ней принимают участие шесть батарей 76-й артиллерийской бригады, пять батарей 43-й артиллерийской бригады и одна батарея 2-го мортирного дивизиона¹⁰⁷.

После нескольких часов артиллерийской подготовки противник в нескольких местах переходит в атаку, но она всюду успешно отбивается; выше всяких похвал работают наши батареи со своих закрытых позиций и буквально сметают поднимающиеся для атаки немецкие пехотные цепи.

Никаких тревожных донесений не получается, несмотря на то что канонада усиливается и переходит в какой-то непрерывный рев.

К вечеру сила неприятельского артиллерийского огня несколько ослабляется, но огонь не прекращается всю ночь.

Согласно отданного мною приказа, в ночь с 26 на 27 августа на усиление Поссесернского участка прибывает 101-й пехотный Пермский полк под командой полковника Генерального штаба Вахрушева, которому мной приказано вступить в начальствование участком вместо полковника Буйвида.

К селу Куттен прибывает также 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка в корпусный резерв.

Полковник Вахрушев много лет спустя рассказал мне следующее: 1-й батальон его полка, двигавшийся в авангарде, прибыл к селу Поссесерн в час ночи, а около 4 часов утра прибыл и он со штабом и остальными тремя батальонами. Объехав на галопе ближайшую к Поссесерну часть позиций, я [Вахрушев] всюду наблюдал хорошо вырытые окопы, прочно занятые 302-м пехотным полком, несмотря на то что артиллерийский огонь противника во многих местах произвел сильные разрушения и ни на минуту не прекращался. Участок позиции к западу от кирки¹⁰⁸, по недостатку войск, оставался почти без обороны, а потому я решил: три батальона

¹⁰⁶ Крепостные орудия были уже в пути: по железной дороге доставлены в Сувалки; дальше должны были двигаться по обыкновенным дорогам и шоссе при помощи грузовиков.

¹⁰⁷ Головин в своем историческом исследовании (имеется в виду: *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Прага, 1926. Т. 1. – К. 3.) определяет, что против наших двенадцати противником выдвинуто 64 легких и тяжелых батарей. Кроме того, есть полное основание думать, что и дальнобойная артиллерия крепости Лётцен также приняла участие в этом бою, так как Поссесернский и Круглянкинский участки находились от крепости на расстоянии 10–12 верст и по карте, имевшейся у меня, стояли на квадратах крепости.

¹⁰⁸ Автор имеет в виду здание протестантской церкви – кирху.

своего полка под командой полковника Байера направить туда, а четвертый батальон оставить в резерве у местечка Поссессерн за серединой всего перешейка.

Масса артиллерии противника, по-видимому, с участием и крепостной лётценской, расположившейся центрально по отношению к Поссессернскому и Круглянкинскому перешейкам, и управляемая одним лицом, сосредоточивала свой огонь то по Круглянкинскому участку 43-й пехотной дивизии, то по Поссессернскому, занятому теперь 101-м и 302-м пехотными полками, причем эти переносы делались примерно через каждый час, а для корректирования своей стрельбы по нашим батареям немецкий аэроплан летал над полем сражения и сбрасывал блестящие.

Наши батареи, расположенные на закрытых позициях по логу вдоль шоссе, несмотря на большие потери в людях и материальной части, работали прекрасно, и все попытки неприятельской пехоты атаковать укрепления неизменно прекращались.

Однако противник, хорошо пристрелявшийся к нашим окопам, усиливает огонь тяжелой артиллерией и начинает систематическое их разрушение; в центре позиции защитники 302-го полка начинают сдавать и сначала поодиночке, а потом и группами оставлять окопы. Офицеры напрягают все усилия вернуть их обратно, но это им плохо удается.

В 1 час 30 минут дня бой достигает сильнейшего напряжения; полковник Вахрушев решает двинуть на поддержку свой последний батальон. Становится лично во главе его и двигает вперед. В это время его ранят в ногу, по счастью, без повреждения в кости. Пренебрегая болью, с сапогом, наполненным кровью, он двигается вперед, увлекая за собой пермцев, но осколком разорвавшегося у окопа снаряда вторично получает рану в живот, но и на этот раз не глубокую. Доводит батальон до окопов, занимает их и в течение трех часов отбивает все атаки противника, направленные сюда. Но ни подвиг полковника Вахрушева, ни геройская работа пермцев спасти положения не могли: между 3½–4½ дня противник ворвался на позицию и, занимая одно за другим наши укрепления, принудил войска к отступлению¹⁰⁹.

Донося командующему армией о ходе боя на Поссессернском участке и о том, что 302-й пехотный полк начинает «сдавать», я получил от него лаконическую телеграмму: «Вижу в этом Вашу слабость!»

Возвращаюсь к хронологическому описанию событий.

27 августа с раннего утра бой начался и на участке 26-й пехотной дивизии, и таким образом на всем 40-верстном фронте корпуса завязался упорнейший бой; войска наши, атакованные во много раз сильнейшим противником¹¹⁰, мужественно отражали все его атаки.

Артиллерия наша работала образцово; снарядов для артиллерии и патронов для пехоты было достаточно, на не достаток их никто не жаловался. Никто не просил и о подкреплении.

Не просил о нем у командующего армией и я. Но оно совершенно неожиданно, без всякого предварительного извещения со стороны штаба армии, явилось само. Около 10 часов утра к штабу корпуса в Бенгхейме подкатил автомобиль, из которого вышли генерал-майор и полковник и, явившись мне, отрапортовали, что 72-я пехотная дивизия из Инстербурга¹¹¹ через Даркемен двигается в мое распоряжение и в настоящее время голова колонны уже выходит из

¹⁰⁹ Потери наши на этом участке достигали 50 % нижних чинов и 75 % в офицерском составе, в 76-й артиллерийской бригаде подбито и потеряно 22 орудия.

¹¹⁰ В настоящее время историческими исследованиями Головина и Зайончковского установлено: против 26-й пехотной дивизии наступал весь XX немецкий корпус; против 302-го пехотного и 101-го пехотного полка – две дивизии (одна 36-я пехотная дивизия XVII корпуса и одна ландверная дивизия крепости Лётцен); против 43-й пехотной дивизии – три немецких дивизии (35-я пехотная дивизия XVII корпуса, 1 и 2-я пехотные дивизии I немецкого корпуса) и в обход левого фланга корпуса со стороны Юхи на Петрашен – 1 и 8-я немецкие кавалерийские дивизии.

¹¹¹ Инстербург (Insterburg) – центр земельного округа правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне город Черняховск, районный центр Калининградской области России.

леса Скален¹¹² и приближается к Бенгхейму. Генерал-майор оказался Орловым (братом военного профессора), а полковник – Балтийским (секретарь Общества ревнителей военных знаний). По докладу Орлова, раньше, чем ввести дивизию в бой, он просит моего разрешения сделать привал, чтобы накормить обедом людей. Разрешение это я дал, так как положение на фронте считал крепким, но все же просил не очень задерживаться, так как предстоит еще большой переход.

Выслушав объяснения начальника штаба корпуса генерала фон Колена о боевом расположении частей корпуса на всем 40-верстном фронте и о положении дел к данному времени, полковник Балтийский (начальник штаба 72-й пехотной дивизии) обращается ко мне с просьбой не втасовывать 72-ю пехотную дивизию¹¹³ в части войск 11 корпуса, а дать ей самостоятельную задачу. Соглашаюсь на это, так как задача давно уже сидит в моей голове и состоит в том, чтобы не дать противнику обойти наш левый фланг и отбросить 43-ю пехотную дивизию от пути отступления на Маркграбово. Для этого 72-я пехотная дивизия должна пройти лес Боркен и занять позицию уступом за левым флангом 43-й пехотной дивизии; группа озер в этом месте вполне благоприятствует исполнению этой задачи. Одно только беспокоит меня: успеет ли 72-я пехотная дивизия туда прибыть вовремя, так как предстоит переход в 20 верст? Пока 72-я пехотная дивизия подтягивалась и обедала, от полковника Вахрушева начали получать первые тревожные донесения о том, что нижние чины 302-го пехотного полка начинают поодиночке покидать свои окопы, что артиллерийский огонь противника достигает необыкновенной силы, разрушая наши укрепления, и, наконец, о том, что он вводит в боевую линию в окопы последний свой батальон и напрягает все усилия, чтобы удержать на местах роты 302-го пехотного полка.

Эти донесения заставляют меня изменить свое решение и 72-ю пехотную дивизию целиком направить на Поссесернский участок. Приказываю торопиться с окончанием обеда и ускоренно двигаться туда (10 верст), а на тот случай, если бы 72-я пехотная дивизия туда вовремя не поспела, занять позицию на фронте Гембалкен – Гассевен – Гродзиско.

В это же тревожное время ко мне в штаб приезжает начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Раух и сообщает, что он с дивизией двигается через Бенгхейм на левый фланг армии.

Я, в свою очередь, сообщаю ему о происходящем на фронте и о тех тревожных донесениях, какие идут от полковника Вахрушева со среднего участка. А также и о своих опасениях о том, что 72-я пехотная дивизия, направляемая мною туда на подкрепление, может не поспеть вовремя, прошу его оказать помощь и направить свои полки к этому участку с тем, чтобы они продержались там до подхода 72-й пехотной дивизии. К моему глубокому огорчению, получаю ответ: «Мне дана командующим армией определенная задача на фланге армии, а потому буду продолжать туда мое движение!» – и с этими словами уехал.

Около трех часов дня получаю донесение от Вахрушева о том, что он ранен и что войска начинают оставлять позицию. Приказываю подать автомобиль и с адъютантом, причисленным к Генеральному штабу Ж. Р. Акиндиевским¹¹⁴, полным ходом направляюсь по шоссе на Гродзишки¹¹⁵ и далее через лес на возвышенности, на Куттен. На шоссе пусто, никаких признаков

¹¹² Имеется в виду Скалльский лес (Skallischer Forst).

¹¹³ Второочередная 72-я пехотная дивизия была сформирована в ходе мобилизации 19 июля 1914 года из кадра 35-й пехотной дивизии и была включена во II армейский корпус. В ее состав вошли 285-й пехотный Мценский, 286-й пехотный Кирсановский, 287-й пехотный Тарусский, 288-й пехотный Куликовский полки. Командующим дивизией был назначен генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Орлов, командиром бригады – генерал-майор Петр Николаевич Туров, командиром артиллерийской бригады – генерал-майор Владимир Константинович Бодиско. Дивизия в конце августа в арьергардных боях при отступлении к реке Слудзе понесла большие потери, и 8 сентября ее личный состав был распределен по другим подразделениям корпуса. Однако официально она была расформирована только в мае 1915 года.

¹¹⁴ Имеется в виду Акантиевский Г. К.

¹¹⁵ Имеется в виду Гродзиско.

отхода нет, обозы везут к позициям хлеб, но в лесу, где проходит обыкновенная дорога по глубокому песку, уже другая картина: первые беглецы-артиллеристы на заводных лошадях¹¹⁶, солдатские кухни, зарядные ящики, повозки с офицерскими вещами, и прочее, и прочее, галдеж, крики на лошадей и т. д. Мой автомобиль не берет.

Мимо проезжает трубач-артиллерист, ведет офицерскую верховую лошадь; останавливаю его, бросаю автомобиль, сажусь на офицерскую, адъютант – на лошадь трубача, двигаемся дальше!

Слева со стороны участка 43-й пехотной дивизии слышна сильнейшая канонада, и в тех местах дороги, где она на прогалинах леса проходит ближе к южной опушке, видно целое облако рвущихся снарядов противника над Круглянковским перешейком. Наоборот, со стороны Поссессерна раздаются лишь отдельные орудийные выстрелы.

Всех отходящих останавливаю, сообщаю о подходе на выручку целой дивизии... Встречаю втянувшуюся уже в лес батарею 76-й артиллерийской бригады под командой капитана Слешинского. Приказываю остановить батарею и ехать со мной к опушке леса для рекогносцировки позиции. Подъезжаем к опушке леса, обращенной на запад. Лес на горе, и отсюда открывается громадный кругозор на Куттен, Поссессерн, Гембалкен. Тут же, впереди, саженях в 300 от опушки, прекрасная закрытая позиция и около на горке – наблюдательный пункт, приказываю капитану Слешинскому занять ее и немедленно открыть огонь по Поссессерну.

Со стороны Поссессерна и Куттена видно большое движение наших отходящих войск. Ближайшая к нам часть,двигающаяся вдоль дороги от Куттена, батальон в расчлененном порядке, обращает на себя мое внимание, еду к нему навстречу. Оказывается, батальон 170-го пехотного Молодечненского полка, находившийся в резерве у Куттена. Здравуюсь, сообщаю о подходе на выручку целой дивизии, приказываю остановиться и занять позицию, на которой и окопаться. Командир батальона тотчас же перестраивает батальон в боевой порядок, занимает позицию, и роты начинают окапываться... Дальше по той же дороге тянутся под командой поручика запаса четыре орудия. Направляю их на позицию капитану Слешинскому и в его подчинение... Еще дальше вижу группу людей, велосипедиста, кого-то ведут под руки, смотрю в бинокль, вижу – штаб полка, а раненый – полковник Вахрушев, еду к нему навстречу узнать, в каком он состоянии, и сообщить ему о подходе дивизии и о том, что мною отдано приказание этой дивизии занять позицию на фронте Гембалкен – Гассевен – Гродзиско и что необходимо до подхода 72-й пехотной дивизии на этой линии закрепиться, что я уже задержал отходящую батарею и батальон 170-го пехотного Молодечненского полка и приказал им окапываться, а батареям тотчас же открыть огонь по Поссессерну. Спросил также: может ли он продолжать начальствовать войсками, или рана требует немедленного отправления в тыл? На это он мне тотчас же заявил, что хотя рана и мучительна, но он остается на своем посту до подхода начальника 72-й пехотной дивизии. После этого я повернул опять к лесу. Батарея заняла уже свою позицию и открыла огонь, на который тотчас же начала отвечать неприятельская батарея, снаряды рвались в лесу. Из глубокой впадины к юго-западу от леса поднимались по крутому скату густые цепи 101-го пехотного Пермского полка, отступавшие с левого участка Поссессернской позиции; я их встретил и приказал им закрепиться по опушке леса, где пролегалла глубокая канава, что они тотчас же и исполнили, а песчаный грунт на этом месте облегчил им работу по приведению этой канавы в оборонительное состояние.

Канонада на участке 43-й пехотной дивизии все это время продолжалась, но в 5½ часов дня сразу прекратилась. Я понял, что там решается участь 43-й пехотной дивизии. Спешу к своему автомобилю, оставленному в лесу, и к большому своему удивлению на поляне среди леса встречаю спешенный лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Оказывается, генерал-лей-

¹¹⁶ То есть запасные лошади.

тенант Раух устыдился-таки и выслал его на помощь. Приказал командиру полка¹¹⁷ по подходе 72-й пехотной дивизии и после занятия ею указанной позиции присоединиться к своей дивизии. Пересев в свой автомобиль, уже в темноте, вернулся в штаб корпуса, где никаких сведений о ходе боя и его результатах в 32-й пехотной дивизии не получалось. Связь с 43-й пехотной дивизией прекратилась. В 26-й пехотной дивизии успешно отбиты все атаки противника. В Голдапе произошла паника, произведенная немецким эскадронам, который по подходе туда 2-й гвардейской кавалерийской дивизии тотчас же удалился.

В ночь с 27 на 28 августа 72-я пехотная дивизия заняла указанный мною ей участок, после чего 101-му пехотному Пермскому полку приказано мною присоединиться к своей дивизии, а 302-му пехотному полку, оставив 76-ю артиллерийскую бригаду на участке 72-й пехотной дивизии, отойти к Грондену.

Из штаба армии получено мною указание: «В случае дальнейшего отхода II корпуса задержать противника на правом берегу реки Голдап, на участке от слияния ее с Ангеррапом¹¹⁸ до (?), а также о том, что XX корпус спешно передвигается к Голдапу и должен туда прибыть 28 августа».

Это официально, а неофициально из разговоров по телефону между молодыми офицерами, причисленными к Генеральному штабу, корпуса с таковыми же – штаба армии узнаю, что если II корпус продержится на своих позициях завтра до 12 часов дня, то армия будет спасена! О принятом же командующим армией решении отходить и изданном после полудня 27 августа приказе об этом отходе – ни полслова! Признаюсь, эти замалчивания командующего армией генерала Ренненкампа об общей обстановке дел на фронте меня порядочно-таки возмущали, как обман и недоверие к подчиненному, на которого выпадает роль жертвенного служения для спасения всей армии.

За всю ночь с 27 на 28 августа я никаких сведений о судьбе 43-й пехотной дивизии не получал. 72-я пехотная дивизия заняла указанный ей фронт и сменила 101-й и 302-й пехотные полки. Об этом доложил мне приехавший в штаб корпуса раненый полковник Вахрушев.

С рассветом 28 августа на фронте 26-й пехотной дивизии и 72-й пехотной дивизии снова началась сильнейшая канонада, с балкона дома, в котором расположился штаб корпуса в Бенгхейме, видно было облако дыма от рвавшихся снарядов противника, сосредоточивавшего свой огонь главным образом над участком позиции 72-й пехотной дивизии Гр[одзиско] – Гассевен. В это время ко мне приезжает командующий 43-й пехотной дивизией генерал-майор Беймелбург и докладывает, что полки 43-й пехотной дивизии (170, 171, 172-й) пробираются через лес Боркен к Лиссену, где он выбрал для них позицию, и постепенно устраиваются, чтобы воспрепятствовать дебушированию немцев из леса.

В кратких словах я обрисовал ему боевую обстановку в корпусе, указал на прибытие к нам 72-й пехотной дивизии и ее настоящее расположение, чтобы 43-я пехотная дивизия могла выйти с ней в огневую связь, а затем передал и приказание командующего армией: в случае дальнейшего отхода II корпуса во что бы то ни стало задержать противника на позициях правого берега реки Голдап, причем 43-я пехотная дивизия должна перейти туда по имеющимся мостам у Сперлинга и Сурминена¹¹⁹ и выбрать позицию в зависимости от местных условий и имея в виду, что правее нее станет 72-я пехотная дивизия, а к Голдапу сегодня прибывает

¹¹⁷ Командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка с 4 февраля 1914 года и до своей гибели в ноябре 1914 года был генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин.

¹¹⁸ Имеется в виду река Анграпа, которая по-немецки именуется Ангеррапп (Angerapp), а по-польски – Венгорапа (Węgora); ныне протекает на территории Польши и Калининградской области России.

¹¹⁹ Имеется в виду Шперлинг (Sperling) и Сурминен (Surminnen) – деревни в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревни Врубель (Wróbel) и Сурмины (Surminy) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

XX корпус. Я со штабом корпуса перееду в Брассен¹²⁰ (Аукскалин). О потерях в дивизии генерал-майор Беймельбург доложить не мог, так как не все части еще вышли из леса.

Через час после отъезда генерала Беймельбурга артиллерия 43-й дивизии открыла сильнейший огонь – очевидно, противник показался на опушке леса.

От 26-й пехотной дивизии никаких угрожающих донесений не поступало: все атаки противника с успехом отбивались.

По всему фронту корпуса шел ожесточенный бой. С часами в руках я следил с балкона за его ходом; время двигалось необычайно медленно, но все-таки двигалось, и, когда настал полдень, я перекрестился: «Задачу корпус свою выполнил!»

Теперь отдаю распоряжение: отправить обоз штаба корпуса в Брассен (я со штабом и конвойной сотней поеду верхами). В 26-ю пехотную дивизию сообщить о том, что 101-му пехотному Пермскому полку приказано по смене его полками 72-й пехотной дивизии присоединиться к своей дивизии, а 302-му пехотному полку, имея в виду возможность прорыва противника со стороны Поссессерна на Гронскен, занять этот последний. Указать 26-й пехотной дивизии на весьма возможный перерыв связи по немецкому железнодорожному телеграфу, проходящему в непосредственной близости к фронту боя 72-й пехотной дивизии. И тогда начальник 26-й пехотной дивизии сам решает вопрос об отходе, согласуя его с соседом (IV [армейским] корпусом) справа и с соседом (72-й пехотной дивизией) слева.

До 2 часов дня на всем фронте корпуса продолжался ожесточенный бой и нигде не было видно отходящих войск. Но в 2½ часа дня на ближайших к Бенгхейму высотах в направлении на Гродзиско стали появляться отходящие наши пехотные цепи.

Я сел верхом и в сопровождении штаба и конвоя двинулся по большой дороге через лес Скален на Даркемен. Перейдя на правый берег реки Голдап, на том месте, где была корпусная хлебопекарня, я увидел кучу мешков с выпеченным, но не розданным в войска хлебом, а дальше на опушке леса – нашу пехотную цепь. Подъезжаю ближе, оказывается, батальон 170-го пехотного Молодечненского полка (корпусный резерв), вчера сослуживший большую службу при задержке отходящих войск от Поссессерна, ночью смененный полком 72-й пехотной дивизии, по собственному решению командира батальона отошел сюда и занял опушку леса Скален. Командир батальона отрапортовал мне об этом своем решении и доложил, что люди два дня уже без хлеба.

– А вон целые горы хлеба в мешках, на том месте, где стояла корпусная хлебопекарня, посылайте команды забрать его! – указал я.

Решение командира батальона я одобрил и приказал ему оставаться здесь до вечера, прикрывая отход частей 72-й пехотной дивизии, втягивающихся в лес, (для того, чтобы еще шире занять опушку) и придал ему взвод конвойной сотни. Объехав цепь и поздоровавшись с батальоном, я слез с коня и в бинокль осмотрел поле сражения. Кругозор был большой, чем от Бенгхейма, главным образом в сторону 72-й пехотной дивизии. Разрывы шрапнелей и бомб тяжелых немецких орудий, с зеленоватым дымом, виднелись на всем фронте; холмистая местность способствовала укрытию наших батарей и пехоты, но тем не менее уже замечалось какое-то перемещение групп пехоты, зарядных ящиков, показывавших на гребнях холмов и тянувшихся в тыл; появились у опушки леса и первые «палечники»¹²¹, а за ними и целыми группами

¹²⁰ Брассен (Brassen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Брюсово в Озерском районе Калининградской области России.

¹²¹ «Палечниками» в русской армии называли категорию солдат, совершавших самострел в руку: большинство стреляли в пальцы, прежде всего в указательный палец на правой руке. Чтобы вокруг раны не оставалось ожогов от ствола, солдаты обертывали руку мокрой тряпкой, стреляли через доску или проделывали дырку в жестянке, приставляли ее к руке и стреляли сквозь дырку. Считалось, что основным способом являлось умышленное высовывание из окопов левой руки, чтобы пули попали в пальцы. По свидетельству Д. А. Фурманова, служившего в 1915 году санитаром на Западном фронте, в некоторые дни на «палечников» приходилось 50–80 % всех раненых.

отходящие в лес. Было ясно, что 72-я пехотная дивизия держаться уже на своей позиции не может и начинает отходить.

В дальнейшем своем движении через лес я видел брошенный авиационным отрядом грузовик, брошенные повозки с большими медными котлами, вероятно, принадлежавшими походной хлебопекарне; встретил на плохеньком двухместном автомобиле какого-то господина с повязкой Красного Креста и с одним раненым, отрекомендовавшимся мне господином Карангозовым; а также одиночных и группами тянувшихся нижних чинов в направлении на Даркемен.

Посреди этого густого высокого соснового леса мы неожиданно натываемся на штабеля дров, кем-то только что подожженные. Никого из людей вблизи не видно. Я быстро соображаю, что дрова подожжены немцем-лесником и что это «дымовой маяк», указывавший на появление здесь русских войск. Приказал конвою спешиться и вместе с подходящими пехотинцами растащить дрова и потушить пожарище.

Выехав из леса у северной его опушки, в том месте, где излучина реки Ангерап почти вплотную подходит к нему, и где начинается у Штабинина¹²² шоссе, идущее на Даркемен, и куда выходят из леса все дороги и тропы, идущие с юга леса на север, и куда, несомненно, потянутся все части, одиночные и группы нижних чинов, отходящие с позиции, я решил здесь остановиться и при помощи офицеров штаба и конвоя корпуса собрать всю 72-ю пехотную дивизию. А начальник штаба просит отправиться в Брассен и приступить к установлению связи.

Работа наша пошла весьма успешно, ни один человек через нашу цепь не проскочил. Быстро начали образовываться сначала полковые, потом батальонные, а потом и ротные группы.

К чести артиллеристов должен сказать, что ни одного орудия, ни одного зарядного ящика сюда не прибыло. Батареи оставались на своих позициях и продолжали бой, даже, во многих местах, без пехотного прикрытия. Через некоторое время прибыл начальник 72-й пехотной дивизии генерал-майор Орлов со своим начальником штаба полковником Балтийским. Передав работу по сбору дивизии генералу Орлову, я приказал полковнику Балтийскому отправиться на рекогносцировку позиции, которую должна занять 72-я пехотная дивизия, с целью воспрепятствования противнику выйти из леса Скален. Позицию занять от Штабинина по увалу на Виттирин¹²³ – Скалишкин¹²⁴, где разыскать правый фланг 43-й пехотной дивизии, имеющей туда отойти от Лиссена, и войти с ней в огневую связь. После чего сам отправился в Брассен¹²⁵.

К ночи с 28 на 29 августа 72-я пехотная дивизия заняла позицию Штабинин – Виттирин; левее Виттирина – Скалишкина заняла позицию 43-я пехотная дивизия; а еще дальше на Мацволю примкнула к ним 54-я пехотная дивизия. О подходе к Голдапу XX корпуса сведений не имелось. 54-я пехотная дивизия мне не подчинялась, но свой телефон она протянула до штаба корпуса и через нас связывалась со штабом армии.

Сведений о 26-й пехотной дивизии не имелось, и связаться с ней не удалось.

¹²² Имеется в виду Кляйн-Шабенен (Klein Schabienen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Жабин (Żabin) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²³ Имеется в виду Виттиррен (Wittgirren) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Вингиры (Widgiry) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²⁴ Имеется в виду Скаллишен (Skallischen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Скалише (Skalisze) в гмине Будры Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²⁵ На нашей 10-верстке Брассена нет, но на немецких картах, три с половиной версты в дюйме, которыми мы пользовались, этот отдельный господский дом у села Аукскалин прописан крупными буквами, почему и бой 29 августа мы называем боем у Брассена.

Батальон 170-го пехотного Молодечненского полка и взвод конвойной сотни, исполнив возложенную на них задачу, ночью прибыли в Брассен. Сюда же прибыло четыре роты пехоты со знаменами своих полков. Образовался своего рода корпусный резерв, которым на другой день, 29 августа, я и воспользовался.

С раннего утра 29 августа по всему фронту 72-й и 43-й пехотных дивизий началась артиллерийская стрельба; я поднялся на крышу дома и в бинокль осмотрел позиции этих дивизий. От Медунишкена¹²⁶ у излучины реки Ангерап в направлении на юго-восток тянется увал, за ним значительная впадина с тремя небольшими озерами и шоссе в направлении на Голдап. В расстоянии 2–4 версты к юго-западу увала – опушка леса Скален, над которой увал имеет командование. К Витгирину с юга подходит лесной мыс, за которым в направлении с севера на юг расположены поселки: Альт-Балупенен¹²⁷, Стобригкелен¹²⁸ и др. Всюду по увалу видны наши окопы, а на тыловых скатах, к своему удовольствию, вижу несколько батарей, правда, не с полным числом орудий, но все же уцелевших после боев 26, 27 и 28 августа и теперь ведущих огонь по опушке леса, которую обстреливают косым огнем. Неприятельская артиллерия издалека, по-видимому, из-за леса Скален, отвечает на огонь, но снаряды ее перелетают через увал и падают зря.

От Брассена лучами в направлении на Даркемен, Христианкемен¹²⁹, Штабинен и на Голдап расходятся шоссе; по ним в разных направлениях движутся зарядные ящики, лазаретные линейки, носилки с ранеными и отдельные люди. Около села Ауэпкален расположился главный перевязочный пункт 72-й пехотной дивизии.

Со стороны Даркемена идет деятельный подвоз боевых припасов (там еще действует местный артиллерийский парк).

О положении дел в 26-й пехотной дивизии и у соседей – IV корпуса мне ничего не известно.

Озабочивает меня направление от Поссессерна на Гродзишкен – Будшен: наступление противника в этом направлении, в тыл 26-й пехотной дивизии, может разрезать корпус на две части и поставить 26-ю пехотную дивизию в критическое положение. Формирую сборный отряд под командой 171-го пехотного Кобринского полка полковника Николаева¹³⁰, отбившегося в предыдущих боях от своего полка и теперь явившегося в штаб корпуса.

Полковник Николаев, окончивший курс академии Генерального штаба по второму разряду, на маневрах мирного времени всегда отличался своими знаниями и распорядительностью. Направляю этот отряд на Христианкемен, Грос-Медунишкен, Буддерн, где по моим расчетам он должен найти отошедший из боя у Поссессерна 302-й пехотный полк и вместе с ним обеспечить связь корпуса с 26-й пехотной дивизией¹³¹.

¹²⁶ Имеется в виду Клейн-Медунишкен (Klein Medunischken) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Медунишки-Мале (Mieduniszki Małe) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²⁷ Имеется в виду Альт-Баллюпенен (Alt Ballupönen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Старе-Гайдзе (Stare Gajdzie) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²⁸ Имеется в виду Штобригкелен (Stobrigkehlen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Щчиборки (Ściborki) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹²⁹ Христианкемен (Christiankehmen) – деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Майское в Озерском районе Калининградской области России.

¹³⁰ Александр Николаевич Николаев 4-й на тот момент был только подполковником; звание полковника он получил только 28 октября 1914 года, причем за отличия именно в описываемых в книге боях, в связи с чем и получил старшинство в чине с 27 августа 1914 года.

¹³¹ Отряд этот ушел, и больше я его не видел и не знаю, что с ним произошло. Только через год после того узнал, что Николаев находится в плену у немцев.

Через несколько времени после ухода этого отряда прибывают из Даркемена в мое распоряжение две батареи 53-й артиллерийской бригады. Одну из них я на рысях выдвигаю вслед за отрядом Николаева в его распоряжение, а другой приказываю стать уступом за правым флангом 72-й пехотной дивизии, чтобы своим огнем анфилировать¹³² опушку леса Скален. Получаю наконец (в котором часу, не помню) сведения от 26-й пехотной дивизии: она благополучно отошла со своей позиции между озер Норденбургское и Мауэр и втянулась в леса на левом берегу реки Ангерап, где и ведет бой с нападающим на нее противником.

Получаю от 54-й пехотной дивизии сведение о том, что головные части XX корпуса подходят к Голдапу.

В полдень прибывают в штаб корпуса два командира полка 53-й пехотной дивизии (IV корпус) и докладывают, что их полки назначены в мое распоряжение и двигаются к Даркемену. Знакомлю их с расположением частей корпуса и боевой обстановкой и приказываю им, оставаясь в моем корпусном резерве, расположиться с полками на реке Ангерап у двух так называемых инженерных мостов, чтобы обеспечить отход 26-й пехотной дивизии, все еще ведущей бой на той стороне реки.

После полудня на фронте 72-й и 43-й пехотных дивизий артиллерийский и ружейный огонь усилился, противник подготовлял атаку и, выйдя из леса, двинулся на наши окопы. На этот раз, однако, его артиллерия, действовавшая из-за леса Скален и зря разбрасывавшая свои снаряды по нашей позиции, надлежащим образом атаки не подготовила, и ее пехота, выдвигнувшаяся густыми цепями из леса, попав под сильный шрапнельный и ружейный огонь, не дойдя до окопов, повернула назад и в беспорядке начала отходить. Полки 72-й пехотной дивизии вышли из своих окопов и, перейдя в контратаку, погнали немцев в лес. Это всех очень воодушевило и подало мне повод перейти на всем фронте 43-й и 72-й пехотных дивизий в короткое наступление. Сообщаю об этом в штаб армии и прошу директивы.

Но вместо директивы мне докладывают, что штаб армии отбыл в Вержболово, связь с ним прекращена. И перед отъездом своим выслал нам приказ об отходе к границе.

Из этого приказа, изданного еще 27 августа, видно было, что отход армии уже начался с 28 августа, а на II и IV корпуса возложена задача прикрывать отход и в ночь с 29 на 30 августа IV корпусу отойти на фронт Буйлиен¹³³ – Дингляукен¹³⁴, а II корпусу – на фронт Кариоткемен – Пабельн¹³⁵.

Обстановка боя не вынуждала меня к дневному отходу, да кроме того, 26-я пехотная дивизия еще находилась на той стороне реки Ангерап, а потому я решаю отход начать с наступлением темноты и теперь засветло отправить в тыл все повозки, парки и пр. Начальнику же штаба приказываю разработать приказ об отходе, предоставив каждой дивизии одну дорогу, и обязать дивизии иметь каждой свой арьергард. Фронт, на который следует отойти к утру 30 августа, назначаю за рекой Роменте¹³⁶, где и остановиться у Соденена¹³⁷ – Кубилена¹³⁸ – Балюпенена¹³⁹ на привале до 12 часов дня.

¹³² То есть вести стрельбу из орудий сбоку вдоль фронта войск.

¹³³ Деревня Буйлин (Buylien) в земельном округе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Дубрава Озерского района Калининградской области России.

¹³⁴ Дингляукен (Dinglauken) – деревня в земельном округе Тильзит в Восточной Пруссии; ныне поселок Задорожное в Славском районе Калининградской области России.

¹³⁵ Кариоткемен (Kariotkehmen) и Пабельн (Pabbeln) – деревни в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревни Новоселье и Северской в Гусевском районе Калининградской области России.

¹³⁶ Имеется в виду река Красная – по-польски Роминта (Rominta), по-немецки Роминте (Rominte).

¹³⁷ Соденен (Sodehnen) – деревня в округе Гумбиннен в Восточной Пруссии, с 1945 года носила название Зерновое, ныне не существует.

¹³⁸ Кубилелен (Kubillehlen) – деревня в земельном округе Тильзит в Восточной Пруссии, ныне деревня Кузьмино в Краснознаменском районе Калининградской области России.

¹³⁹ Балупёнен (Ballupöpen) – деревня в округа Голдап в Восточной Пруссии, ныне Дубовая Роща в Нестеровском районе

Получив надлежащий отпор, противник атак не возобновлял, и к вечеру бой стал затихать.

В полной тишине дивизии отходили со своих позиций и, перестроившись в походные колонны, поползли в направлении к русской границе. Верхом на коне в сопровождении штаба и конвоя, а также четырех знамен с полуротами мы, понурые и усталые, останавливались на перекрестках дорог, чтобы прочесть на дощечках (указателях дорог), оставленных нам немцами, направление дороги и проверить правильность своего движения. XX корпус должен был пропустить нас за реку Роменте и только тогда начать свое отступление.

От Брассена до реки Роменте 25 верст. Сделав перед рассветом двухчасовой привал, к семи часам утра мы прибыли на переправу через реку Роменте у Тр. Гелитзкемена¹⁴⁰. В это время к мосту со всех сторон стекались отходившие войска, обозы, понтонный батальон, транспорт местного артиллерийского парка, все галдело, кричало, каждый торопился на мост первым, получалась пробка, и перед моими глазами развернулась знакомая картина далекого прошлого, когда во время Японской войны при отходе от Мукдена¹⁴¹ происходило то же самое у Телина на железнодорожном мосту через реку Фанхэ. И вся беда заключалась в том, что не было назначено особого коменданта, устанавливающего очередь перехода.

Как и тогда¹⁴², явочным порядком я объявляю себя комендантом и с помощью офицеров штаба и конвоя восстанавливаю порядок и непрерывный ход переправы, сперва обозов, понтонных и транспорта местного парка, а потом 5-й стрелковой бригады с ее артиллерийским дивизионом, находившимся в арьергарде IV корпуса и почему-то в своем движении уклонившимся от линии разграничения значительно на юг в полосу II корпуса.

В 9 часов утра я выехал на правый, несколько возвышенный, берег реки Роменте и, разглядывая в бинокль окрестности, мог убедиться в том, что части корпуса начинают понемногу собираться у тех сел, которые им указаны в приказе и где они должны иметь привал до 12 часов дня.

Продвигаясь дальше на Соденен, где штаб должен был остановиться, к своему изумлению, замечаю, что вся местность на восток густо занята войсками и обозами, расположившимися здесь на отдых. Посылаю узнать: какого корпуса? Оказывается, IV. Почему IV корпус, находившийся все время правее нас, оказался теперь за нами и не имея об этом никаких указаний свыше, решаю выяснить это личным переговором с командиром IV корпуса генералом Алиевым. Оставляю заместителем вместо себя начальника штаба корпуса генерал-майора фон Колена и приказываю до моего возвращения корпусу оставаться на своих местах на привале. А сам с адъютантом на автомобиле по отличному шоссе, идущему от Соденена прямо на запад и совершенно свободному от войск, мчусь разыскать штаб IV корпуса. Верстах в восьми натыкаюсь на сторожевое охранение, оказывается, III корпуса, говорят: IV корпус южнее, сворачиваю по шоссе на юг и нахожу генерала Алиева со штабом в Кассубене¹⁴³. Во время этого путешествия в лесу на правом фланге III корпуса начинается артиллерийская стрельба, видны даже

Калининградской области России.

¹⁴⁰ Название населенного пункта написано неразборчиво – в таком написании его не существует.

¹⁴¹ Имеется в виду Мукденское сражение, произошедшее во время Русско-японской войны 6 (19) февраля – 25 февраля (10 марта) 1905 года. Свое название получило по имени ближайшего крупного населенного пункта – города Мукден (ныне Шэньян). Силы были примерно равны: около 280 тысяч человек у русских, около 270 тысяч человек у японцев. Ни одна из сторон не сумела одержать решительную победу, однако главнокомандующий русскими войсками генерал А. Н. Куропаткин, стремясь не допустить высоких потерь и сохранить боеспособную армию, отвел свои войска, и Мукден, до сражения контролировавшийся русскими, был занят японцами. Последний этап отступления (под угрозой окружения) в ночь на 10 марта 1905 года проходил в тяжелых условиях, по узкому коридору, под артиллерийским огнем противника. Потери русской армии составили 8705 человек убитых и 51 388 ранеными, японской – 15 892 убитыми и 59 612 ранеными.

¹⁴² Во время Русско-японской войны полковник В. А. Слюсаренко командовал 1-м дивизионом 9-й артиллерийской бригады и за отличия при Мукдене был 3 ноября 1906 года награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

¹⁴³ Кассубен (Kassuben) – деревня в округе Шталлупенен в Восточной Пруссии; ныне поселок Ильинское в Нестеровском районе Калининградской области.

высокие разрывы немецких шрапнелей над лесом, а на западе за рекой Роменте – отдаленные орудийные выстрелы.

Из переговоров с Алиевым выясняется, что он не получил никаких директив от командующего армией относительно направления отхода своего корпуса и фронта, на который надлежит отходить, и, узнав о том, что III корпус оказался у него в тылу и перегораживает ему дорогу, решил отойти от линии разграничения на юг и теперь расположился здесь на отдых.

Чтобы выйти из создавшегося положения, решаем: «IV корпус начинает свой отход в 3 часа дня, а II корпус – с 6 часов вечера и двигаемся друг за другом на Мариамполь¹⁴⁴!» Успокоившись на этом решении, я принял приглашение отобедать у Алиева и около часа дня двинулся в обратный путь. В то время, когда садился на автомобиль, в тылу, со стороны леса Роменте, раздается частая орудийная стрельба, которая скоро прекратилась. Стрельба на правом фланге III корпуса и на западе за рекой Роменте усиливается. Создается такое впечатление, что мы окружены со всех сторон. Возвращаюсь в Соденен по старой дороге, оглядываю окрестности – пусто, ни души. Штаб исчез и не оставили никого встретить меня! Еду обратно с таким расчетом, чтобы перерезать пути отходящих дивизий и поймать свой штаб; но, к сожалению, к этому времени все дороги, идущие с запада на восток, забиты войсками и обозами, протиснуться между которыми на автомобиле невозможно. И только к вечеру у того же самого Кассубена меня встречает адъютант с конвоем и докладывает, что после моего отъезда в штаб корпуса явился командир 104-го пехотного Устюжского полка 26-й пехотной дивизии полковник Триковский и, узнав о том, что я приказал начальнику штаба задержать на привале войска до моего возвращения, категорически заявил, что «это невозможно, так как противник уже обстреливает наши арьергарды артиллерийским огнем и может произойти паника!»

Генерал фон Колен с мнением Триковского согласился и отдал приказ о выступлении с привала в 12 часов дня. В результате чего произошла перетасовка войск, и все мои дальнейшие попытки приостановить движение дивизий II корпуса никакого успеха не имели; да если бы мне это и удалось, все равно несколько позднее нас накрыл XX корпус, отошедший со своих позиций у Голдапа и теперь втасовавшийся между дивизиями II корпуса. Получился невообразимый хаос.

У перекрестка шоссе у Кассубена случайно сошлись командир XX корпуса генерал Смирнов, я и начальник 59-й пехотной дивизии¹⁴⁵; было уже почти темно. К нам подъезжает верхом причисленный к Генеральному штабу капитан Лисовой и докладывает, что прислан из штаба армии узнать обстановку.

– Вот <нрзб>!» – в один голос заявили мы.

– Почтище, чем на Пухэ при отходе от Мукдена! – прибавил Смирнов.

Лисовой достал из кармана клочок бумаги и просил нас расписаться в доказательство того, что он свое поручение исполнил, что при свете электрического фонарика мы и сделали.

Никаких директив и указаний, на какой фронт отходить и в каком порядке, он нам не привез! Вся эта масса трех корпусов потянулась на восток к русской границе в промежуток между Вержболово и озером Виштынец¹⁴⁶. По счастью, на пути этого движения никаких преград, вроде Пухейского оврага и реки Фанхэ, не имелось: местность была ровная и открытая, можно было двигаться и без дорог.

¹⁴⁴ Мариамполь – уездный город Сувалькской губернии; ныне Мариямполь (Marijampolė) – город и уездный центр Литвы.

¹⁴⁵ Имеется в виду 53-я пехотная дивизия, сформированная в июне 1914 года из кадра 1-й гренадерской дивизии и входившая в XX армейский корпус. В ее состав входили 209-й пехотный Богородский, 210-й пехотный Бронницкий, 211-й пехотный Никольский, 212-й пехотный Романовский полк, а начальником дивизии до 8 февраля 1915 года являлся генерал-лейтенант Семен Иванович Федоров.

¹⁴⁶ Имеется в виду одно из самых больших озер Восточной Пруссии – Виштитерзее (Wystiter See), в русской традиции именуется Виштынецким озером; ныне на границе Калининградской области России и Литвы.

Меня проводили в дом, где находился штаб корпуса. Начальник штаба генерал-майор фон Колен имел совершенно растерянный вид и на мой вопрос, почему он не исполнил моего приказа и двинул корпус раньше моего возвращения, доложил, что противник открыл огонь по нашим арьергардам и приехавший в штаб корпуса полковник Триковский, георгиевский кавалер¹⁴⁷, известный своей храбростью, категорически заявил, что нужно отходить, иначе начнется паника.

– Я с ним согласился и отдал приказ об отходе.

– А вы видите, что произошло от этого?!

– Вижу и нахожу, что очень плохо! Растерянность фон Колена была так велика, что он уже приступил к сжиганию секретных и оперативных дел и к разгрузке штабного обоза, чтобы облегчить его для дальнейшего отхода. Я приказал прекратить эту работу и тотчас же сделать наряд офицерских разъездов для посылки их к начальникам дивизий с приказанием: принять все меры к тому, чтобы задержать отход своих дивизий и отделиться от войск IV корпуса. Но это были уже тщетные попытки, разъезды начальников дивизий разыскать не могли, и беспорядочное отступление продолжалось. В 12 часов ночи около самого штаба остановился один из полков 26-й пехотной дивизии, я решил присоединиться к нему, и мы тронулись в путь. Шли, конечно, шаг за шагом, с постоянными остановками. С севера раздавались орудийные выстрелы, со стороны Роментенского леса было тихо. Противник нас не преследовал. Однако все мы понимали, что находимся в устроенном нам немцами мешке, и вопрос о том, удастся ли нам утром выбраться из него, сильно волновал нас.

Настало утро 31 августа; совершенно обессиленные войска подходили к русской границе, обозначенной рядом белых камней. Вздох облегчения вырывается из тысячи грудей, все подбадриваются, крестятся... точно с переходом ее уже нет опасности!

А между тем на севере и очень недалеко от нас разгорается бой у Вержболово, а с юга обходит озеро Виштынец немецкая кавалерия, против которой у северного берега уже выехал на позицию наш артиллерийский дивизион и готовится к открытию огня.

Это уже никого не беспокоит, и все перешедшие через границу войска, по какому-то немому соглашению, остановились на привал и собирают свои части.

Пробую сделать это и я, опять рассылаю ординарцев с приказанием следовать на фронт Скордупе – Ланкупяне¹⁴⁸. А сам со знаменами, полуротами и штабом следую в Скордупе, где и располагаюсь на отдых, выжидая исполнения моего приказа. Мимо нас с севера на юг проследовал лейб-гвардии Конно-гренадерский полк¹⁴⁹. Однако все мои попытки собрать корпус оказываются тщетными. После полудня нас обстреляла конная немецкая батарея с высот восточного берега озера Виштынец.

Вечером 31 августа прошел большой дождь и испортил нам дороги.

Решаю двигаться в направлении шоссе Вилковшину¹⁵⁰ – Мариамполь, куда, по моим расчетам, должны были потянуться и дивизии корпуса.

После мучительного ночного перехода утром 1 сентября добираемся до шоссе у села Рудки и здесь видим плотной массойдвигающиеся войска.

Расчеты мои оправдались: вперемешку с другими двигаются части 26, 43, 72-й пехотных дивизий с их артиллерией. Посылаю на телеграф в Мариамполь донесение командующему

¹⁴⁷ Н. М. Триковский был героем Русско-японской войны; за проявленную храбрость он был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (приказ от 23 апреля 1906 года) и орденом Святого Георгия 4-й степени (приказ от 13 февраля 1905 года).

¹⁴⁸ Скордупе и Ланкупяны – деревни в Мариампольском уезде Сувалькской губернии; ныне поселки Скардупяй (Skardupiai) и Ланкупяны (Lankupiany) в Мариампольском самоуправлении и уезде Литвы.

¹⁴⁹ Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк входил в состав 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. С 4 февраля 1914 года по 14 ноября 1915 года им командовал генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин.

¹⁵⁰ Имеется в виду город Волковышки – уездный город Сувалькской губернии; ныне Вилкавишкис (Vilkaviškis), районный центр Мариампольского уезда Литвы.

армией, что по шоссе на Мариамполь отходят части II, IV и XX корпусов, необходимо указать фронт, на который должен выйти II корпус, выслать навстречу в Мариамполь хлеб и боевые припасы. В то время, когда, следуя сбоку шоссе, мы подходили к селу <нрзб>, неприятельская артиллерия открывает огонь шрапнелью по шоссе. Я тотчас же выхватываю из походной колонны первые попавшиеся четыре орудия и, продвинув их вправо от шоссе, приказываю открыть огонь по лесу и за ним; этому примеру по собственной инициативе следует тотчас же артиллерийский дивизион 26-й артиллерийской бригады полковника Нечая, лес обстрелян сильным коротким огнем, и неприятельская батарея замолчала. У Мариамполя нас встретил офицер штаба армии с указанием фронта, который мы должны занять для обороны, по ту сторону реки Шешупы. Согласно этого указания, отдаю приказ: «26-й пехотной дивизии занять позицию к северу от шоссе на Шешупе, 43-й пехотной дивизии – южнее этого моста. В арьергарде у села <Покушин> оставить 171-й пехотный Кобринский полк с дивизионом артиллерии (две батареи). 72-му и 302-му пехотным полкам собираться у восточной части Мариамполя в общий резерв».

На этом моя роль в должности командующего II армейским корпусом заканчивается, так как в Мариамполь прибыл генерал от инфантерии Чуринов, который тотчас же и вступил в исполнение своих обязанностей командира II корпуса¹⁵¹.

Накормив меня и сообщив о том, что командующий армии генерал Ренненкампф с похвалой отзывался ему о действиях II и IV корпусов, предложил мне раньше отправления к своей дивизии выспаться в его квартире. На что я с удовольствием и согласился. Мертвецкий сон одолел меня, и я проснулся на другой день в 8 часов утра. Напившись кофе и отблагодарив за гостеприимство, отправляюсь в штаб 43-й пехотной дивизии, расположившейся недалеко от шоссе моста в центре города. В городе настоящая ярмарка, всюду группы и одиночные нижние чины, повозки, солдатские кухни, галдеж, крики, все разыскивают свои части, ищут купить хлеба!

В штабе дивизии прежде всего, конечно, поинтересовался узнать, в каком составе прибыла в Мариамполь 43-я пехотная дивизия. Оказывается, 170-й пехотный Молодечненский полк прибыл в составе одного батальона со знаменем, остальные батальоны с командиром полка полковником Кондратьевым отошли в направлении на крепость Ковна; 171-й пехотный Кобринский полк, потерявший убитым своего командира полка Генерального штаба полковника Сегеркранца, раненным в плечо помощника командира полка полковника Мокржецкого и без вести пропавшим полковника Николаева, – в составе четырех батальонов и 172-й пехотный Лидский полк – в составе четырех батальонов. Потери в офицерском составе и нижних чинов громадные, но подсчета еще в полках не сделано.

43-я артиллерийская бригада потеряла две батареи 1-го дивизиона целиком и одно орудие 3-й батареи (всего 17 орудий) и много зарядных ящиков. В обозах потери не должны быть велики, так как они своевременно были двинуты через Голдап на границу.

Вестей о 169-м пехотном Ново-Трокском полке и 6-й батарее 43-й артиллерийской бригады, находившихся в отряде полковника Якимовского у Ариса, не имеется. Поблагодарив генерал-майора Беймельбурга за его геройское командование дивизией и дав ему разрешение отправиться к своей 27-й пехотной дивизии, я потребовал коня и двинулся на осмотр частей, занявших западную окраину города. На правом фланге влево от шоссе моста занял позицию батальон 170-го пехотного полка, окопов не рыл, а приспособился для обороны в домах, за каменными заборами и за каменной невысокой оградой городского кладбища. Левее 172-й Лидский полк на том месте, где река Шешупа делает изгиб и где левый ее берег, имеющий значительно превышение над правым, обрывист и недоступен, занял район кавалерийских казарм

¹⁵¹ Генерал от инфантерии А. Е. Чуринов был назначен командиром II армейского корпуса 23 августа 1914 года, а Слюсаренко был лишь временно командующим до его прибытия.

с высокими, громадными зданиями, с верхних этажей которых открывается большой кругозор к стороне противника. Тут артиллеристы избрали место для своих наблюдательных пунктов, а мортирная и одна легкая батарея 43-й артиллерийской бригады расположились на закрытых позициях за полковыми конюшнями. Самый берег оборонялся слабыми частями полка, а большая часть его сил расположилась у моста по шоссе на Кальварию.

Возвращаясь обратно к штабу, на большой улице вижу две роты, спрашиваю, какого полка – оказывается, 302-й пехотный полк. Бравый капитан собрал их и теперь производит расчет, назначая взводных, отделенных, а затем, уставным порядком проверив расчет, обращается ко мне: «Куда прикажете вести?» Я указал ему участок 170-го пехотного Молодечненского полка, где, по моему мнению, оборона была слаба, и приказал ему занять и оборонять кладбище.

Продвигаясь по улице дальше, вижу несколько грузовиков, атакуемых со всех сторон нижними чинами. Прибыл транспорт из Ковны с хлебом, и интендантский чиновник производит суетливую и бестолковую раздачу хлеба. Указал ему на необходимость выделить грузовики для Лидского и Кобринского полков и куда их направить. В то время когда подъезжал уже к штабу дивизии, совершенно неожиданно раздался орудийный выстрел со стороны арьергарда, за ним другой, третий – в арьергарде у кобринцев завязывается бой.

Мало утешительного! Боевых припасов осталось очень мало! В городе сразу все притихает, улицы пустеют. Меня требует к себе командир корпуса. Застаю его и генерала Алиева (командующий IV корпусом) на балконе дома, занимаемого штабом корпуса, с которого открывается широкий вид на запад к стороне противника и завязывающегося боя в арьергарде. Генерал Чурин, по-видимому, в волнении. Спрашивает меня:

– Как вы думаете, серьезное это наступление или только наседают преследующие нас передовые части противника?

Докладываю, что пока еще ничего серьезного не видно, а что будет дальше, предсказывать не берусь. Во всяком случае, мы уже привели части в порядок и занимаем сильную позицию, на которой можем дать немцам надлежащий отпор – бояться нечего! Генерал Алиев заявляет, что он сейчас пошлет приказ одному из полков своего корпуса (заявшему фронт правее II корпуса) выдвинуться вперед на помощь нашему арьергарду. Ничего против этого не имею, помочь измученным кобринцам не грех! Продолжая наблюдать бой с балкона, мы замечаем усиление огня наших батарей, потом сильную ружейную стрельбу, какое-то шевеление у кобринцев, наступающие наши цепи и переход всего полка в атаку. Противник отброшен! Нужно думать, что это были передовые немецкие части со слабой артиллерией.

К вечеру подошел полк IV корпуса и, ввиду полученного от командующего армией приказа об отходе на следующий день II корпуса от Мариамполя на Олиту¹⁵², сменил кобринцев, которые и отошли в Мариамполь.

3 сентября II корпусу приказано отходить на Олиту. В назначенный для выступления 43-й пехотной дивизии час выезжаю на южную окраину города, чтобы встретить и пропустить мимо себя дивизию.

Тот, кто родился, кто рос в полковой штаб-квартире, учился в корпусе, военном училище и, выйдя из него, участвовал в трех военных походах и кто, наконец, прокомандовав дивизией в течение шести лет, сроднился с ней и месяц тому назад, пропуская у Липска полки, выступавшие к границе, любовался чистотой их одежды, стройностью движения под звуки полковых маршей и бодрыми лицами бойцов могучих тысячных колонн с их колыхавшимся, как море, штыками, и с бесконечно тянущимися батареями в прекрасной запрятке!.. Тот поймет

¹⁵² Олита – местечко в Трокском уезде Виленской губернии; ныне город Алитус (Alytus), административный центр одноименных района и уезда Литвы.

чувство, теперь охватившее меня при виде тихо выступавших из города, без музыки и песен, остатков этой дивизии и ее артиллерии...

– Здорóво, родные!.. – Я больше ничего не мог сказать.

Мы молча смотрели друг на друга и понимали весь ужас происшедшего! Вместо трех полков было не больше двух с половиной батальонов, а вместо 48 орудий – всего только 23 орудия. А где командиры, где офицеры? Их почти и не видать!

В то время когда колонна уже отошла от города версты на три, прискакал офицер и доложил, что для нас из Ковенской крепости прибыл транспорт с боевыми припасами и просит их принять. Останавливаю колонну и приказываю транспорту нас догнать, и тут же на дороге мы произведем перегладку. Сверх ожидания, все это проделано очень быстро, так как обывательские подводы, на которых доставлены огнестрельные припасы, спешившие избавиться от неприятного для них груза и поскорее уехать обратно восвояси, подкатили к нам чуть не на рысях. А парковые укупорочные ящики, в которых уложены были снаряды, очень удобны для перегладки.

Ночевали у северной окраины озера Жувинте, противник нас не преследовал. Прошел дождь.

4 сентября по ужаснейшей грязи, выбиваясь из последних сил, мы к позднему вечеру добрались до Белой Олиты, где и заночевали.

На другой день, 5 сентября, дана дневка. Отдохнув и осмотревшись, не узнали нашей Олиты (тут раньше стояла 43-я артиллерийская бригада): вместо прежних смехотворных, как пупыри, торчавших на высотах этого укрепленного плацдарма редутов и люнетов протянулись современные линии окопов с проволочными заграждениями, засеками и прочими ухищрениями фортификации!.. Сделали предположение, что нас здесь оставят и будем иметь удовольствие обороняться на такой прекрасной позиции.

Но 6 сентября приказано II корпусу перейти на правый берег Немана и расположиться по деревням в районе железнодорожной станции Потаранцы, а в Олиту 8 сентября прибыл XX корпус.

Здесь, около [станции] Потаранцы, к нам присоединились: батальоны 170-го пехотного Молодечненского полка, доставленные сюда из крепости Ковна по железной дороге, и 169-й пехотный Ново-Трокский полк с 6-й батареей 43-й артиллерийской бригады и одной сотней казаков, бывших в особом отряде у Ариса, пришедший из Сувалок.

Не успели мы подсчитать еще наши потери и собраться, как последовал приказ по армии о расформировании 72-й пехотной дивизии с ее артиллерийской бригадой с парками и всеми обозами и о пополнении за счет ее личного состава и материальной части до штата военного времени 26-й и 43-й пехотных дивизий II армейского корпуса.

Я и до сих пор не знаю, имел ли право по законам командующий 1-й армией генерал-адъютант Ренненкампф издавать такой приказ.

Но нравственного права он не имел, я в этом убежден: 72-я пехотная дивизия и 72-я артиллерийская бригада дрались не хуже других и своими потерями¹⁵³ и пролитой кровью в боях 28 и 29 августа заслужили право занимать почетное место среди дивизий императорской армии. И даже больше! Исследователь операции у Мазурских озер генерал Головин указывает, что II армейский корпус (в который входила 72-я пехотная дивизия) содействовал спасению всей 1-й армии¹⁵⁴. Желал бы также знать, посмел бы он расформировать хотя бы один эскадрон гвардейской кавалерии?!

¹⁵³ 30 % нижних чинов, 50 % офицерского состава и 20 пушек 72-й артиллерийской бригады.

¹⁵⁴ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 394.

Влившихся в наши полки частей 72-й пехотной дивизии мы приняли с радостью, как боевых своих товарищей. Генерал-майор Орлов занял должность моего помощника, полковник Генерального штаба Балтийский – место начальника штаба 43-й пехотной дивизии вместо уволенного, за полной неспособностью, полковника Десино. При доброжелательном отношении к той и другой дивизиям, мы легко устранили трения, возникавшие по поводу назначений на командные должности.

Меньше чем через неделю, получив еще из Ораниенбаума (по распоряжению генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича) один легкий Финляндский артиллерийский дивизион (из трех батарей), мы опять преобразились в могучую силу, готовую двинуться в бой.

Это событие не заставило себя долго ждать: 8-я немецкая армия продолжала свое наступление к Неману, и ее правофланговые части захватили плацдарм в излучине реки у местечка Меречь¹⁵⁵, где имелся постоянный мост. II корпусу приказано было отеснить противника и, перейдя на левый берег, атаковать противника, сосредоточившего значительные силы у местечка Серее. 26-я пехотная дивизия, следовавшая в голове корпуса, получила задачу форсировать переправу и перейти через постоянный мост, а 43-я пехотная должна была после того переправиться по понтонному мосту севернее местечка Меречь. Противник занимал укрепленную позицию по хорде излучины реки. Для содействия 26-й пехотной дивизии к селу Солекин я выдвинул Финляндский артиллерийский дивизион, который брал все расположение немцев под фланговый огонь. Маневр корпуса удался, мы переправились на тот берег по понтонному мосту и вслед за 26-й пехотной дивизией двинулись на Серее и в тот же день достигли озера Пасерники. Но противника в Серее уже не оказалось. Он отступил!

На следующий день II армейскому корпусу приказано было возвратиться по шоссе на Олиту, где он должен быть погружен на поезда и переброшен на Варшавский фронт.

Чтобы закончить описание этого первого акта участия 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в мировой войне, я должен вернуться назад и упомянуть о действиях отряда полковника Якимовского, оставленного нами у Ариса, и 1-го батальона 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша – у Видминена. Передаю на основании тех кратких рассказов участников, которые доходили до меня.

Отряд у Ариса (169-й пехотный Ново-Трокский полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и одна сотня казаков), находясь от 1-й армии в трех переходах, был до двадцатых чисел августа совершенно обособлен, и неизвестность относительно направления, по которому можно ожидать наступления противника, вызывала громадные наряды на разведку и охранение. И только в двадцатых числах, когда в Лыке и у Бялы появились передовые части формирующейся 10-й армии, положение отряда облегчилось. Одновременно с этим, с прибытием 43-й пехотной дивизии на Круглянковский перешеек, уменьшилось и расстояние до 1-й армии; в отряде вздохнули свободнее, совершенно не подозревая той беды, которая на него надвигалась со стороны Иоганенсбурга. 24 августа немецкие войска, выдвинувшиеся со стороны крепости Лётцен, отрезали отряд от своей дивизии у Круглянкина, и в тот же день со стороны Иоганенсбурга обрушился на отряд противник, во много раз превосходивший в своей численности, особенно большим числом батарей. Полковник Якимовский бой принял, наша доблестная 6-я батарея под командой капитана Феофанова вступила в состязание с неприятельской артиллерией; на помощь отряду подошли финляндские стрелки, но ничто не помогло, отряд понес большие потери, но не оставив в руках противника никаких трофеев, должен был отступить и, потерявши свой путь отхода на Круглянкин, отошел на Лык, где уже находи-

¹⁵⁵ Меречь – местечко в Трокском уезде Виленской губернии; ныне город Меркине (Merkinė) в Варенском районе Алиусского уезда Литвы.

лись части 10-й армии. Из Лыка отряд направился на Маркграбово, где был атакован немецкой кавалерией, и, потеряв надежду на соединение с дивизией, решил отходить на город Сувалки.

Появление отряда там было полной неожиданностью: о близости наступающих немцев никто и не подозревал, а потому никаких мер к эвакуации города не принималось. Полковник Якимовский потребовал к себе воинского начальника и, указав ему на надвигающуюся опасность, советовал тотчас же приступить к ней. Воинский начальник по телеграфу донес об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту Ренненкампфу и просил его указаний. В ответ получена телеграмма, которой полковник Якимовский отчисляется от занимаемой должности командира полка и предается им суду за распространение паники в тылу армии. Простояв у Сувалок несколько дней, отряд, получив приказание от штаба армии, двинулся на Олиту к своей дивизии.

Состоявшийся через несколько времени суд над полковником Якимовским его оправдал, но к командованию полком он уже допущен не был. Его место занял полковник того же полка Николаев.

Батальон 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша, оставшийся у Видминена, тоже не бездействовал и нес этапную службу по охране и конвоированию транспортов II корпуса, следовавших на Лык и Ангенбург¹⁵⁶ (по старой корпусной дороге). Для удобств своего движения транспорты естественно избрали себе шоссе от Лыка на Видминен, потом обыкновенную дорогу до Круглянкина и шоссе на Поссессерн и Ангенбург, проходя, что называется, под носом у самой крепости Лётцен. Несмотря на кажущуюся пассивность крепостного гарнизона¹⁵⁷, он устраивал вылазки и нападал на транспорт и иногда уводил в крепость груженные повозки. Приходилось их охранять.

В то время, когда в своем марше-маневре II корпус, огибая озеро Мауэр с севера, направлял часть своих сил на юго-запад с целью отрезать крепость Лётцен с запада, генералу Ренненкампфу пришла блестящая мысль послать в крепость парламентаря и потребовать от коменданта сдачи ее, с угрозой в случае отказа не оставить камня на камне.

В роли парламентаря, с пакетом командующего армией, должен был явиться командир батальона 170-го пехотного полка полковник Булюбаш, в сопровождении переводчика своего же батальона штабс-капитана Грюнберга¹⁵⁸ и, как полагается, с трубачом при белом флаге. С первыми лучами восходящего солнца группа эта в назначенный день тронулась к крепости. Сторожевое охранение немцев спросонья, увидев группу верховых русских и не сообразив, в чем дело, открыло по ним огонь, свалив ранеными полковника Булюбаша и штабс-капитана Грюнберга, забрали их и вместе с трубачом доставили в крепость. Извещенный об этом комендант тотчас же приказал их отнести в крепостной госпиталь, явился туда сам и, получив от полковника Булюбаша пакет и узнав об обстоятельствах их ранения, очень извинялся и, удаляясь, поручил докторам и сестрам милосердия проявить особую о раненых заботливость.

Эта бутафория, имевшая последствием своим тяжелое ранение полковника Булюбаша и окалечение на всю жизнь штабс-капитана Грюнберга, дала повод коменданту немецкой крепости, вместе с извинениями, послать генерал-адъютанту Ренненкампфу полный рыцарского благородства ответ и указать на бессмысленность сделанного ему предложения и угрозы¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Возможно, имеется в виду Ангербург.

¹⁵⁷ По нашим сведениям, тогда не свыше 3 тысяч человек, а на самом деле, по историческим данным, целой ландверной дивизии.

¹⁵⁸ Автор ошибается: Г. Э. Грюнберг был произведен в штабс-капитаны только в феврале 1915 года, а в описываемый период носил звание поручика.

¹⁵⁹ Имеется в виду ответ коменданта крепости Бойен в Лётцене полковника Буссе, который, в частности, просил передать: «Для меня и моего храброго гарнизона... подобное предложение в высшей степени оскорбительно. Крепость Бойен можно взять лишь когда она превратится в руины».

После продолжительного лечения, при внимательном отношении врачей и прекрасном уходе, полковник Булюбаш и Грюнберг были через Балтийское море возвращены в Россию¹⁶⁰, с извинениями германского правительства за их ранение.

Для характеристики генерал-адъютанта Ренненкампаф должен вспомнить еще и о том приказе по 1-й армии, который получили перед самой посадкой в поезд. Дело заключается в следующем: по прибытии нашем из Восточной Пруссии в Мариамполь генерал Ренненкампаф, минуя штаб фронта и Ставку Верховного главнокомандующего, донес государю императору о том, что геройски сражавшаяся вверенная ему 1-я армия отошла к Неману в полном составе частей. Государь император, всемилоостивейшее поблагодарив, наградил его орденом Святого Владимира первой степени с мечами¹⁶¹.

А между тем штаб Северо-Западного фронта, донося Верховному главнокомандующему об отходе 1-й армии к Неману, указал, что потери армии громадны, особенно во II корпусе. На это противоречие и несоответствие донесения генерала Ренненкампафа с действительностью Верховный главнокомандующий обратил внимание и поставил генералу Ренненкампафу на вид. А тот, чтобы оправдать себя, отдает приказ по 1-й армии, в котором объявляет выговор: командиру XX армейского корпуса генералу от инфантерии Смирнову, командовавшему II армейским корпусом генерал-лейтенанту Слюсаренко за то, что они своевременно не доносили в штаб армии о потерях, а начальнику штаба II корпуса генерал-майору фон Колену – еще и за то, что он не доносил подробно в штаб армии о боевых действиях войск корпуса... и «тем более что вся тяжесть боя легла главным образом на II корпус!».

Кто был на войне и участвовал в таких боях, какие разыгрались у нас 26, 27, 28 и 29 августа, и кто претерпел после того такой беспорядочный отход, какой был в 1-й армии, тот отлично знает, что ни о каком подсчете своих потерь не могло быть и речи. А, кроме того, если бы мы и имели эти данные о потерях, доносить было некому, так как 29 августа, бросив фронт, командующий 1-й армией уехал в крепость Ковна и связи с его штабом у нас не было.

* * *

С удовольствием садился в вагон и уезжал на Варшавский фронт и из-под власти генерал-адъютанта Ренненкампафа... Но от судьбы своей не уйдешь, это будет видно из воспоминаний моих об участии 43-й пехотной дивизии во втором для нас акте мировой войны.

¹⁶⁰ Офицеры были возвращены в Россию в сентябре 1914 года.

¹⁶¹ Автор явно не обладает материалом, а пытается фантазировать, опираясь, видимо, на какие-то слухи. Как следует из послужного списка генерала П. К. фон Ренненкампафа от 6 декабря 1915 года (см.: *Ренненкампаф фон В. Н.* Воспоминания. М., 2013. С. 256–293), последним награждением был орден Святого Владимира 2-й степени с мечами, и награждение состоялось не по окончании операции, а значительно раньше – 16 августа 1914 года: это было первое награждение в Первую мировую войну. На самом деле Ренненкампаф доложил непосредственно Верховному главнокомандующему о том, что «все корпуса вышли из боя», но что великий князь Николай Николаевич ответил: «От всего любящего вас сердца благодарю за радостную весть. Поблагодарите геройскую 1-ю армию за ее труды. В дальнейшем при вашей энергии и помощи Божьей уверен».

Глава 2. Варшавская и Брезинская операции (октябрь – ноябрь 1914)¹⁶²

После того как 8-я немецкая армия в середине сентября 1914 года была отброшена русскими войсками от Немана к Мазурским озерам, II и IV армейские корпуса, входившие в состав этой армии¹⁶³, приказано было выделить и перебросить по железной дороге к Варшаве, где в это время 9-я немецкая армия напрягала все усилия к тому, чтобы захватить ее. Несколько дней переезда по железной дороге были для нас полным отдыхом, когда не хотелось думать ни обо всем пережитом нами, ни о том, что ожидает нас впереди. Мы ели, пили и, убаюкиваемые на мягких диванах вагона первого класса, сладко спали целые дни. Где и когда нас высадят, нам не было известно. Предполагали, что в самой Варшаве. Однако нашим предположениям не суждено было сбыться: с Варшавской железной дороги нас повернули на юг, на Ново-Минск и 22–24 сентября начали высаживать на станции Пилява Ивангород-Варшавской железной дороги недалеко от Гарволина. Станция эта еще в мирное время оборудована была для этой цели, имея достаточное число путей и разветвлений, но совершенно недостаточное число и притом жалких разгрузочных платформ. За порядком разгрузки наблюдал особый офицер Генерального штаба¹⁶⁴. Около станции, кроме нескольких крестьянских лачужек, никаких жилищ не было; приходилось располагаться либо в палатках, либо под открытым небом.

II армейскому корпусу приказано было войти в состав 5-й армии под команду генерала Плеве (начальник штаба генерал-лейтенант Миллер) и оборонять реку Вислу на участке от впадения в нее реки Пилицы до Гура-Кальварии, а на 43-ю пехотную дивизию, которой командовал я, – левую половину этого участка.

25 сентября в один переход мы добрались до реки и заняли передовыми частями ряд деревушек по правому ее берегу, имея дальше в глубину наши главные силы.

Весь правый берег реки Вислы представляет из себя плоскую низменность, покрытую тощими лесами и кустарниками, местами болотистую и песчаную. Обработанной земли мало. Деревушки небольшие с жалкими постройками. Дороги и мосты на них в отвратительном состоянии. Левый берег значительно приподнят и на всем своем протяжении командует над правым, скрывая в то же время от наших взоров всю местность к западу от реки. От Гура-Кальварии до реки Пилицы по нему вдоль самой реки пролегает шоссе.

Штаб дивизии расположился в господском дворе Снядков, принадлежавшем местному пану; как и все потом встречаемые нами в Польше помещичьи усадьбы, он был в два этажа, внизу парадные апартаменты со всевозможными затеями, разрисованными потолками и стенками, а наверху небольшие жилые комнаты по обе стороны коридора. Около усадьбы большие, еще не обмолоченные скирды хлеба и скотный двор – ведется молочное хозяйство. Пан, по видимому, радушно нас принял, разместил в верхнем этаже (нижний не был отапливаем, на дворе стало уже холодно).

¹⁶² Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в операциях за Варшавой и Брезинской в октябре и ноябре 1914 года». В конце рукописи он подписан: «В. Слюсаренко» – и датирован: «4 апреля 1924 года Ковачица (Банат)».

¹⁶³ Так в тексте. Автор, видимо, сам запутался. Если в данном случае имеются в виду германские корпуса, то они прибыли с Западного фронта на Восток несколько позже и в состав 8-й армии формально не входили, хотя первоначально для нее и предназначались. С другой стороны, он, возможно, имеет в виду и русские армейские корпуса с теми же номерами, которые также действовали в этом районе.

¹⁶⁴ Вопросами организации передвижения войск занимались отделы военных сообщений, которые были укомплектованы офицерами Генерального штаба.

Шум боя доносился до нас со стороны Варшавы и Гройцы¹⁶⁵, а также, особенно явственно, слышна была артиллерийская канонада с левого берега Вислы за переправой у Казинцы, где вел бой III Кавказский армейский корпус генерала Ирманова¹⁶⁶. По шоссе того берега изредка двигались немецкие обозы и небольшие войсковые части. Обстоятельство это тотчас же было усмотрено одной из наших батарей, которая открыла по ним огонь, но тотчас же в ответ с того берега открыла огонь и тяжелая немецкая батарея. Произошла небольшая, скоро после того прекратившаяся перестрелка. После чего дневное движение обозов прекратилось, но по ночам слышали шум колес немецких повозок.

Для разведки противника вызывались в полках охотники, которые на лодках переправлялись на неприятельский берег. Сопряженные с большой опасностью, разведки эти никаких существенных сведений не доставляли.

27 сентября для содействия 2-й армии, наступающей от Варшавы в юго-западном направлении, приказано 5-й армии перебросить XXIII¹⁶⁷ и II корпуса на левый берег Вислы у Гура-Кальварии, где для этого будет наведен понтонный мост. В первую очередь переправляются части XXIII корпуса, занимают Гура-Кальварию и постепенно, по мере прибытия подкреплений, расширяют плацдарм к западу в направлении на Гройцы. II корпусу следовать за XXIII, имея в голове 43-ю пехотную дивизию. За ночь с 26 на 27 сентября понтонный мост был наведен без всяких помех со стороны противника, и с раннего утра началась переправа.

По сведениям, поступавшим с того берега в штаб II корпуса, расположившийся на правом берегу реки у самого моста, где находился также и штаб 43-й пехотной дивизии, вначале все шло успешно: без боя занята Гура-Кальвария и расширялся плацдарм в сторону Гройцы, но к полудню, войдя в соприкосновение с немцами и завязав с ними бой, XXIII корпус был принужден остановиться. В это же время с северо-запада из-за высот левого берега неприятельская легкая батарея открывает огонь по мосту и после долгой пристрелки ее снаряды начинают ложиться у самого моста. Переправившиеся части скопляются в самом местечке, по которому, в свою очередь, с запада начинается обстрел его немецкой артиллерией.

Наша артиллерия с правого берега бессильна в оказании помощи, так как и высоты левого берега, и само местечко совершенно закрывают всю местность к западу. Создается неприятное положение для переправившихся уже войск (между ними и авангардного 169-го пехотного Ново-Трокского полка 43-й пехотной дивизии). Особенно тяжелое впечатление производят попадания немецких снарядов по войскам на самом мосту.

Часа в 3–4 пополудни под напором немецких войск XXIII корпус начинает осаживать назад.

К вечеру решено переправу войск прекратить, а с наступлением темноты начать отход по тому же мосту обратно.

Отход этот шел всю ночь и утро следующего дня. 169-й пехотный Ново-Трокский полк перешел обратно в первую очередь, и 43-й пехотной дивизии приказано расположиться в районе Варшавицы – Осецк.

¹⁶⁵ Имеется в виду уездный город Варшавской губернии Гроец; ныне Груец (Grójec), центр повята в Мазовецком воеводстве Польши.

¹⁶⁶ В состав III Кавказского армейского корпуса (командир – генерал-лейтенант Владимир Александрович Ирманов, начальник штаба – генерал-майор Михаил Федорович Квечинский, инспектор артиллерии – генерал-лейтенант Мейнгард Антонович Шифнер) входили 21-я (генерал-лейтенант Самед Бек Садык Бек Мехмендаров) и 52-я (генерал-лейтенант Василий Васильевич Артемьев) пехотные дивизии.

¹⁶⁷ В описываемый период пост командира XXIII армейского корпуса занимал генерал от инфантерии Владимир Николаевич Данилов, начальника штаба – генерал-майор Вильгельм Касперович фон Нордгейм, инспектора артиллерии – генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Кантакузен.

После этой неудавшейся переправы решено II корпус перебросить по железной дороге в Ново-Георгиевскую крепость¹⁶⁸, чтобы оттуда движением его на Сохачев, Жихлин и Кутно обеспечивать правый фланг 2-й армии, наступающей в юго-западном направлении.

Переброска эта должна быть произведена по железной дороге, для чего 29 сентября головные полки дивизий должны прибыть на известную нам станцию железной дороги Пилява и погрузить на поезда только людей и кухни артиллерия же, парки и все обозы должны двигаться пешим порядком по шоссе Варшава – Яблонна – Ново-Георгиевск.

На всю эту переброску потребовалось пять дней. В Ново-Георгиевске, кроме коменданта крепости генерала Бобыря, начальника штаба крепости Генерального штаба полковника Елчанинова, Старой Цитадели и единственного железного моста через Вислу, ничего интересного не пришлось видеть.

Бобырь, высокого роста, видный, с напускной строгостью, доброго старого времени генерал. Полковник Елчанинов, бывший профессор академии Генерального штаба¹⁶⁹, являющийся в свой штаб в полной амуниции, – священнодействовал!

6 октября 43-й пехотной дивизии приказано выступить по дороге на село Александров – Кампинос – Прусы – Сохачев. Ночлег и дневка – в Кампиносе.

26-я пехотная дивизия двигалась левее нас. Всю ночь, предшествовавшую этому движению, до нас доносилась со стороны Блони¹⁷⁰ артиллерийская стрельба. Большого о положении противника и наших войск мы не знали. Противника на своем пути не встречали. Кавалерии при корпусе не было. Но о присутствии конницы противника на шоссе Сохачев – Блони имели сведения от жителей.

8 октября на переходе Кампинос – Завады – Прусы – Сохачев мы неожиданно встретили препятствие на переправе через реку Блони у Завады, где немецкой кавалерией, отошедшей затем на Сохачев, был сожжен мост на сваях. Другой переправы поблизости не оказалось, а брод был глубок и вязок; пришлось задержаться на несколько часов, пока саперная рота исправила этот мост.

К вечеру авангард наш (170-й пехотный Молодечненский полк с дивизионом 43-й артиллерийской бригады) занял без боя Сохачев и, войдя в связь с Кавказской кавалерийской дивизией¹⁷¹, переправившейся на левый берег Бзуры с задачей разведки сил противника в направ-

¹⁶⁸ Новогеоргиевская крепость была построена в польском местечке Модлин, в 30 км к северо-западу от Варшавы, в месте слияния рек Вислы и Наревы, по распоряжению императора Наполеона в 1807–1812 годах (автор проекта – военный инженер Франсуа Шасслу-Лоба). Ее главной задачей было обеспечение безопасной переправы через эти реки. После присоединения Царства Польского к Российской империи крепость была занята русскими войсками. В эпоху правления императора Николая I, после разгрома Польского восстания 1830–1831 годах, крепость была расширена, а в 1834 году Модлин стал официально именоваться Новогеоргиевском. Очередная модернизация Новогеоргиевской крепости была проведена в конце XIX века, когда была создана линия фортов. В 1919 году Варшавская губерния, где располагалась крепость, году вошли в состав Польши, крепость стала военной базой Войска Польского под названием Модлинская крепость (Twierdza Modlin). После Второй мировой войны уже как крепость не использовалась, а Модлин в 1961 году вошел в качестве района в город Новы-Двур-Мазовецки.

¹⁶⁹ Андрей Георгиевич Елчанинов 1 февраля 1908 года стал экстраординарным, а 13 апреля 1909 года – ординарным профессором Николаевской военной академии. Одновременно с 14 сентября 1910 года он возглавлял крепостную часть Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и в 1910–1913 годах был постоянным членом Крепостного комитета ГУГШ, членом Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления и совещательным членом Инженерного комитета. Он считался одним из ведущих специалистов в России по вопросам крепостной войны. Елчанинов выпустил ряд военно-исторических и военно-теоретических работ, из которых наиболее известны «Ведение современной войны и боя. Тактика в действиях над крепостями», «Наш устав полевой службы», «О самостоятельной коннице», «Современные взгляды на боевую подготовку и деятельность конницы», «Суворов. Краткий очерк боевой деятельности» и др.

¹⁷⁰ Имеется в виду Блони – уездный город Варшавской губернии; ныне Блоне (Błonie), центр гмины в Западно-Варшавском повяте Мазовецкого воеводства Польши.

¹⁷¹ В состав Кавказской кавалерийской дивизии входили 16-й драгунский Тверской Наследника Цесаревича, 17-й драгунский Нижегородский Его Величества, 18-й драгунский Его Величества Короля Дании Христиана IX и 1-й Сунжено-Владикавказский генерала Слепцова Терского казачьего войска полки. В описываемый период дивизией командовал генерал-лейтенант Густав Робертович Шарпантье, 1-ю бригаду возглавлял генерал-майор Иосиф Иосифович Вивьен-де-Шатобрен, 2-ю – генерал-майор Иосиф Лукич Исарлов.

лении Гомбин – Осмолин, получил от нее сведения о том, что при исполнении этой задачи, она, встретив сильные пехотные части противника, должна была приостановиться. Кроме того, начальник авангарда доносил, что постоянный шоссейный мост через реку Бзуру отходившим противником сожжен и переправа идет по временному, очень ненадежному мосту и через глубокий брод. Сведения эти заставили меня задуматься над принятием решения: перебрасывать ли авангард дивизии на ту сторону реки или, заняв Сохачев, выждать дальнейшие сведения о противнике и решения командира корпуса? Однако надвигалась ночь, и я решил: авангарду с одной батареей перейти на левый берег, а главными силами заночевать в Сохачеве.

На 10 октября командир корпуса приказал 43-й пехотной дивизии перейти реку и, наступая на фронт Санники – Осмолин, по сведениям Кавказской кавалерийской дивизии, занятые сильными частями неприятельской пехоты, атаковать противника.

Перейдя реку, решил двигаться двумя бригадными колоннами: правая – генерал-майор Орлов, 1-я бригада, 1-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и 2-я мортирная батарея 2-го мортирного дивизиона; левая – генерал-майор Тернавский, 2-я бригада, 2-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион. Правее нас на Гомбин двигался V Сибирский корпус, левее – на Кернози – 26-я пехотная дивизия. Часов около двух пополудни авангарды наши вышли в соприкосновение с пехотными частями противника, занимавшими села Лясек, Быки и др. В Осмолине поднялся привязной воздушный шар противника, и тотчас же тяжелая неприятельская артиллерия со стороны Осмолина открыла огонь по нашим походным колоннам.

Авангард правой колонны, перестроившись в боевой порядок, продолжал свое движение и только у сахарного завода у Санников попал под сильный ружейный огонь. Охватив завод с обеих сторон, полк залег в ожидании подхода мортирной батареи, которая затем, безнаказанно заняв открытую позицию, обстреляла завод и выбила из его построек немцев (батальон ландштурмистов), оставивших в наших руках пленных, убитых и раненых своих.

В это же самое время одному из взводов мортирной батареи приказано было сбить поднявшийся в Осмолине привязной воздушный шар, что и было с успехом исполнено; на другой день в Осмолине мы видим остатки сгоревшего шара.

Левая колонна выдвинула на позицию Финляндский артиллерийский дивизион, открывший огонь по тяжелой немецкой батарее и по пехоте, занимавшей опушку леса впереди Осмолина; принудила неприятельскую батарею к молчанию, а пехоту – к отходу, нанеся ей большие потери. Поздно вечером, уже в темноте, обнаружено было, что находившееся на правом фланге фронта правой колонны село Лясек занято противником; направленная туда рота Молодечненского полка атаковала это село и захватила в нем 70 человек ландштурмистов с фельдфебелем, но без офицеров. При опросе их оказалось, что во всем этом районе действуют только ландштурменные части с несколькими батареями.

Фельдфебель бранил своего «оберста»¹⁷² за неумелое управление, а все жаловались на то, что по законам ландштурмисты во время войны призываются для гарнизонной службы внутри государства, а их неправильно выдвинули за границу и заставляют принимать участие в полевом бою.

О поспешном отходе от Осмолина немцев свидетельствовали окопы их тяжелой батареи, в которых было оставлено много снарядов большого калибра.

В довершение всего фельдшер 169-го пехотного полка привел в Осмолин несколько немецких фургонов, нагруженных тяжело ранеными немцами, вероятно, думая отличиться, но получил от меня нагоняй.

В общем, сведения Кавказской кавалерийской дивизии о наступлении в этот район значительных сил противника были неправильными.

¹⁷² Имеется в виду полковник (нем. Oberst).

11 октября приказано 43-й пехотной дивизии перейти в Жихлин. В тот же день и в том же направлении двигался кавалерийский корпус генерала Новикова¹⁷³, все дороги оказались забитыми, пришлось задержаться, чтобы пропустить кавалерию, почему до Жихлина в этот день не дошли и заночевали, не доходя реки Слудвы.

На 12 октября корпусу приказано занять позицию к западу от Жихлина на фронте Опов – Шевце (река Охня) и на этой позиции укрепиться: 43-я пехотная дивизия занимает участок правее шоссе Лович – Кутно, 26-я пехотная дивизия – левее этого шоссе.

Штаб корпуса расположился в непосредственной близости от железнодорожной станции Пнево, штаб 43-й пехотной дивизии – у сахарного завода в версте к югу от Жихлина.

13 и 14 октября мы оставались на месте и совершенствовали окопы.

15 октября приказано II корпусу перейти в район Кутно – Красневице¹⁷⁴. Причем от 43-й пехотной дивизии к стороне Кладавы выдвинуть авангард в составе полка пехоты с артиллерийским дивизионом¹⁷⁵. Авангард занял Ходов, главные силы – местечко Красневице и близлежащие села. Штаб дивизии – в Красневице. 26-я пехотная дивизия – в районе сел на юго-востоке от Красневице. Штаб корпуса – в Кутно.

Таким образом, II корпус оказался в промежутке между V Сибирским корпусом 1-й армии у Влацлавска¹⁷⁶ и правым флангом у Згержа¹⁷⁷ 2-й армии, причем эти промежутки и вправо и влево от нас достигали каждый до 40 верст и делали наше положение довольно интересным: мы одинаково нужны были командующему 1-й армией генералу Ренненкампфу и командующему 2-й армией генералу Шейдеману. Штаб фронта колебался, кому из них нас подчинить, и, уступая просьбам то того, то другого, передавал нас то генералу Ренненкампфу, то генералу Шейдеману. Был даже один такой день, когда мы подчинялись им обоим и от обоих получили приказы. Но в конце концов, к нашему большому огорчению, мы остались за генералом Ренненкампфом, под командой которого II корпус уже испил горькую чашу в Восточной Пруссии в боях у Мазурских озер и успел хорошо узнать этого бездарного генерала.

Окруженные со всех сторон нашей армейской кавалерией (вправо от нас – 2-й гвардейской кавалерийской дивизией под командой великого князя Бориса Владимировича¹⁷⁸, имевшего штаб свой в Красневице), впереди в направлении Избица – Кола Кавказскую кавалерийскую дивизию под командой, насколько помнится, генерал-лейтенанта Шарпантье и в направлении на Турек и Калиш конный корпус генерал-лейтенанта Новикова, – мы считали себя вполне обеспеченными от внезапного появления противника и предались отдохновению и созерцанию деятельности кавалерии. Установив, конечно, телефонную связь со штабом своего корпуса в Кутно и штабом V Сибирского корпуса во Влацлавске.

Пополнившись после Мазурских боев за счет расформированной генералом Ренненкампфом 72-й пехотной дивизии, мы имели значительный сверхкомплект нижних чинов; в ротах было до 300 человек¹⁷⁹, так что в походных кухнях приходилось варить обед в две

¹⁷³ Имеется в виду Сводный конный корпус под командованием генерал-лейтенанта Александра Васильевича Новикова (на чальника 14-й кавалерийской дивизии). 13 октября 1914 года на его основе был образован уже постоянный I Кавалерийский корпус.

¹⁷⁴ Имеется в виду местечко в Кутновском уезде Варшавской губернии; ныне город Красневице (Krośńiewice), центр гмины в Кутновском повяте Лодзинского воеводства Польши.

¹⁷⁵ Назначен 172-й пехотный Лидский полк и Финляндский артиллерийский дивизион (все под командой полковника Романова).

¹⁷⁶ Имеется в виду Влацлавск – уездный город Варшавской губернии; ныне Влацлавек (Włocławek), город и повят в Куявско-Поморском воеводстве Польши.

¹⁷⁷ Згерж – безуездный город Лодзинского уезда Петроковской губернии; ныне город Згерж (Zgierz), центр повята Лодзинского воеводства Польши.

¹⁷⁸ Автор ошибается: 2-й гвардейской кавалерийской дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух. Великий князь Борис Владимирович с марта 1914 года состоял в звании полковника командиром лейб-гвардии Атаманского полка, который входил в состав 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

¹⁷⁹ По штату 6 мая 1910 года пехотная рота русской армии состояла из четырех взводов (49 человек, командир – стар-

очереди; это не мешало, впрочем, прекрасной кормежке людей, так как продукты имелись в изобилии, жители к нам относились весьма дружелюбно и, испытав на себе строгости немецкого владычества, охотно и дешево продавали скот и другие продукты. Успели за это время и помыться в банях.

Получены и торжественно розданы кресты и медали¹⁸⁰ за бои у Мазурских озер. Погода стояла хорошая. Все это способствовало хорошему, бодрому настроению в войсках, и лишь артиллеристы были огорчены переформированием своих батарей из восьми- в шестиорудийные, выделив целиком по одному взводу, со всем личным составом и соответственным числом повозок батарейного обоза, на формирование бригад взамен погибших во 2-й армии в боях в Восточной Пруссии.

Следуя своему обыкновению и пользуясь затишьем, я объездил на автомобиле все окрестности к северу и северо-западу от Красневице, изучая возможные позиции и подступы к ним, чтобы затем подготовить их к обороне; недоставало для этого решения только главного: откуда ждать противника с запада ли со стороны реки Варты и Коло? Или со стороны Торна¹⁸¹ и Александрова¹⁸²? Сведений об этом наша кавалерия не давала, а польское население, как я уже говорил, дружелюбно к нам относившееся и нам сочувствующее, и паны, бегущие из своих имений Нешавы и Александрова, указывая на крепость Торн, где, по их словам, на Висле построено 14 мостов, передавали какие-то слухи о большом сосредоточении немецких войск у Торна и об ожидающихся в его районе боях, и что эти слухи и заставляют их подаваться на юг к Кутно и ближе к Варшаве.

В эти же дни через штаб дивизии с пропускными документами от штаба 2-й армии проследовал через наш фронт шпион (захудалый польский шляхтич) в Торн, обе щав ший через несколько дней возвратиться и тогда доставить нам определенные сведения о противнике¹⁸³. Не ожидая его скорого возвращения, я все же решаю подготовиться на два фронта – на северо-западе и на западе. Причем на северо-западном фронте окопаться от Буды до Имельно и от сахарного завода, Нова-Весь, Жаковец, Ивины. Авангарду полковника Романова подготовить для обороны западную опушку леса, что к северу от села Ходов и шоссе.

В эти же дни Кавказская кавалерийская дивизия в своем продвижении на запад за реку Варту в Коло, на переправе, встретила сопротивление немецкой пехоты и, чтобы овладеть переправой, обратилась к начальнику авангарда полковнику Романову с просьбой выделить в ее распоряжение один батальон и батарею. Разрешение я дал, и Коло было взято. Защитниками были ландштурмисты (одна батарея без артиллерии). Но отходя, сожгли мост, и переправиться на тот берег кавалерия наша не могла, а потому, получив сведения от своей разведки о том, что у Конины мост через Варту цел, решила направиться туда. И, вновь испросив мое разрешение, взяла с собой батальон 172-го пехотного Лидского полка и батарею Финляндского артиллерийского дивизиона. Откровенно говоря, разрешение это давал скрепя сердце, хорошо понимая, что в трудную минуту, воспользовавшись своей подвижностью, кавалерия уйдет, а пехоту бро-

ший унтер-офицер) по четыре отделения каждый (по 12 человек, в том числе командир – младший унтер-офицер). Также в роте состояли четыре обер-офицера – командир роты (капитан или штабс-капитан), старший обер-офицер (поручик или штабс-капитан), два субалтерн-офицера (поручики или подпоручики). Кроме того, в управление роты входили фельдфебель, каптенармус, горнист, линейный сигналист, шесть барабанщиков, семь носильщиков, два кашевара, два кухонных рабочих и вольноопределяющийся, а также четыре офицерских денщика. По штату в роте числилось 226 человек.

¹⁸⁰ Имеются в виду Георгиевские кресты и Георгиевские медали с надписью «За храбрость», причисленные к Военному ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

¹⁸¹ Торн (Thorn) – город и крепость в прусской провинции Западная Пруссия; ныне город Торунь (Toruń), одна из двух столиц Куявско-Поморского воеводства Польши.

¹⁸² Имеется в виду Александров Пограничный – город в Нешавском уезде Варшавской губернии; ныне город Александров-Куявски (Aleksandrów Kujański), центр Александровского повята Куявско-Поморского воеводства Польши.

¹⁸³ Шпион этот через несколько дней действительно возвратился, но усиленно уверял нас, что у Торна никакого сосредоточения немецких войск не происходит и что беженцы оттуда врут, и просил дать ему автомобиль для того, чтобы об этом поскорее доложить штабу 2-й армии. Мне это показалось подозрительным.

сит! Так это почти и случилось. На следующий день подойдя к Конину, Кавказская кавалерийская дивизия перебросила через мост свою разведку и передовые части на левый берег реки, а за ними и батальон с пулеметами, оставив пока батарею на правом берегу. Разведка обнаружила движение больших сил немецкой кавалерии с юга от Турека. Начальник дивизии решает принять бой, для чего [приказывает] батальон[у] Лидского полка с пулеметами занять опушку леса (что к юго-западу от Конина), а вправо и влево развернуть свои полки. Командир батареи, в тщетных поисках наблюдательного пункта и позиции, задержал батарею на правом берегу. В это время немецкая конница выдвигает на позицию свои гаубицы, открывается сильный огонь по опушке, занятой батальоном, и по мосту, разворачивается в боевой порядок и, охватывая Кавказскую кавалерийскую дивизию с обоих флангов, угрозой отрезать ее от моста, принуждает к отходу. Кавалерия уходит, и вся тяжесть боя ложится на батальон, который под сильным огнем гаубичных немецких батарей и натиском кавалерии отходит на мост, потеряв свои пулеметы и понеся значительные потери. Противник мост не форсировал, и дальнейший отход прошел благополучно. Таковы сведения, полученные нами с запада, несколько нас удивившие, так как появления кавалерии противника на левом берегу реки Варты у Коло и Конина, со стороны Турека, куда направился наш кавалерийский корпус Новикова, мы никак не ожидали.

В последние дни октября от Кавказской кавалерийской дивизии, работавшей в направлении Избица – Конин, стали получаться сведения о наступлении немецких войск со стороны Радеева¹⁸⁴ в направлении на Красневице. Одновременно с этим получаем из штаба V Сибирского корпуса из Влацлавека сведения о наступлении больших сил противника со стороны Торна на Александров и о завязке боя с ним в V Сибирском корпусе, а 31 октября – и о наступлении больших сил со стороны Коло.

В полдень этого дня дальнобойная артиллерия противника открывает огонь со стороны Домбровице по Красневице и по шоссе Красневице – Ходов. Завязывается артиллерийский бой и в нашем авангарде. Ночью приезжает к нам в Красневице командир корпуса генерал Чурин и, выслушав доклад об обстановке, принимает следующее решение: принять бой. Авангарду (172-й пехотный Лидский полк с дивизионной артиллерией) отойти за Красневице и поступить в корпусный резерв; 43-й пехотной дивизии оборонять подготовленную ею позицию Буды – сахарный завод – Ивины до Красневице, а Красневице – лес к югу от нее и до (?) – 26-й пехотной дивизией.

Из состава 2-й армии на помощь нам в направлении от Ленчицы на Клодаву выдвигается гвардейская стрелковая дивизия. Штаб корпуса остается в Кутно. Штаб 43-й пехотной дивизии переходит в Свецины.

Со своей стороны отдаю приказ о занятии подготовленной позиции в следующем порядке: правый участок – генерал-майор Тернавский, 170-й пехотный Молодечненский и 171-й пехотный Кобринский полки со 2-м дивизионом 43-й артиллерийской бригады оборонять участок от Будды до сахарного завода исключительно. Левый участок – генерал-майор Орлов – от сахарного завода – Ивины – Красневице исключительно, 169-й Ново-Трокский полк, 1-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и 1-я батарея 2-го мортирного артиллерийского дивизиона.

1 ноября на всем фронте завязывается бой. Гвардейская стрелковая дивизия¹⁸⁵ во встречном бою с сильнейшим противником терпит поражение и отходит обратно на Ленчицу. Со стороны Влацлавска в направлении на Домбровице непрерывно двигаются походные колонны

¹⁸⁴ Имеется в виду Радзеев – город в Нешавском уезде Варшавской губернии; ныне город Радзеюв (Radziejów), центр повята Куявско-Поморского воеводства Польши.

¹⁸⁵ На тот момент существовала Гвардейская стрелковая бригада, которая была развернута в Гвардейскую стрелковую дивизию только 17 февраля 1915 года. В ее состав входили лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества, лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский, лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии и лейб-гвардии 3-й стрелковый Его Величества полки. Начальником бригады в описываемый период был генерал-майор Петр Алексеевич Дельсаль.

немцев, обстреливаемые все время нашей батареей от сахарного завода. Неприятельская артиллерия направляет свой огонь главным образом по участку Красневице и по лесу у сахарного завода.

Телефон, связывающий нас со штабом V Сибирского корпуса, еще работает. Вызываю начальника штаба этого корпуса генерал-майора Болотова (бывшего моего подчиненного, командира 170-го Молодечненского полка), спрашиваю: в каком положении у них дела? Отвечает: в отвратительном, хуже и представить нельзя!

К полудню становится ясным, что мы окружаемся сильнейшим противником, не менее трех корпусов, поставившим себе задачей взять нас в клещи. В ночь с 1 на 2 ноября бой не прекращается, особенно сильный огонь артиллерии противника направлен на участок 169-го пехотного Ново-Трокского полка.

С раннего утра 2 ноября на всем фронте корпуса идет жесточайший бой, в котором пулеметная и ружейная стрельба заглушает звук орудийных выстрелов. Около полудня большие силы противника, выдвигающиеся из леса со стороны Влацлавского шоссе, атакуют участок 171-го пехотного Кобринского полка, но молодецкий этот полк их отбивает и, перейдя через овраг впереди его окопов, отбрасывает противника обратно в лес.

Это обстоятельство спасает правый фланг дивизии от загиба и дает возможность 169-му пехотному Ново-Трокскому полку, уже не выдерживающему натиска противника, выйти из леса у сахарного завода в направлении шоссе на Кутно.

Не менее достойный бой идет и в 26-й пехотной дивизии. Корпусный резерв израсходован.

Часа в 3–4 после полудня начинается, без всяких, конечно, приказаний свыше, отход всего корпуса. По счастью, отброшенный 171-м пехотным полком к лесу противник атак своих не возобновлял и отход 43-й пехотной дивизии шел на широком фронте. К вечеру мы находились на меридиане Кутно.

Штаб дивизии в это время был у Глаговца¹⁸⁶, где мы вошли в господский помещичий дом и увидели телефон (из дома все убежали, никого не было). Полковник Балтийский, зная о том, что весь район боя находился в сети местного телефона с центральной станцией в Кутно, потребовал вызвать центральную, ему ответили, попросил соединить со штабом корпуса, соединили! С осторожностью передали об обстановке, в которой находятся дивизии, и просили указаний для дальнейших действий.

В ответ на это командир корпуса генерал Чурин приказал мне тотчас же направиться в Кутно и явиться в штаб корпуса. Что я исполнил, но с большими затруднениями, так как все дороги были забиты не только отходящими войсками, их обозами, но и обозами местных жителей, и наступила уже темная ночь. Я и штаб были верхом. Никогда в боях я автомобилем не пользовался!

При обсуждении относительно дальнейших действий я доложил, что, по моему мнению, выход один: приказать войскам следовать в те окопы, которые они рыли у Жихлина, дорогу к ним всякий солдат знает и перемешанные теперь войска к утру разберутся. С этим докладом генерал Чурин согласился, и всюду по дорогам мы разослали офицеров передать этот приказ.

Обгоняя свои части и направляя их в свои окопы, я со штабом поздно ночью прибыл на сахарный завод у Жихлина, где и разместился в том же доме, где мы стояли и раньше. Тотчас же ко мне явился командир Александро-Невского пехотного полка (?) и, доложив о том, что он отбил от своего корпуса и теперь с полком находится в Жихлине, он просит присоединиться к 43-й пехотной дивизии под мою команду. Я охотно на это согласился и, вкратце рассказав о

¹⁸⁶ Имеется в виду Глоговец (Głogowiec) – местечко в Кутновском уезде Варшавской губернии; ныне деревня в гмине и повяте Кутно Лодзинского воеводства Польши.

боевой обстановке, дал его полку задачу прикрывать правый фланг дивизии, для чего теперь же выдвинуться из Жихлина и занять рошу, что в двух верстах к западу от Жихлина.

Получил также от начальника 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Казнакова¹⁸⁷¹⁸⁸ по левую записку о том, что он с дивизией отошел за реку Слудву и охраняет для нас мосты на ней (?).

Штаб корпуса также переехал из Кутно и разместился там же, где стоял и раньше, в непосредственной близости от железнодорожной станции Пнево.

Остаток ночи и утро 3 ноября прошли спокойно, страшно усталые все спали. Но часов около 10 утра раздаются орудийные выстрелы со стороны противника; выхожу на балкон второго этажа нашей квартиры, с которого открывается большой кругозор в сторону наших позиций, и вижу, что шрапнели противника рвутся над рощей, занятой Александро-Невским полком; на всем нашем фронте спокойно и ни одна из наших батарей на огонь не отвечает. Обстоятельство это меня несколько удивило, и я приказал послать на правый участок позиции узнать, почему молчат наши батареи. В ожидании ответа (телефона не было), длившегося почти час времени, огонь по роще не прекращался и, по-видимому, велся из гаубиц (конных), потом прекратился, и через несколько времени из леса выдвигаются кавалерийские дозоры, а за ними четыре эскадрона, которые за пригорком спешиваются, и на скирду хлеба, стоявшую здесь, взбираются их наблюдатели. Становится очевидным, что Александро-Невский полк рощу очистил и отошел в Жихлин. Разъезд, посланный на правый участок, возвратился и доложил, что на правом участке, где должен был быть 172-й пехотный Лидский полк и батарея Финляндского артиллерийского дивизиона, находятся только две роты этого полка, а где командир полка с остальными батальонами, никто не знает¹⁸⁹.

Продолжаю наблюдать за немецким кавалерийским полком. Стоит на прежнем месте, его дозорные и разъезды занимаются ловлей наших солдат, отбившихся от своих частей во вчерашнем бою и теперь направляющихся на Жихлин. А потом полк садится на коней и с осторожностью начинает двигаться в направлении на Жихлин, охватывая его с севера. Ну, думаю, нарвутся на нашу пехоту в Жихлине, а со стороны Слудвы их атакует 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Ничего подобного! Александро-Невский полк из Жихлина ушел, а наша кавалерия за полем не наблюдала и потому, вероятно, ничего не предпринимала. Немецкая кавалерия появляется у южной окраины местечка; нужно предпринимать меры к защите штаба. Выдвигаю саперную роту, квартировавшую с нами на сахарном заводе, вправо, приказываю штабу укладываться и подать автомобиль. Когда укладка окончена, сажусь на автомобиль и со всем штабом направляюсь на железнодорожную станцию Пнево в штаб корпуса доложить об обстановке. В то время, когда я делал доклад командиру корпуса, раздаются орудийные выстрелы со стороны Жихлина и гаубичные снаряды рвутся у самой железнодорожной станции, по-видимому, огонь направлен по санитарным, стоявшим здесь поездам. Один за другим поезда благополучно отходят на Лович, а через четверть часа после того немецкий кавалерийский полк атакует станцию, а через полотно железной дороги, пролегающей по невысокой насыпи, направляет в рассыпном строю один эскадрон на штаб корпуса. Командир корпуса находился в доме, а я в это время вместе со своим штабом за воротами. Тут же был конвой и наши верховые лошади. Командую всем: «По коням, садись, пашки вон, в одну шеренгу!» Еще одна, две минуты, и мы бросились бы в контратаку... Но в это время с другой стороны дома раздается страшнейшая ружейная трескотня, несколько немецких кавалеристов сваливаются с лошадьми, у них происходит замешательство, поворачивают и ускакивают назад.

¹⁸⁷ Назначенного на место великого князя Бориса Владимировича.

¹⁸⁸ Автор окончательно запутался в командирах 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Указанный им генерал-лейтенант Н. Н. Казнаков с 23 декабря 1910 по 30 марта 1916 года командовал 1-й гвардейской кавалерийской дивизией.

¹⁸⁹ Полк 172-й Лидский был в корпусном резерве, на юго-востоке от Красневице.

Мы спасены ротой 104-го пехотного Устюжского полка, находившейся по ту сторону дома, о присутствии которой нам не было известно. Подобранные устюжцами немцы оказались «бес- смертными гусарами» в медвежьих шапках¹⁹⁰. Роте устюжцев приказано было занять насыпь железной дороги. Немцы атаки не возобновляли.

Командир корпуса решил отходить за Слудву. О чем тотчас же был отдан приказ.

43-я пехотная дивизия должна отходить вначале по шоссе на Лович, а потом свернуть на Залесье на переправу у Злакова через Слудву. Реченька эта небольшая, но болотистая и глубокая, без моста не везде ее перейдешь. От штаба корпуса я двинулся на Ловичское шоссе, чтобы там встретить полки. Они не заставили себя долго ждать. Конечно, больше всего интересовало меня, в каком составе увижу дивизию. Налицо оказались три полка и все батареи 43-й дивизии, но не было 172-го пехотного Лидского полка и Финляндского артиллерийского дивизиона. От Лидского полка были только две роты со знаменем. На расспросы мои о том, куда девался Лидский полк со своим командиром, никто ответить не мог. Говорили только, что из резерва полк этот и Финляндский артиллерийский дивизион были выдвинуты в боевую линию 26-й пехотной дивизии; что артиллерийский дивизион сильно очень пострадал и будто бы даже бросил часть своих орудий... Остальные полки дивизии подчета потерь еще не сделали, но их потери были больше 50 % того состава, с которым они вступили в бой. 43-я артиллерийская бригада и 2-я мортирная батарея орудий не потеряли. Противник нас не преследовал и поздно вечером, уже в темноте, мы дошли до опушки леса к югу от Кернози, где получили приказ по корпусу занять левый участок позиции за рекой Слудвой, вдоль опушки леса, что к западу от Кернози. Правее нас 26-я пехотная дивизия и Александро-Невский пехотный полк (благополучно и заблаговременно отошедший сюда от Жихлина).

Командир корпуса предложил мне со штабом дивизии расположиться в одном с ним и штабом корпуса господском доме (в Кернозе).

Поздно ночью, когда все приказы уже были разосланы и мы собирались ложиться спать, подъезжает автомобиль штаба 1-й армии с полковником N (кажется, бывшим жандармом), привезшим экстренный приказ командующего армией: «Немедленно выделить из состава корпуса одну из дивизий и направить ее в Лович, в состав формирующегося там Ловичского отряда. Начальнику этой дивизии вступить в командование отрядом. Подробности получить в Ловиче, от начальника гарнизона генерал-майора Максимовича»¹⁹¹. Назначена 43-я пехотная дивизия.

Посылаю в полки приказание: позиции не занимать, а задержаться всем и заночевать на шоссе, так как завтра в 7 часов утра дивизии приказано двигаться на Лович.

4 ноября, [в] 7 часов утром все части были уже готовы к выступлению. И постепенно вытягивались в походную колонну в указанном мною порядке. Выдвинул предварительно охраняющие части к стороне Ловича и боковой отряд по Слудве, так как марш совершал фланговый и ни одного кавалериста правее нас не было. Затем, передав командование дивизией генерал-майору Орлову, сам с начальником штаба полковником Балтийским и адъютантом на автомобиле направился в Лович. Шоссе прямое как стрела, гладкое как скатерть – 20 верст. При самом въезде в Лович встречаю поднимающийся со своего бивуака полк стрелковой школы и тут же начальника гарни зона Генерального штаба генерал-майора Максимовича,

¹⁹⁰ Имеется в виду прусская лейб-гусарская бригада, в состав которой входили 1-й и 2-й лейб-гусарские полки. Отличительной особенностью их формы были высокие медвежьи шапки с эмблемой в виде черепа с перекрещенными костями. С началом войны лейб-гусары были отправлены на Западный фронт и вернулись на Восток только осенью 1914 года, причем были брошены в Галицию, а в Польшу были переведены позже. Поэтому информация, приведенная Слюсаренко, несколько сомнительна.

¹⁹¹ Полковник этот рассказал нам о тяжелом положении на всем фронте 1-й армии и о том, что высшее начальство очень недовольно генералом Ренненкампфом и будто бы ему передано, что если и на этот раз у него в армии будет неудача, его отчислят от командования.

командира 2-й Туркестанской стрелковой бригады¹⁹². Полк выступает на шоссе в направлении на Беляву, откуда ожидается наступление немцев и где уже находятся два полка Туркестанской бригады с батареей офицерской артиллерийской школы. Поздоровавшись и пропустив мимо себя полк, я отправился в штаб начальника гарнизона, где принял доклад относительно боевой обстановки и о распоряжениях штаба 1-й армии, касавшихся формирования Ловичского отряда, в состав которого должны войти:

- 1) Полк стрелковой школы.
- 2) 2-я Туркестанская бригада (два полка)¹⁹³.
- 3) 43-я пехотная дивизия с ее артиллерией и 2-й мортирной батареей.
- 4) 6-я Сибирская стрелковая дивизия с ее артиллерией, прибывающая из Восточной Пруссии по железной дороге на станцию Лович.
- 5) 1-я бригада 63-й пехотной дивизии с артиллерийским дивизионом с правого берега Вислы через мост у Вышгорода¹⁹⁴, форсированным маршем.
- 6) 53-й Донской казачий полк, неизвестно откуда прибывающий.
- 7) Одна сотня кубанских казаков, находящаяся при Туркестанской бригаде¹⁹⁵.

Боевая обстановка такова: противник, отбросив II армейский корпус от Красневице – на Жихлин, а гвардейскую стрелковую дивизию – на Згерж, направляет большие силы в обход правого фланга 2-й армии и выдвинул боковые отряды в сторону Ловича. Эти отряды противника вошли уже в соприкосновение с туркестанцами у Белявы и с кубанской сотней, поддержанной одной ротой полка стрелковой школы, у Кремно, в направлении шоссе на Гловно – Стрыкув.

Усмотрев из этого доклада, что в настоящую минуту, когда ожидается столкновение с противником, в отряде имеется всего лишь одна батарея офицерской артиллерийской школы в составе четырех орудий, я решаю вызвать из походной колонны 43-й пехотной дивизии всю 43-ю артиллерийскую бригаду, для чего посылаю приказание с адъютантом на автомобиле выдвинуть ее в Лович на рысях без всякого прикрытия. А генерал-майору Максимовичу приказываю, имея в виду прибытие артиллерийской бригады, расширить фронт туркестанцев.

Так как первой главнейшей задачей поставляю себе занятие плацдарма для обеспечения сбора отряда. Фронт приблизительно таков: железнодорожный мост на реке Бзура, разлив реки Бзуры – Хруслин – Кремно. Доношу в штаб 1-й армии о вступлении своем в командование отрядом. Генерал-майору Максимовичу разрешаю отправиться на свой участок позиции.

Связь со штабом армии при помощи аппарата Юза¹⁹⁶, с полками – их средствами.

Топографические условия местности вполне благоприятствуют занятию позиции по указанному рубежу, в наиболее угрожаемом направлении, с запада, отодвинутому от Ловича на 8–10 верст.

Согласно этих указаний начальник штаба разработал приказ, по которому: 169-й пехотный Ново-Трокский полк с одной батареей под командой полковника Николаева обороняют

¹⁹² Слюсаренко вновь неточен: комендантом Ловича был не «генерал-майор Максимович», а полковник Павел Семенович Максимович, который звание генерал-майора получил только 26 июня 1915 года. Кроме того, он не был начальником 2-й Туркестанской стрелковой бригады; этот пост занимал практически всю войну генерал-майор (затем генерал-лейтенант) Иван Васильевич Колпиков. Максимович же на тот момент командовал 12-м Туркестанским стрелковым полком, а в описываемый период (с 1 сентября по 1 октября 1914 года) временно исполнял обязанности командующего 3-й Туркестанской стрелковой бригадой.

¹⁹³ Имеется в виду не 2-я, а 3-я Туркестанская стрелковая бригада.

¹⁹⁴ Вышгород – населенный пункт в Полоцком уезде Варшавской губернии; ныне город Вышогруд (Wyszogród), центр гмины в Плоцком повяте Мазовецкого воеводства Польши.

¹⁹⁵ Точно указать время прибытия частей он не может. Все приказано произвести в кратчайший срок. Для наблюдения за высадкой 6-й Сибирской дивизии на станции железной дороги Лович назначен Генерального штаба полковник Генрихсен.

¹⁹⁶ Имеется в виду электромеханический буквопечатающий телеграфный аппарат с клавиатурой, напоминающей клавиатуру рояля; получил название по имени своего изобретателя Д. Э. Юза. Аппарат был создан в 1855 году, а в 1865 году усовершенствован русским механиком Э. Ф. Краевским; он был широко распространен на телеграфных линиях Российской империи.

железнодорожный мост и реку Бзуру к северу от Ловича, до разлива на Бзуре. Полк стрелковой школы и 2-я Туркестанская стрелковая бригада с батареей офицерской артиллерийской школы и со 2-й мортирной батареей под командой генерал-майора Максимовича – участок от реки Бзуры у Бохена до фланга у Озерца; к югу и от фланга до железной дороги на Лодзь – 43-я пехотная дивизия с ее артиллерийской бригадой (пять батарей) под командой генерал-майора Орлова. Сотня кубанских казаков в направлении железной дороги на Лодзь охраняет левый фланг.

Саперной роте привести в порядок мосты в районе плацдарма, рекогносцировать и вехами обозначить все переправы на реках Скерневке и других, перерезающих наш тыл.

Обозы всех частей войск расположить по обе стороны шоссе Болимов¹⁹⁷ – Варшава, по правую сторону реки Равки.

Около полудня на позицию прибыла 43-я артиллерийская бригада, а к вечеру – и полки дивизии. Из Сохачева прибыл и 172-й пехотный Лидский полк, как оказалось, отошедший туда из боя у Красневице, когда под сильнейшим натиском противника принужден был отойти через Бзуру на правый ее берег, а затем сделать кружной путь на соединение с дивизией, должествовавшей, по предположениям полковника Романова, отойти на Сохачев. Через него получили также сведения и о Финляндском артиллерийском дивизионе, выдержавшем у Красневице сильнейший бой с артиллерией противника, превосходившей его своей численностью во много раз, понесшем очень большие потери в своем составе, но не потерявшем ни одного орудия. Дивизион этот, лишившийся своего командира, оставлен в тылу для приведения его в порядок. Больше мы его никогда не видели и расспросить о бое у Красневице не могли.

5 ноября войска закрепились на занятых позициях. В штабе дивизии (он же и штаб отряда) шла деятельная работа по организации довольствия, обеспечению боевыми припасами, санитарными учреждениями.

Отрядному инженеру подполковнику 2-го саперного батальона (находившегося при роте сапер) Чудновскому приказано осмотреть в районе Кремно – Чатолин – Запржев всхолмленную местность на предмет возведения там укрепленного участка для прибывающей 6-й Сибирской [стрелковой] дивизии¹⁹⁸, при помощи наряда рабочих от местного населения под руководством роты сапер.

В штаб армии я обратился с просьбой о высылке средств связи, но ответа не получил.

Прибыл 53-й Донской кавалерийский полк в составе трех сотен. На 6 ноября ему приказано выдвинуться в направлении на Брезины¹⁹⁹ и произвести разведку на фронте Нова-Весь – Коло <нрзб>. К ночи этого же дня подошла бригада 63-й пехотной дивизии, которой приказано расположиться к югу от города в деревнях Выгода и Завады.

Поздно ночью прибыл по железной дороге эшелон 6-й Сибирской дивизии.

6 ноября. Решаю 6-ю Сибирскую дивизию сосредоточить в районе Кремно – Доманевице – Вымысли – Лубянков – Ржежица²⁰⁰, а на остальном фронте сделать подвижку вперед до Хруслина – Доманевице, для занятия более активного положения, в связи с укрепленной позицией для 6-й Сибирской дивизии. Все высаживающиеся части 6-й Сибирской дивизии направляются в этот район.

¹⁹⁷ Болимов – деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Болимув (Bolimów), центр гмины в Скерневицком повяте Лодзинского воеводства Польши.

¹⁹⁸ В состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии входили 21-й Сибирский стрелковый Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, а также 22, 23 и 24-й Сибирские стрелковые полки. В описываемый период начальником дивизии был генерал-лейтенант Оскар Александрович фон Геннингс, 1-й бригадой командовал генерал-майор Леонид Николаевич Быков, 2-й – генерал-майор Александр Семенович Сулевич, артиллерийской – генерал-майор Виктор Петрович Зелинский.

¹⁹⁹ Брезины – уездный город Петроковской губернии; ныне город Бжезины (Brzeziny), центр повята в Лодзинском воеводстве Польши.

²⁰⁰ Имеется в виду Речица (Reczuse) – деревня в Брезинском уезде Петроковской губернии; ныне деревня в гмине Доманевице Ловичского повята Лодзинского воеводства Польши.

Прибыл броневой дивизион. Приказано ему произвести разведку противника и дорог для своей работы в треугольнике Лович – Белява – Гловно.

Вечером прилетел из Лодзи из штаба 2-й армии летчик для доклада генералу Ренненкампфу «о критическом положении 2-й армии: противник занял ее правый фланг и у Брезин выходит в ее тыл. Связь со штабом фронта прервана, боевые припасы на исходе. Убедительно просит ускорить наступление Ловичского отряда!»

Рано утром из Скерневице получаю от начальника 2-й гвар дейской кавалерийской дивизии²⁰¹ генерала Казнакова требование: вернуть ему 53-й Донской казачий полк, так как немецкая кавалерия появилась в Скерневицких лесах и он без казаков обойтись не может (?). Отвечаю, что казачий полк назначен в состав Ловичского отряда, получил задачу по разведке противника и сейчас выступает, другой кавалерии у меня не имеется, без него обойтись не могу. Через полчаса по Юзу из штаба армии передают: вернуть генералу Казнакову 53-й Донской казачий полк! Ловичский отряд остается с одной сотней кубанских казаков.

7 ноября. Отряд закрепляется на новой линии фронта, все время подходят новые эшелоны 6-й Сибирской дивизии. Ночью прибывает 1-я батарея 2-й Туркестанской артиллерийской бригады. Направляю ее во 2-ю Туркестанскую бригаду.

На 8 ноября решено продвинуть туркестанцев и 43-ю пехотную дивизию до реки Мрога на фронте Собота – Белява – Гловно. 6-я Сибирская остается на месте.

8 ноября, отбросив с боем боковой немецкий отряд, они занимают этот рубеж. Потери: несколько человек убитых и раненых.

Все время подходят эшелоны 6-й Сибирской дивизии, но прибыло только два с половиной полка.

Вечером получен приказ по 1-й армии: Ловичскому отряду 9 ноября атаковать противника в направлении на Брезины, а корпусам V и VI Сибирским, II Кавказскому и 2-й армии продвинуться до меридиана Собота²⁰². Такая подвижка всего фронта армии обеспечивала правый фланг Ловичского отряда и позволяла мне снять с правого участка у железнодорожного моста на реке Бзуре 169-й Ново-Трокский полк с батареей и присоединить их к своей дивизии.

Решаю: заслониться у Стрыкува от удара противника со стороны Ленчицы и Озоркова Туркестанской бригадой, с полком стрелковой школы, с двумя легкими и одной гаубичной батареей, и остальными силами тремя колоннами атаковать противника в направлении на Брезины, для чего: 43-й пехотной дивизии от Гловно двигаться на Брезины вдоль реки Мрожицы, 63-й пехотной дивизии – вдоль реки Мрога на Брезины и 6-й Сибирской дивизии на Колоцин – Брезины, сообразно с этим решением отдается приказ по отряду. Выступление назначается в 7 часов утра.

В Гловно, куда должен переехать штаб отряда, приказано к <10> часам утра восстановить правительственный телеграф и всем колоннам соединиться своими телефонами с телеграфной станцией и туда же направлять донесения.

Ночь прошла спокойно, но в 7 часов утра (час, назначенный для выступления) по Юзу передают: «Главкомандующий приказал Ловичскому отряду наступать не на Брезины, а в направлении Стрыкув – Лодзь. Генерал Ренненкампф». Разворачиваем наши планы, разрабатываем новые маршруты: колонне Максимовича – в направлении на Згерж; 43-й пехотной дивизии – на Стрыкув – Лодзь; 63-й пехотной дивизии – Гловно – Ниселков²⁰³ – Лодзь; 6-й Сибирской – Колоцин – Брезины. Прочерчиваем эти новые маршруты на двух верстках²⁰⁴²⁰⁵.

²⁰¹ Имеется в виду не 2-я, а 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

²⁰² Фронт этих корпусов находился приблизительно на меридиане Кернозя – Лович.

²⁰³ Имеется в виду Нисулков (Niesułków); ныне деревня в гмине Стрыкув Згежского повята Лодзинского воеводства Польши.

²⁰⁴ Для уравнивания движения назначаю большой привал до 12 часов дня по достижении голов колонн большой дороги

Требую от броневого дивизионного наряда четырех легких автомобилей, сажаю на них офицеров штаба и с этими планами отправляю в головы колонн. Приказываю штабу собираться к переезду, как только будет исправлен в Гловно телеграф и вернуться офицеры, посланные в колонны на автомобилях.

В это время слышатся орудийные выстрелы со стороны Ловичского шоссе в направлении на железнодорожный мост через Бзуру и по северной окраине города. С уходом отсюда 169-го пехотного Ново-Трокского полка и батареи и подвижкой фронта всей 1-й армии вперед я слагал с себя обязанность по обороне Ловича с севера, о чем своевременно начальник штаба отряда докладывал по Юзу генерал-адъютанту Ренненкампфу, но в ответ на этот доклад получил ответ: «На кой черт Вам нужен Лович!» (Этот важнейший в стратегическом отношении пункт на всем фронте за Варшавой...) Во всяком случае, понимая всю важность удержания за собой Ловича, базы отряда и пункта все еще продолжающейся высадки прибывающих по железной дороге эшелонов 6-й Сибирской дивизии с ее артиллерией и обозами²⁰⁶, я приказываю только что высадившемуся батальону и пулеметной команде одного из полков направиться к железнодорожному мосту на Бзуре и прикрыть город с севера.

Наконец, когда офицеры, посланные в колонны, возвратились и доложили об исполненном ими приказаний по доставке планов с новыми маршрутами движения и когда застучал телеграф из Гловно, я приказываю подать автомобиль, чтобы трогаться в путь.

В это время, между 10–11 час[ами] утра, подъезжает к штабу автомобиль, из которого выходит генерал-майор Свиты Его Величества граф Шувалов, состоящий для поручений при командующем 1-й армией, и с ним офицер. И докладывает мне, что он прислан генерал-адъютантом Ренненкампфом проверить все мои распоряжения для наступления Ловичского отряда в этот день. Опять разворачиваем наши планы, читаем приказы, прочерчиваем пути движения колонн первоначальные и измененные на основании вновь полученного от главного командующего указания. Отвечаем на все задаваемые нам вопросы.

...Наконец он удовлетворен, находит все мои распоряжения правильными и просит провести его в комнату, где работает аппарат Юза. Идем туда всей штабной компанией.

Граф вызывает к аппарату генерала Ренненкампфа. Несколько минут молчания, потом:

– У аппарата генерал Ренненкампф!

– Поручение вашего высокопревосходительства исполнил, все проверил и нахожу все распоряжения генерала Слюсаренко правильными, – диктует юзисту вслух граф Шувалов.

– Очень благодарю вас, дорогой граф, за отлично исполненное поручение, – читает вслух юзист, – и прошу передать генералу Слюсаренко, что я отчисляю его от должности начальника Ловичского отряда и начальника сорок третьей пехотной дивизии и предлагаю явиться в штаб армии в Сохачев, а вам, дорогой граф, предлагаю вступить в командование Ловичским отрядом. Вполне уверен в том, что возлагаемые на вас обязанности исполните блестяще!

Немая сцена из гоголевского «Ревизора». Все мы, не исключая и графа, минуты две оставались в молчании... Ну, а потом я сказал графу, что автомобиль для переезда в Гловно подан. Приказал снять с него и подать мою бурку и сумку с картами и записными полевыми книжками. Попросил у графа разрешения отдать приказ по 43-й дивизии о том, «что прощаюсь с моими дорогими боевыми товарищами, от всей души желаю им боевых успехов и полнейшего благополучия!» И, расцеловавшись со всеми штабными, находившимися здесь, иду в полном одиночестве в бурке на вокзал.

Ленчица – Стрыкув – Брезины.

²⁰⁵ Двухверстка – географическая карта, выполненная в масштабе 2 версты в дюйме, то есть 840 метров в 1 сантиметре.

²⁰⁶ До этого времени прибыло два полка и два батальона 6-й Сибирской дивизии с несколькими батареями. Один полк дивизии от Скерневице направлен (непосредственно распоряжением штаба армии) на Брезины.

При виде меня заведующий высадкой полковник Генрихсен, все эти дни бывший у нас в штабе отряда, был поражен – по всей вероятности, думал, что я бегу с поля сражения. Пришлось объяснять ему все происшедшее. Поезд на Сохачев отходил только вечером. Забравшись в купе, указанное мне Генрихсеном, под звуки орудийных выстрелов, раздававшихся со стороны железнодорожного моста на Бзуре, и наблюдая из вагона начинающуюся в городе панику и появляющихся на вокзале беженцев, в тяжелых думах дождался отхода поезда. Было уже совершенно темно, когда высадился в Сохачеве и явился в штаб армии. Генерал Ренненкампф в это время занят был вместе со своим штабом разработкой приказа по армии, и мне пришлось долго ждать в приемной, открытая дверь из которой вела в комнату, где занимались. Наконец он вышел и совершенно официально передал мне о том, что он отчисляет меня и предлагает отправиться в Вильно²⁰⁷ в резерв чинов Двинского военного округа. Дурные мысли были у меня в голове, но я только сказал: «Вы, вероятно, забыли Восточную Пруссию!» Повернулся и ушел на вокзал.

Добравшись до Варшавы в санитарном поезде, переполненном ранеными с фронта, на другой же день явился в штаб фронта, где был любезно принят начальником штаба генерал-лейтенантом Орановским, который попросил меня рассказать о всех боевых действиях II корпуса с боя у Красневице и той боевой обстановке, при которой я покидал Ловичский отряд.

По планам, имевшимся при мне, и полевым записным книжкам я сделал ему подробный доклад, после которого он отправился в кабинет главнокомандующего генерала Рузского и через некоторое время, выйдя оттуда, пригласил меня к нему. Генерал Рузский, также любезно поздоровавшись со мной, просил вкратце повторить доклад, сделанный начальнику штаба Орановскому, и, оставив у себя все мои полевые книжки и видя мое нервное настроение, успокоил меня следующими словами: «Напрасно вы волнуетесь, война еще далеко не окончена, успеете еще повоевать! Поезжайте в Вильну отдохнуть! Нам известна ваша работа в Восточной Пруссии!» Эти слова меня успокоили. Прожив дня три в Варшаве, я дождался прибытия из отряда денщика с моими вещами и верховыми лошадьми, погрузился в поезд и вернулся в Вильну к себе на квартиру, куда вызвал из Петрограда свою дочь, только что возвратившуюся из Германии через Швецию; с ней мы разобрали все наши вещи, чтобы более дорогое она могла увезти с собой в Петроград. А через десять дней в штабе округа получена от генерала Рузского телеграмма: «Вернуть генерала Слюсаренко на фронт для командования своей 43-й пехотной дивизией». Проезжая обратно через Варшаву, я, конечно, заявился в штаб фронта, чтобы поблагодарить генерала Рузского и узнать о результатах Брезинской операции. Генерал Орановский, не вдаваясь в подробности, обрисовал положение так: «Лучше было бы, если бы Ловичский отряд и вовсе не отодвигался от Ловича!»²⁰⁸

Генерал Рузский был болен и никого не принимал. Там же, в штабе, узнал, что одновременно со мной был отчислен генералом Ренненкампфом от командования II Кавказским армейским корпусом генерал-адъютант Мищенко, как говорили, будто бы за большие очень потери в корпусе вне соответствия с важностью выполняемой боевой задачи!

Нужно заметить, что II Кавказский корпус срочно был переброшен по железной дороге из Восточной Пруссии на фронт за Варшаву и 5–6 ноября занял боевой участок правее II корпуса (26-й пехотной дивизии) у Кернози; это было в то время, когда три немецких корпуса²⁰⁹

²⁰⁷ Вильно – губернский город; ныне Вильнюс (Vilnius), столица Литвы.

²⁰⁸ В это время на фронте шли жестокие бои за обладание Ловичем, этим, несомненно, важнейшим стратегическим пунктом на всем фронте.

²⁰⁹ В примечании к этой фразе автор пишет, что это были XIII армейский, I и II резервные германские корпуса. Однако он, видимо, не точно указывает время боев: XIII армейский корпус был переброшен на Восток с Западного фронта только в ноябре 1914 года. Что касается II резервного корпуса, то такого объединения войск в германской армии в 1914 году не существовало.

атаковали наши V Сибирский²¹⁰, VI Сибирский корпуса и 26-ю пехотную дивизию и прорывом на Сохачев хотели захватить Варшаву. Так вот, необычайной своей стойкостью, с малым числом батарей и при недостатке снарядов, генерал-адъютант Мищенко задержал противника, но понес громадные потери. Я не сомневаюсь в том, что это была простая придирка со стороны генерала Ренненкампа, чтобы удалить из своей армии нежелательного для него соперника. Мне достоверно известно, что еще со времен боксерского в Китае восстания и войны с Японией они были врагами, так как рыцарски благородный генерал-адъютант Мищенко никогда не мог простить генералу Ренненкампу его бутафорий, очковтирательства и оскорбительных в отношении религиозных китайцев ограблений их храмов²¹¹.

Узнал также, что назначенный на мое место начальником Ловичского отряда граф Шувалов на другой же день был отчислен от командования отрядом генералом Рузским, и на его место назначен генерал-лейтенант Васильев. Верховным главнокомандующим отстранен от командования 1-й армией генерал-адъютант Ренненкампа, на его место назначен генерал Литвинов²¹². 43-я пехотная дивизия в данное время входила в состав I Сибирского корпуса, во 2-й армии (которой вместо генерала Шейдемана командовал генерал Смирнов), и была расположена на позиции по реке Мрожица, недалеко к северу от Брезин.

Претерпев все мытарства возвращающегося из тыла к своей части начальника и явившись предварительно в Колацине командиру I Сибирского корпуса, я прибыл в Нова-Весь, где нашел штаб 43-й пехотной дивизии. Застал командовавшего дивизией генерал-майора Орлова больным, а исполняющим должность начальника штаба дивизии – 169-го пехотного Ново-Трокского полка полковника Бруевича (окончил курс Академии Генерального штаба по второму разряду). Генерал-майор Тарновский эвакуировался по болезни в тыл.

Полковник Бруевич рассказал мне некоторые подробности о боевых действиях Ловичского отряда и главным образом 43-й пехотной дивизии после моего отъезда. В тот же день, 9 ноября, генерал-адъютант Ренненкампа с полковником Меньчуковым²¹³ прибыли на автомобиле в Гловно, чтобы дать наставление графу Шувалову и подтолкнуть колонны отряда вперед, а Меньчуковым сменить бывшего начальника штаба отряда полковника Балтийского. Во время этого визита боевая обстановка начала вырисовываться далеко не в том радужном виде, какой представлял себе генерал Ренненкампа, думая, что стоит только растопырить руки, и немецкий корпус, прорвавшийся в Брезины, будет целиком захвачен в плен. Противник, как и следовало ожидать, своим наступлением больших сил (XX и XVII немецкие корпуса) с северо-запада со стороны Ленчицы и с юга (XXV немецкий корпус) со стороны Брезин начинает сдавливать Ловичский отряд. Узрев это и оказавшись в Гловно под артиллерийским обстрелом, генерал Ренненкампа оставляет графа Меньчукова²¹⁴, а сам тотчас же уезжает обратно в Сохачев. Правая, генерала Максимовича²¹⁵, и левая, генерала Геннинга²¹⁶, колонны ввязываются в жестокий бой, а средние колонны: 43-я пехотная дивизия и ее артиллерия генерал-майора

²¹⁰ Утративший свою боеспособность непосильными боями с превосходным противником в боях с 30 октября по 5 ноября.

²¹¹ Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и Мищенко, и Ренненкампа командовали кавалерийскими отрядами и прославились успешными рейдами по тылам противника. В этом смысле они действительно были в некоторой степени конкурентами. Отношения между ними были натянутые, поскольку Мищенко был старше по должности и званию, а Ренненкампа – успешнее. Что касается «очковтирательства» и «грабежей» Ренненкампа, то данных, подтверждающих эти факты, нет, и их следует отнести на обиду Слюсаренко на своего начальника.

²¹² Это произошло 17 ноября 1914 года, хотя официально приказ об отстранении Ренненкампа датирован 18 ноября, а о назначении Литвинова – 5 декабря.

²¹³ На тот момент Е. А. Меньчуков был произведен в полковники только 6 декабря 1914 года; таким образом, в описываемый период он был подполковником.

²¹⁴ Автор запамятовал – Меньчуков не был графом. Имеется в виду, что генерал Ренненкампа оставил либо только графа Шувалова, либо обоих – графа Шувалова и Меньчукова.

²¹⁵ Туркестанская бригада с полком стрелковой школы.

²¹⁶ 6-я Сибирская дивизия в составе двух с половиной полков.

Тернавского и бригада 63-й дивизии генерал-майора (?)²¹⁷ вместо того, чтобы быть задержанными и направленными для содействия той либо другой колонне, не встречая препятствий со стороны противника и начальства, продолжают свое движение на Лодзь и победоносно входят в район, обороняемый 2-й армией.

6-я Сибирская дивизия имела вначале успех, захватив у Брезин много пленных, но потом немцы, обойдя колонну с востока, ударили по ее хвосту и не только освободили своих пленных, но и забрали еще и много наших.

Вошедшие в район 2-й армии 43 и 63-я пехотные дивизии зачислены генералом Шейдеманом в состав его армии.

Бригада 63-й пехотной дивизии после того была направлена на Брезины для содействия 6-й Сибирской дивизии, но опоздала и помощи ей не оказала.

В общем, произошла такая перетасовка наших и немецких войск, в которой разобраться очень трудно. В настоящее время (в конце ноября) фронт наш идет от Ловича, где идет сильный напор немцев, по рекам Мрога и Мрожица на Брезины и дальше на юг. Наша 43-я пехотная дивизия занимает позицию по увалу, перегораживающему дорогу от Стрыкува на Брезины, по опушке находящегося здесь леса. На фронте все время идет артиллерийская и ружейная стрельба, особенно сильная у нашего соседа (?) слева, где много артиллерии и где время от времени производятся «огневые артиллерийские атаки» (?) (так они называют их, оповещая нас) с тратой огромного количества снарядов и без всякого толку. В таком положении 43-я пехотная дивизия находилась до 2 декабря, когда решено было отходить к реке Равке.

На этом пока останавливаюсь в описании хода дальнейших боев, но позволяю себе сделать указание на те из пережитых событий, которые и тогда, и теперь обращают на себя мое особенное внимание.

1. Переброска корпуса у Гура-Кальварии на левый берег Вислы по одному понтонному мосту, при неумелом выборе места для нее, в излучине реки, вдающейся к стороне противника, при командовании левого берега над нашим, делала невозможным поддержку войск нашей артиллерией. И если мы благополучно ретировались, это простая случайность.

2. Полное отсутствие при корпусах своей кавалерии, которая вся обратилась в «армейскую» и делала что хотела, не считаясь с интересами корпусов и в большей части даже и не связываясь с ними. Ловичский отряд ни одного сообщения о противнике от нее не получил.

3. У Осмолина, без всякого предупреждения, через наш фронт проходит кавалерийский корпус генерала Новикова и задерживает наше движение почти на сутки.

4. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия²¹⁸ генерала Казнакова, наблюдающая за промежутком между V Сибирским и II армейским корпусами, никаких сведений о наступлении немецких колонн со стороны Александра и о завязке боя в V Сибирском корпусе нам (43-й пехотной дивизии) не сообщала. Узнали мы об этом по телефону от штаба V Сибирского корпуса, а о присутствии 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в этом промежутке – только 2 ноября вечером в Глаговце, куда прибыл офицер с разездом, чтобы узнать, куда мы отступаем и где остановимся.

5. Уход этой дивизии в ночь со 2 на 3 ноября за реку Слудву, чтобы пассивно оберегать на ней мосты, и оставление без наблюдения перед собой поля лишили ее прекрасного случая наказать немецкий кавалерийский полк, обошедший правый фланг II корпуса и дерзко атаковавший штабы корпуса и 43-й пехотной дивизии у села Пнево.

6. Конный корпус генерала Новикова, двинувшийся на Коло и Калиш, вероятно, с задачей глубокого проникновения на территорию противника, если не для разрушения его рокировочных железных дорог, то хотя бы для разведки движения по этим дорогам, не только никаких

²¹⁷ Скорее всего, имеется в виду генерал-майор барон Александр Александрович фон Гейкинг.

²¹⁸ Здесь и далее – 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

сведений по этой части не доставил, но даже не воспрепятствовал слабейшей немецкой кавалерии появляться на левом берегу Варты у Коло и Конины и прогнать оттуда нашу Кавказскую кавалерийскую дивизию.

7. Отобрать у Ловичского отряда три сотни донских казаков, единственную его кавалерию, в нужнейший момент, прямо возмутительно.

8. Положение II корпуса между 1 и 2-й армиями с такими громадными интервалами совершенно его обособляло. Он и понес отдельное поражение.

9. 1-я армия в составе четырех корпусов и трех кавалерийских дивизий, имевшая своей задачей прикрывать Варшаву со стороны Торна (где имелось 14 мостов на Висле), имела на правом берегу три корпуса и три кавалерийских дивизии, а на левом – один только корпус. Причем через Вислу имелось только два моста – у Плоцка и Вышгорода.

10. Начальник Ловичского отряда лишается всякой самостоятельности как в назначении дня для наступления, так и в выборе направления для удара.

11. Изменение в направлении для удара с Брезин на Лодзь, сделанное главнокомандующим, в то время когда отряд уже двинулся четырьмя колоннами, было большой ошибкой.

12. Смена начальника Ловичского отряда и его начальника штаба в то время, когда войска вступали уже в бой, была недопустима.

13. Интрига с назначением начальником Ловичского отряда графа Шувалова, личности, приближенной к государю императору, а начальником штаба отряда – своего протеже полковника Меньчукова²¹⁹ была слишком прозрачна и основывалась на недооценке генерал-адъютантом Ренненкампом боевой обстановки, требовавшей чрезвычайной осторожности в проведении этой операции. Он рассчитывал на блестящий успех и пленение немецкого корпуса²²⁰. И сам был отчислен от командования армией.

В заключение должен сказать, что генерал-адъютант Ренненкамф жаловался государю императору на неправильное его отчисление, и была в Петрограде назначена Следственная комиссия под председательством генерал-адъютанта Баранова для расследования по этой жалобе. В феврале месяце 1915 года я получил от председателя этой комиссии предписание дать свои показания по ряду поставленных мне вопросов. Что я тогда же, в период боев под Гродно, и сделал. Расследование было произведено, отпечатано особой брошюрой (секретной) и разослано в штабы фронтов. В сентябре месяце 1915 года я был вызван в штаб Западного фронта в Минск для участия в Георгиевской кавалерской думе. Когда я являлся начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Квевцинскому, эта брошюра лежала у него на письменном столе. Он, указывая мне на нее, сказал:

– А эта книжка должна быть очень интересна для вас! Но, к сожалению, дать ее вам для прочтения не могу, а вот только прочтите последнюю страницу!

Я поблагодарил его и, взяв книгу, прочел курсивом написанный окончательный вывод комиссии: «Таким образом, неуспех Брезинской операции всецело произошел от неправильных распоряжений командовавшего 1-й армией генерал-адъютанта Ренненкампа и вследствие неправильного же отчисления им от командования Ловичским отрядом генерал-лейтенанта Слюсаренко»²²¹.

²¹⁹ В Слюсаренко говорит обида на Ренненкампа, поэтому он не слишком объективен. Так, его слова о том, что граф А. П. Шувалов был «приближенным к императору», являются вымыслом: например, он ни разу не упоминается в дневниках Николая II. Кроме того, Шувалов был опытным полковым командиром и за отличия в Русско-японской войне награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Если же сравнить А. А. Балтийского и Е. А. Меньчукова, то их служебная карьера вообще развивалась практически одинаково, и отдать кому-либо из них предпочтение очень сложно.

²²⁰ Варшавские газеты писали, что генерал-адъютант Ренненкамф приказал уже железной дороге приготовить подвижной состав на 60 тысяч пленных.

²²¹ Приведенное Слюсаренко описание полностью не соответствует действительности; подобный подход в целом довольно характерен для мемуариста, целью которого является оправдание собственных действий и перекладывание вины на других. В своем докладе генерал-адъютант граф П. П. фон Баранов как раз крайне негативно оценивает действия Слюсаренко и не

Это меня успокоило на весь остаток моей жизни. И вскоре после того я получил назначение на должность командира XXVIII армейского корпуса²²².

находит вины Ренненкампа в провале Брезинской операции. Доклад опубликован в книге: *Золотарев В. А. Первая мировая. Неизвестные страницы*. М., 2014. Ниже приведены отрывки из доклада (цит. по: URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=325583&pages=101> и далее; дата обращения: 25.11.2015): «Вследствие этого командующим 1-й армией сделано было распоряжение помимо частей, собранных уже около Ловича, направить туда еще дивизию II корпуса, начальником же Ловичского отряда назначен был генерал Слюсаренко. В выборе генерала командующий был поставлен в трудное положение. Не считая II корпуса, все остальные части были ему мало знакомы, большинство генералов он совершенно не знал, видел их только в последнее время, Слюсаренко же он знал как хладнокровного и упорного при обороне. Остановив свой выбор на нем, командующий армией рассчитывал, что он исполнит все его распоряжения, передаваемые ему по телеграфу, но, как дальше видно будет, в этом ошибся... Несмотря на первоначальное указание Слюсаренко наступать энергично для выручки 2-й армии, он выступил лишь в 12 часов дня. Неприятель оказывал ему лишь слабое сопротивление, но, несмотря на это, Слюсаренко прошел всего верст около 10 и остановился на ночлег уже в три часа дня. Поэтому приказано 7 ноября, выступая в 6 часов утра (еще совершенно темно), продолжать самое энергичное и решительное наступление. Вследствие полученного приказа главного командующего достигнуть Ловичским отрядом линии Пионтек – Стрыкув, преодолев все препятствия, генералу Слюсаренко немедленно же передано было соответствующее указание. Но и в этот день, 7 ноября, Слюсаренко не проявлял никакой энергии, донес уже в 12 часов 50 минут, что дальнейшее его наступление будет зависеть от успеха продвижения II корпуса, в связи с которым ему приказано было наступать. Так как распоряжение поддержать связь он понимал, очевидно, слишком узко – как наступление плечо к плечу, находясь по возможности на одной высоте, ему немедленно же была послана телеграмма № 493, что такое толкование совершенно неправильно, „свидетельствующее о совершенном отсутствии стремления вперед“, за что ему объявлен был выговор... 6 ноября Слюсаренко прошел всего верст 10, а сегодня, 7 ноября, в 3 часа дня от него получили донесение, из которого видно было, что, несмотря на все телеграммы командующего армией, он прошел опять не более 8–10 верст. Поняв, что он совершенно не подготовлен выполнить поставленную задачу, что у него не хватает энергии для оказания помощи 2-й армии, командующий армией решил его устранить, выписав на его место начальника 11-й Сибирской дивизии Зарако-Зараковского, приказав последнему срочно прибыть... К сожалению, получена телеграмма о болезни Зараковского, лишенного возможности выехать. Не доверяя ни одному генералу ответственной роли командования Ловичским отрядом, командующий армией остановил свой выбор на генерал-майоре графе Шувалове, которому утром же приказано было экстренно выехать. Начальником штаба к нему назначен подполковник Меньчуков. В данном случае нарушено было всякое старшинство, но командующий армией выбрал генерала, которому он вполне доверял и в котором он уверен был, что тот выполнит ответственную задачу. Но, к сожалению, вечером 8 ноября генерал Орановский указал командующему армией, что главнокомандующий такого назначения не допускает, что у Шувалова нет достаточно крупного командного ценза. Хотя командующий армией и дал по аппарату краткую аттестацию на всех генералов, насколько он их знал, притом доложил, что ни один из них не подходит, Главнокомандующий приказал назначить генерала Васильева, сняв таким образом всю ответственность за выбор лица с командующего армией, приняв эту ответственность на себя... Относительно всей Брезинской операции можно смело сказать, что она кончилась совершенно неудачно для нашей армии. Причины этому: 1) невозможно медленное наступательное движение генерала Слюсаренко, делавшего два дня подряд по 8–10 верст, за это командующим армией устраненного, но затем восстановленного в должности начальника той же дивизии; 2) назначение по выбору главнокомандующего в такой важный момент, когда смена начальствующего лица, безусловно, нежелательна, генерала Васильева, бесспорно виновного в потере связи между колоннами, не заставившего конницу Шарпантье быть более деятельной; 3) совершенное бездействие правофланговых частей 2-й армии, обязанных также дать крайнее напряжение и привести немецкие войска или к расстрелу, или сдаче в плен».

²²² Приказ о назначении В. А. Слюсаренко командиром XX–VIII армейского корпуса датирован 24 октября 1915 года.

Глава 3. Бои на реке Равке (декабрь 1914 – январь 1915) и под Гродно (февраль 1915)²²³

Директива об отходе 2 и 5-й армий на Бзуру и Равку была отдана Ставкой Верховного главнокомандующего²²⁴ 30 ноября, а самый отход назначен на 3 декабря. Причем предварительно этого отхода было приказано выслать от 43-й пехотной дивизии на Равку батальон пехоты и саперную роту под командой опытного штаб-офицера²²⁵ для выбора позиции и ведения на ней окопов.

Самый отход с позиции назначен был в ночь со 2 на 3 декабря. Все обозы заблаговременно отодвинуты в тыл; рекогносцированы и обозначены пути отхода. На позиции в окопах оставались только охотничьи команды, поддерживавшие обычный ружейный огонь. Кавалерии при нас не было.

Отход противником не был замечен, и за ночь и до полудня 3 декабря мы оторвались от него на 30 верст. Могли бы в этот же день дойти и до реки Равки, но неожиданно встретили препятствие на переправе на небольшой реченьке Ежевке, протекающей с юга на Скерневице. Реченька эта, протекающая в болотистом ложе, вброд для артиллерии непроходима, и потребовалось устройство гати, которая и была сооружена предшествовавшими нам саперами. К сожалению, хорошо выдерживая пехоту, гать эта, после прохода через нее первой же батареи, была настолько ею разбита, что потребовалось движение через нее артиллерии прекратить и направить все остальные батареи со 2-й бригадой кружным путем на Скерневице по имевшимся там мостам. Только утром 4 декабря 43-я дивизия, войдя на этот раз в состав 2-й армии генерала Смирнова, заняла подготовленный для нее участок позиции по правому берегу реки Равки, от железной дороги Скерневице – Варшава, на 4 версты к югу, имея в боевой линии три полка и один в резерве.

Река Равка весьма извилистая в этом месте, протекает в твердом ложе, с дном из гальки и песка и имеет несколько бродов глубиной по пояс и грудь; правый ее берег порос большим, густым сосновым лесом, надвинувшимся до самой речки. По этой опушке и возведены окопы. Артиллерия расположилась за лесом на закрытых позициях, имея мортирную батарею на правом фланге у самой железной дороги, на кратчайшем расстоянии от Скерневице, чтобы иметь возможность держать город под своим огнем. На левом берегу Равки, перед правым участком нашей позиции, в расстоянии полверсты и параллельно с ней, вытянулось одной улицей громаднейшее село Самица²²⁶, совершенно закрывавшее всю местность к западу от нее и ружейный обстрел. Артиллеристы, имевшие своих наблюдателей на высоких деревьях, в своем обстреле за Самицу не были стеснены, но заградительный артиллерийский огонь благодаря высокому лесу мог быть поставлен только на пределе Самицы, но не ближе к реке.

Общий резерв расположился в селе Выгода. Штаб дивизии в деревне Длугоконты, близ станции железной дороги Стар-Радзивиллов²²⁷. Первые дни после нашего перехода на эту пози-

²²³ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в боях на реке Равке с 4 декабря 1914 года по 28 января 1915 года и под Гродно с 8 по 24 февраля 1915 года». В конце рукописи он подписан: «Владимир Слюсаренко» – и датирован: «20 июля 1927 года Ковачица (Банат)».

²²⁴ Ставка Верховного главнокомандующего являлась органом высшего полевого управления войсками на театре военных действий и в этот период размещалась в Барановичах. Пост Верховного главнокомандующего занимал генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич, начальника штаба – генерал от инфантерии Николай Николаевич Янушкевич, генерал-квартирмейстера – генерал от инфантерии Юрий Никифорович Данилов.

²²⁵ Был назначен 169-го пехотного Ново-Трокского полка полковник Бруевич.

²²⁶ Самица – деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Самице (Samice) в гмине и повяте Скерневице Лодзинского воеводства Польши.

²²⁷ Старо-Радзивиллов – железнодорожная станция в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Радзивиллов в гмине Пуца-Марьяньска Жирардувского повята Мазовецкого воеводства Польши.

цию противник нас не беспокоил. Наши охотничьи команды²²⁸ по набросанным мосткам ежедневно переходили на тот берег и производили разведку. Но через четыре или пять дней после того охотничья коман да 170-го пехотного Молодечненского полка, переправившаяся вечером и благополучно миновавшая село, была встречена ружейным огнем и после происшедшей свалки с немцами, понеся потери, принуждена была отойти на свой берег. Немцы заняли село Самица, закрепились в нем, и с этих пор началась перестрелка с ними. Полки обратились ко мне с просьбой сжечь село. Признаюсь, просьба эта меня сильно взволновала: сжечь село, населенное бедняками, проявлявшими до того к нам свое сочувствие и симпатии, и лишить их крова на зиму было очень тяжело! Но другого выхода не было. Приказал мортирной батарее зажечь деревню. Что и исполнено было с весьма малой затратой снарядов: дома все были деревянные, крытые соломой, ветер раздувал пожарище, и к утру не стало ни села, ни немцев! Одни лишь дымящиеся груды развалин напоминали нам об ужасах войны в отношении к ни в чем не повинным беднякам, мирным жителям.

Дивизия занялась совершенствованием своих окопов, устройством блиндажей и землянок. Выведена вторая линия окопов и узлов сопротивления на линии деревень Михалов – Выгода. Гул боя все время доносился до нас со стороны Болимова. Противник, заняв Лович, этот важнейший стратегический пункт, сосредоточивал к нему свои силы для прорыва нашего фронта в кратчайшем направлении Болимов – Варшава.

Одновременно с этим и немецкие войска, находившиеся в Скерневице и Южине, не оставались в бездействии и, сосредоточив значительные силы в лесу на юго-востоке от Скерневице около села Бальцеров, атаковали левого нашего соседа²²⁹. 43-я пехотная дивизия не оставалась безучастной: расположенные на левом фланге 170-й и 171-й полки, занимавшие излучину реки, своим фланкирующим огнем нанесли противнику большие потери, а наша артиллерия, хорошо укрытая лесом, безнаказанно громила противника, выходящего из леса у Пиментки²³⁰. Двинут был на подмогу и 172-й пехотный Лидский полк, находившийся в резерве. Противник, понеся большие потери, принужден был прекратить свои попытки перехода через Равку и в дальнейшем их не возобновлял, ограничиваясь лишь артиллерийским обстрелом деревень и главным образом батарей соседней дивизии, на неудачно выбранных ими позициях. Наша мортирная батарея, стоявшая у железнодорожного моста на Равке, в разные часы дня и ночи обстреливала Скерневице.

Так протекали дни за днями. Наступила зима, снег то выпадал, то таял, превращая дороги в невылазную грязь. Железнодорожная станция Стар-Радзивиллов была конечным пунктом, куда доходили поезда из Варшавы, по ней нам доставляли интендантские и артиллерийские грузы, это сильно облегчало наши обозы, далеко отодвинутые в тыл.

Оторванная от своего корпуса, 43-я пехотная дивизия, меняя корпуса и армии, в роли пасынка испытывала неудобства, и нашим большим желанием было поскорее соединиться с 26-й дивизией, под начальство командира II Армейского корпуса генерала Чурина, которого мы успели узнать и полюбить за его разумное спокойствие и благожелательное к нам отношение. В свою очередь, и генерал Чуринов неоднократно возбуждал ходатайство вернуть ему нашу дивизию. В конце декабря, по-видимому, этой просьбе вняли, и 43-я дивизия с фронта была снята и передвинута сначала в Жирардов, где за три дня нашего там пребывания, воспользовавшись любезностью фабричной администрации, мы успели перемыться в банях своих нижних чинов и самих себя, а затем были передвинуты еще глубже в тыл, в район деревень Беганов – Радзие-

²²⁸ Охотничьими командами, то есть командами, сформированными из охотников (добровольцев), в русской армии назывались подразделения, созданные для выполнения рейдов, разведки, диверсий и тому подобных операций, связанных с особой опасностью.

²²⁹ Примерно 10–12 декабря, хорошо не помню.

²³⁰ Имеется в виду Паментка – деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Паментна (Pamiętna) в гмине и повяте Скерневице Лодзинского воеводства Польши.

вицы²³¹, где штаб дивизии расположился в панском доме Радзиевских²³², с большими затеями, но пришедшем в ветхость и даже опасном для жилья. Тут мы встречали Святую Рождественскую ночь, зажигали в парке настоящую елку и раздавали господам офицерам и нижним чинам подарки, в изобилии полученные нами из Варшавы и России.

В полнейшей уверенности, что нас скоро не потревожат, мы спокойно отдыхали. Однако установившийся в войсках взгляд, что в резерве быть хуже всего и беспокойнее всего, оправдался и на этот раз. 2 января 1915 года противник повел усиленные атаки на фронте у фольварка Могелы, на правом фланге 2-й армии, и нам экстренно было приказано выступить на ночь и двигаться туда на подмогу. Предстоял 30-верстный ночной переход по ужаснейшей грязи, так как лежавший до этого дня снег начал таять. Выбившись из сил и растеряв много нижних чинов отсталыми, мы только к полудню 3 января прибыли к месту назначения в Тартак-Болимовский и в то время, когда атаки противника были уже отбиты и бой затихал. По приказанию командира корпуса генерала Лайминга два полка дивизии были введены в боевую линию, в окопы против фольварка Могелы, а два других полка и вся артиллерия оставались в резерве²³³. За время, предшествовавшее нашему подходу, атаки противник продвинулся в непосредственную близость к нашим окопам и окопался. Являлось опасение, что он дальнейшее свое наступление поведет перекидной сапой или миной. Для противодействия с на шей стороны решено было возвести вторую линию окопов и держать в этом месте саперную роту. В этом напряженном состоянии мы пробыли здесь три дня, после чего получен приказ по фронту: вернуть 43-ю пехотную дивизию к своему II армейскому корпусу в 1-ю армию.

II корпус в это время занимал укрепленную позицию по реке Бзуре и у Сухи – от города Сохачева до села Гумин. Штаб корпуса находился в господском дворе Песечница. 43-й пехотной дивизии приказано стать в резерве в районе деревень Тересин, Попротно, Рау, Дембовка, Германов²³⁴. Следуя вдоль фронта, на котором все время шла орудийная и ружейная стрельба, на Гузови – Германов, мы в этот же день туда и прибыли. Район оказался малонаселенным, с жалкими деревнями, по десятку дворов в каждой; пришлось тотчас же приступить к устройству землянок. Штаб дивизии расположился в деревне Миколаев поблизости от штаба корпуса.

Участок позиции от Сохачева до Сухи занимала 26-я пехотная дивизия, а от Суха до Гумина – одна из второочередных дивизий. От Сохачева на север вдоль правого берега Бзуры стоял II Кавказский армейский корпус, находившийся также в подчинении генерала Чурина. Как и на остальном фронте, все время шла артиллерийская и ружейная перестрелка, временами то усиливавшаяся, то затихавшая. Орудия большого калибра, поставленные немцами на левом берегу реки Бзуры, обстреливали шоссе, идущее от Блони на Сохачев, и лес к западу от господского двора Песечница, где с нашей стороны было поставлено четыре 6-футовых крепостных орудия. На юго-западе от Сохачева, в излучине реки Бзура у села Дохов²³⁵, против

²³¹ Беганов и Редзиевице – деревни в Блонском уезде Варшавской губернии; ныне деревня Беганув (Biegaków) входит в гмину Якторув Гродзиского повета, а деревня Радзеевице (Radziejowice) – в одноименную гмину Жирардувского повета; оба повета – в Мазовецком воеводстве Польши.

²³² Имеется в виду усадьба Радзеевских – барочный дворец с большим ландшафтным парком, где также построен небольшой неоготический замок. В нынешнем виде комплекс зданий существует с конца XVIII – начала XIX в. Усадьба была разрушена во время Второй мировой войны, но ныне дворец и парковые постройки полностью восстановлены.

²³³ Артиллерию негде было и поставить, так как на единственной среди этого громадного и густого леса поляне уже стояла батарея и мес та не было.

²³⁴ Имеются в виду современные населенные пункты: Тересин (Teresin; центр гмины в Сохачевском повете Мазовецкого воеводства) и деревни в Тересинской гмине – Папротня (Paprotnia), Гай (Gaj), Дембувка (Dębówka), Херманув (Hermanów; ныне вошедший в состав Шиманува).

²³⁵ Имеется в виду Дахова (Dachowa) – деревня в Сохачевском уезде Варшавской губернии; ныне в Сохачевских гмине и повете Мазовецкого воеводства Польши.

фронта 26-й пехотной дивизии, немцы перебросили через реку мост, прикрыв его тедепоном²³⁶ (примерно на одну батарею пехоты).

Мост этот со своим тедепоном мешал всем, как бельмо на глазу; но все предпринимавшиеся до сих пор попытки вытеснить немцев с нашего берега и разрушить мост кончались неудачей, так как многочисленная тяжелая артиллерия немцев легко отбивала все наши атаки. На фронте Суха – Боржимов²³⁷ – Гумин наши и немецкие окопы находились в такой близости друг от друга, что не было никакой возможности устроить проволочное ограждение на кольях, а перед окопами по ночам выбрасывались оплетенные колючей проволокой рогатки. Но и их иногда немцы, забрасывая кошки, утаскивали к себе.

Через несколько дней после нашего возвращения в свой корпус последовал приказ о назначении генерала Чурина командующим армией²³⁸, а мне приказано было вступить во временное исполнение бывших его обязанностей. Генерал Чуринов тотчас же отправился к новому месту своей службы, а я, по долгу службы, направился в Блони, где явился командующему 1-й армией генералу от кавалерии Литвинову для получения от него директив. Доховский немецкий тедепон и здесь не давал покоя. Приказано принять все меры к вытеснению немцев с нашего берега. Возвратясь в штаб корпуса и обсудив с начальником штаба генерал-майором Дубининым это приказание, решил возложить организацию и ведение этой атаки на начальника 26-й пехотной дивизии²³⁹, усилив его одной мортирной батареей и четырьмя 6-футовыми крепостными пушками, а также саперами.

В назначенный для этой атаки день один из полков 26-й пехотной дивизии после надлежащей артиллерийской подготовки добрался до тедепона, захватил первую линию немецких укреплений, но до моста добраться не мог и к ночи сильнейшим артиллерийским огнем противника был отброшен назад и отошел в свои окопы. Повторилось то же, что было и раньше.

В двадцатых числах января 43-я пехотная дивизия сменила на левом участке второочередную дивизию. Приехал вновь назначенный командир корпуса генерал Флуг, и я переселился в штаб дивизии в фольварк близ деревни Нива. Противник серьезных атак не предпринимал, чувствовалось, что он выдохся и затевает операции в другом направлении, и мы благополучно дожили до конца января, когда получен был приказ о переброске II корпуса на Наревский фронт, для чего корпус должен был прибыть в Варшаву для посадки на железную дорогу.

30 января 1915 года с первым эшелоном штаб 43 пехотной дивизии направился на Остроленку. Места высадки, по обыкновению, нам указано не было. По-видимому, этот вопрос не был окончательно вырешен и в высших штабах, так как нас из поезда выгружали дважды: первый раз – не доезжая до Остроленки, второй – у самого Остроленка. А после того и вовсе перешли нас высаживать на этом фронте, а погрузив, направили весь II корпус в Соколку, куда мы и прибыли утром 3 февраля. В Соколке в это время находился генерал Радкевич со штабом своего III Сибирского корпуса, а также, если не ошибаюсь, генерал-майор Козлов, начальник 84-й пехотной дивизии. Я тотчас же направился к генералу Радкевичу доложить о подходе 43-й пехотной дивизии и узнать боевую обстановку. III Сибирский корпус после боя под Лыком, теснимый превосходным противником, отходит за реку Бобр в направлении Соколки. XX корпус через Августовские леса – на Гродно, III корпус – на Ковну. На какой линии теперь находятся отходящие наши корпуса, указать мне не могли.

²³⁶ В данном случае автор имеет в виду тет-де-пон (*фр.* Tête de pont – «голова моста») – предмостное укрепление, защитный периметр у моста, где размещаются войска.

²³⁷ Боржимов – двор в Сохачевском уезде Варшавской губернии; ныне деревня Божимувка (Borzymówka) в гмине Нова-Суха Сохачевского повята Мазовецкого воеводства Польши.

²³⁸ Генерал А. Е. Чуринов был 14 января 1915 года назначен командующим 5-й армией.

²³⁹ В описываемый период 26-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Александр Николаевич Порецкий, а 16 января 1915 года его сменил генерал-майор Петр Андреевич Тихонович, но только в должности командующего дивизией.

Во всяком случае, необходимо принять меры для обеспечения высадки и сбора II корпуса у Соколки, заняв плацдарм к северу от нее.

После выгрузки наших лошадей и конвоя я тотчас же направился на рекогносцировку и, объездив окрестности, вырешил этот вопрос. На следующий день, когда все полки дивизии и артиллерийская бригада уже окончили высадку и прибыл командир корпуса генерал Флуг, я доложил ему обо всем этом и, получив его согласие, направил полки дивизии на избранные мною для них участки, и все с усердием принялись к возведению окопов, а артиллеристы – к выбору позиции и наблюдательных пунктов.

Противник, однако, в этот день своего наступления не развивал – был задержан войсками III Сибирского корпуса. Обстоятельство это дало мне возможность к вечеру работы по укреплению позиций прекратить и вернуть полки для ночлега в Соколку. Лежал снег, было холодно.

Ночью получен в штабе корпуса приказ: «Высадку II корпусу в Соколке прекратить и двигаться в Гродно 43-й пехотной дивизии походным порядком». И на этот раз, оказалось, высадились не на том месте, где следовало. А хуже всего то, что на следующий день предстояло сделать 35-верстный переход в стужу и по грязи, так как снег ночью начал таять.

5 февраля прибыли в Гродно и разместились по западной его окраине, на левом берегу Немана. Проходя мимо фортов, видели усиленные работы, производимые ополченскими частями, для приведения их в боевую готовность.

В Гродно в это время находился штаб 10-й армии. Бывший командующий 10-й армией генерал Сиверс в этот день был отчислен, и на его место назначен генерал Радкевич. Комендантом крепости был генерал-лейтенант Кайгородов, начальник крепостной артиллерии – генерал-майор Криштафович, начальник инженеров крепости – генерал-майор Колосовский.

Полевых войск в районе крепости не было. Ждали с нетерпением подхода XX корпуса, но о боевой обстановке в 10-й армии начальство как-то умалчивало, а среди населения города приходилось слышать самые неблагоприятные вести. 6 февраля вечером распространился слух о том, что XX корпус окружен в Августовском лесу, и не может пробиться к крепости, и просит его выручить. Весть эту будто бы принес крестьянский мальчик, пробравшийся сквозь немецкое окружение.

Генерал Радкевич отдает приказ: «43-й пехотной дивизии 7 февраля перейти из города в северо-западный сектор крепости, в район сел Адамовичи, Тричи, Лососна, и 8 февраля, выйдя из нее, атаковать противника в направлении от форта № 3 на Голынку, Сторожище, Богатыри!» Кроме этого голого приказа, никаких сведений ни о противнике, ни о нашей крепости и ее боевых средствах, которые я бы мог использовать в своей операции, ни плана крепостных построек и проволочных заграждений, ни плана с квадратами для корректирования стрельбы крепостных батарей и указания им целей – ничего мне не было дано. Мне не был известен ни начальник северо-западного сектора, ни начальник артиллерийского сектора, где они находятся, как с ними связываться и в каких соотношениях быть.

По прибытии в указанный выше район я прежде всего должен был озаботиться рекогносцировкой противника²⁴⁰, чтобы выяснить линию, до которой дошли немцы; по возможности, его силы и расположение, а потом и выходов из крепости, сплошь и в несколько линий оплетенной колючей проволокой. Ко всему этому, стояла отвратительная погода: снег, дождь. Стояла мертвая тишина, шума боя ниоткуда слышно не было.

Крепостная артиллерия молчала, что указывало на то, что противник вне досягаемости ее огня или его не видят.

К ночи проходы через проволочное заграждение разысканы и обозначены и разведкой установлено, что фольварк Кулаковщина и высота 85 заняты противником и дальше проник-

²⁴⁰ Пешей, конечно, так как о приходе кавалерии нашей мне на помощь никто и не подумал, забыты были крепостной воздушный шар и аэростатный крепостной отряд.

нуть не удалось. По шоссе в сторону Рыгаловки – Августова противника не встречено вплоть до гати у Рыгаловки.

На основании этих скудных данных я решаю: в предрассветной мгле выйти за крепостные заграждения, развернуться в боевой порядок и двумя полками (169-м и 171-м) наступать в направлении на Голынку, на фронте фольварк Кулаковщина – высота 85, с одним (172-м полком) в направлении шоссе на Августов, чтобы обеспечить себя от удара со стороны Липск – Рыгаловка. 170-му пехотному полку приказано от села Конохи следовать в резерве за 171-м пехотным полком в направлении на север. Штаб дивизии в рабочем поселке у форта № 3. 43-я артиллерийская бригада – со 169-м и 171-м полками, 2-я мортирная батарея – со 172-м пехотным полком.

Местность, на которой приходилось нам действовать, была нам отлично известна²⁴¹. На этот раз только мы не находили здесь целого ряда деревень: Конохов, Огородников, Хоружевца и прочих, снесенных до основания, для расчистки обстрела с форта № 3, перед которым на расстоянии 3–4 верст пролегла до фольварка Кулаковщина²⁴² и высоты 85 совершенно открытая впадина с покатыми ее сторонами. Но дальше за этим рубежом начиналось плоскогорье, и перегиб местности не позволял видеть с форта № 3, что происходит на этом плато.

За ночь с 7 на 8 февраля небо прояснилось, и небольшой мороз подтянул таявший накануне снег.

В полной тишине поднялась дивизия со своего ночлега и в темноте выходила из района крепости и за проволочные заграждения. В предрассветной мгле полки развернулись в боевой порядок и, миновав дно лощины, стройно и медленно начали подниматься на противоположный скат. Забрел свет, и мне видны уже наши поднявшиеся до самого плато цепи, за ними поддержки и резервы, а по дну лощины наши батареи уже занимают позиции и, выдвигая своих наблюдателей за пехотой, тянут телефонные провода, чтобы тотчас же открыть огонь, когда будут обнаружены цели. Еще некоторое время... цепи уходят за перегиб местности на плато, за ними скрываются ближайшие поддержки. Со стороны противника – ни выстрела, жуткое чувство охватывает нас. Порой кажется, что сведения, добытые вчерашней разведкой, не верны, никаких немцев там нет. Но в это время на всем фронте от фольварка Кулаковщина до высоты 85 раздаются трескотня ружей и пулеметов. Движение полков не останавливается, все новые и новые их поддержки уходят за перегиб и скрываются от наших взоров, хочется думать, что противник опрокинут. Но еще полчаса, и те, кто еще не поднялись на плато, остановились. Заговорила немецкая и наша артиллерия, разгорается сильнейший бой. С высоты 102 тяжелая немецкая батарея обстреливает наш боевой порядок фланговым огнем. Их боевой порядок протянулся за высоту 85 и охватывает нас слева. Приказываю 170-му пехотному Молодечненскому полку, находящемуся в резерве, выдвинуть один батальон уступом слева.

172-й пехотный Лидский полк в своем движении на Рыгаловку препятствий пока не встречает. Следующая за ним мортирная батарея по собственной инициативе занимает позицию и открывает огонь по высоте 85. Через несколько времени эта высота, белая от снега, покрывается громадными черными воронками от разрыва 48-дюймовых бомб²⁴³. Противник, по-видимому, ее очищает, туда направляется рота Молодечненского полка, но, не доходя 200–300 шагов, залегает; в бинокль ясно видны на снегу вытянувшиеся цепью стрелки²⁴⁴.

²⁴¹ Здесь был район нашего сосредоточения перед переходом в начале войны границы, здесь мы окопывались, а 171-й пехотный Кобринский полк, квартировавший в самом Гродно, много раз производил в мирное время свои маневры.

²⁴² Почему-то пощаженного и не снесенного.

²⁴³ Имеется в виду 48-линейная (122-миллиметровая) гаубичная бомба.

²⁴⁴ Оказалось, что это лежали уже не живые, а убитые нижние чины и их доблестный командир роты штабс-капитан N, по роковому совпадению в этот день, как окончивший Академию Генерального штаба, назначенный на службу в этот же штаб.

Устанавливается телефонная связь со всеми полками. Начинают поступать донесения: 169-й пехотный полк под командой полковника Николаева с боя взял фольварк Кулаковщизна, дальше продвинуться не может, так как противник в окопах преграждает ему путь на Гиновичи, а артиллерия противника с высоты 102 обстреливает сильнейшим фланговым огнем, необходимо заставить ее замолчать. 171-й полк под командой полковника Ненарокова напорлся на окопы противника, встречен сильнейшим ружейным и пулеметным огнем, в своем наступлении захлебнулся и, остановившись в непосредственной близости от противника, окапывается. Создается такое положение, при котором без поддержки тяжелой артиллерии пехота дальше не продвинется. Обращаюсь в штаб крепости с просьбой приказать начальнику артиллерии северо-западного сектора поддержать мое наступление огнем крепостной артиллерии, направив его прежде всего на неприятельские батареи на высоте 102, а за ним и по окопам немцев у фольварка Кулаковщизна. Огонь ее по высоте 102 оказывает заметное влияние и сильно охлаждает пыл действующей оттуда немецкой артиллерии. Но зато неподготовленный огонь по немцам у фольварка Кулаковщизна вызывает крик отчаяния у полковника Николаева с просьбой прекратить эту стрельбу – бомбы рвутся в наших цепях! Сообщаю по телефону об этом начальнику артиллерии крепостного сектора, прошу его выслать передовых наблюдателей²⁴⁵ с телефоном на наблюдательный пункт 43-й артиллерийской бригады, находящиеся в боевой линии нашей пехоты, а мне – планы крепости с квадратами для рассылки их по полкам, для цели указания. Прислали один план. Обещают выслать своих наблюдателей, но едва ли у них найдутся свои телефоны – просят пока что передавать наблюдения через штаб дивизии. Делать нечего!

Спешно начинаем множить карту с квадратами в тех ее частях, какие нужны для нас, и рассылаем по полкам; для корректуры стрельбы пока что приказываю наблюдения передавать через штаб дивизии. Вся эта процедура занимает много времени. Бой продолжается. Тяжелая немецкая батарея с высоты 102 открывает огонь по рабочему поселку у форта № 3, где расположился наш штаб, зажигает рядом стоящий с нами деревянный барак и заставляет нас перебраться в самый форт, где нам отводят два малюсеньких блиндажа: один для штаба, другой для телефонистов; как сельди в бочке набиваемся туда. Нужно заметить, что форт № 3, хотя и находящийся в секторе, наиболее угрожаемом со стороны противника, тем не менее, был еще не достроен: в блиндажах для коменданта, канцелярии, «околка», телефона и прочих служб еще не было бетонно-рельсовых покрытий, водопровод действовал с отказами, электричество хромало, приведением всего этого в надлежащий вид занят был весь гарнизон форта, состоявший из дружины под наблюдением и руководством инженер-полковника Модраха²⁴⁶. Телефонная связь была со штабом крепости и начальником сектора. Все это мы разглядели потом, а пока, забравшись на форт, я установил треногу со своим цейсом в одну из бетонированных ниш главного бруствера и все время наблюдал за ходом боя, видного для меня как в панораме.

Больше всего боялся отхода частей назад, так как огонь противника, особенно артиллерийский, усиливался, видимо, к нему подходили подкрепления, а мерзлая земля мешала нашему окапыванию. Скоро это мое предположение оправдалось: командир 169-го полка полковник Николаев из фольварка Кулаковщизна доносит: «Со стороны Голынки на Гиновичи двигаются большие неприятельские колонны, прикажите крепостной артиллерии их обстрелять!» Передаю об этом начальнику артиллерийского сектора, а полковника Николаева прошу наблюдать и сообщать через штаб дивизии свои наблюдения. На этот раз, по наблюдениям пол-

²⁴⁵ По правилам стрельбы, крепостной артиллерии по планам (квадратам) совершенно необходимо иметь передовых наблюдателей.

²⁴⁶ А. В. фон Модрах был не полковником, а подполковником.

ковника Николаева, стрельба наша удачна: колонны расчлениются, меняют свое направление и скрываются за складками местности.

Командир 172-го пехотного Лидского полка доносит, что, подходя к селу Раковичи, встречен ружейным огнем, остановился и подготавливает атаку мортирной батареей, на огонь которой из гати начинает отвечать немецкая артиллерия. Просит крепостную артиллерию обстрелять эту гать, так как по ней переходит на нашу сторону немецкая пехота. Передаю об этом в крепостную артиллерию – начинают стрелять и в ту сторону. С каким успехом, трудно сказать – дистанция громадного размера, 9–10 верст²⁴⁷.

Сведений о движении 84-й пехотной дивизии, долженствующей наступать из Домбровы на фронте Липск – Рыгаловка, никаких не имеется, ничего не сообщают также о подходе 26-й пехотной дивизии.

К полудню по всем дорогам и тропам, идущим от сражающихся полков, потянулись вереницы раненых и носильщиков, в таком числе, какого в предыдущих боях я не наблюдал. Приказываю для проверки выставить офицерский пост и главный перевязочный пункт открыть у форта № 3 вблизи шоссе, в имевшихся здесь больших землянках для рабочих.

Бой не утихает, и только к ночи артиллерийский огонь замолк, замолкла и пехота. Повезли к полкам хлеб и походные кухни. От всех командиров полков получаю донесения о больших потерях и просьбы о высылке подвод для уборки раненых и убитых. Начальник дружины²⁴⁸ на форт предлагает мне выслать от дружины команды для уборки убитых и для рытья братских могил, которые он намечает устроить недалеко от форта на шоссе у сосновой рощицы. Я дал на это свое согласие.

Принимаю решение: 169-му пехотному Ново-Трокскому полку за ночь хорошо окопаться, для чего в распоряжение командира полка высылаю саперную роту; 171-й пехотный Кобринский полк, стоящий уступом от 169-го полка, усиливаю двумя батальонами из резерва с тем, чтобы на следующее утро после артиллерийской подготовки атаковать противника и выбить его из окопов, фланкирующих фольварк Кулаковщина с запада. 172-му пехотному полку продолжать наступление на Раковицу и гать, обеспечивая левый фланг дивизии. С крепостной артиллерией сговариваюсь относительно обстрела неприятельских окопов против 171-го пехотного полка, настаиваю на высылке их собственных наблюдателей для корректирования стрельбы.

9 февраля с утра бой снова разгорается на всем фронте, крепостная артиллерия часть своих орудий направляет по окопам против 171-го пехотного полка, но так неудачно, что командир этого полка просит стрельбу эту, наносящую больший вред нам, чем противнику, прекратить. Поднимается полк из окопов, бросается на немецкие окопы, но, к сожалению, безуспешно и, понеся большие потери, отходит в свои окопы. Сильный бой продолжается весь день, все госпитали в Гродно завалены нашими ранеными. На главном перевязочном пункте среди наших имеются и раненые немцы, при опросе которых оказалось, что они принадлежат к двум разным корпусам²⁴⁹²⁵⁰, что командующий их армией принц Иохим²⁵¹ находится со своим

²⁴⁷ Наши 6-футовые орудия весом 200 пудов имеют дальность 11 верст, а весом в 120 пудов – только 7 верст. Какие были тут на вооружении орудия, так и не знаю.

²⁴⁸ Имеется в виду дружина государственного ополчения. В ос новном ополченцы использовались не для ведения боевых действий, а для вспомогательных, в том числе земляных, работ, однако позже их стали привлекать и к операциям на фронте, а также использовать для пополнения боевых частей.

²⁴⁹ Насколько помнится, к XXXI и XXXIX корпусам.

²⁵⁰ Слюсаренко в очередной раз подводит память: XXXI корпуса в германской армии не существовало, и имеется в виду XXI армейский корпус. XXXIX корпус именовался резервным и действительно сражался в этом районе.

²⁵¹ Оба корпуса входили в состав 10-й германской армии, которой командовал генерал-полковник Герман фон Эйхгорн. Принц Иоахим Прусский, которому только недавно исполнилось 24 года, не мог командовать ни армией, ни корпусом, ни дивизией. Он был на Восточном фронте и в декабре 1914 года был ранен во время сражения на Мазурских озерах. Автор, видимо, получил известия о том, что принц находился в госпитале, и сделал поспешные, и неверные, выводы.

штабом в Сопоткине в женском монастыре; русские войска окружены ими в Августовских лесах к северу отсюда.

С подходом на следующий день 26-й пехотной дивизии, развернувшейся перед фортом № 2, правее нас, и выдвинувшей к фольварку Кулаковщина на правый фланг 169-го пехотного Ново-Трокского полка 104-й Устюжский полк, наше положение сразу облегчилось, весь огонь с высоты 102 теперь направлен по 26-й пехотной дивизии. В таком положении прошел еще день.

Летал над полем сражения наш летчик и вечером явился в штаб дивизии, чтобы указать места замеченных им неприятельских батарей.

В следующие дни 26-я пехотная дивизия атакует высоту 102, но безуспешно.

На рассвете 11 февраля разбужен сильнейшей стрельбой на фронте 171-го пехотного Кобринского полка. Бегу к своей цейсовской трубе, вижу отходящие пехотные цепи, посылаю офицеров и конвой остановить их. Останавливают на скате и, вернувшись, докладывают, что это не наши, что это полк XV корпуса, подошедший ночью к окопам 171-го Кобринского полка, и на рассвете, выйдя из окопов и имея перед собой командира полка, бросился на штурм немецких окопов. Но этот доблестный командир полка полковник Генерального штаба N убит, вместе со своими другими офицерами, и полк отходит назад. Полнейший для меня сюрприз, так как никаких извещений от командира корпуса не получал, а командир 171-го пехотного Кобринского полка, вполне уверенный, что мне все известно, ничего со своей стороны также не сообщил. Донес о печальном результате этого предприятия и просил разрешения задержать полк до вечера, чтобы видом отходящих частей не вводить в соблазн свои полки. Не смел спрашивать о причинах появления на фронте командуемой мной дивизии чужого полка, желавшего оказать нам помощь.

Однако все-таки был заинтересован и потом из частных разговоров узнал, что этот полк после поражения 2-й армии в Восточной Пруссии был вновь сформирован в тылу и теперь, прибыв в Гродно, назначен был во II корпус. По просьбе командира полка, желавшего восстановить утраченную репутацию полка, ему и было разрешено штурмовать немцев из окопов 171-го пехотного Кобринского полка.

В таком положении 43-я пехотная дивизия и весь II корпус, без жилья, при стоявших все эти дни морозах, в плохих окопах без соломы пробыл[и] до 15 февраля.

В этот день командир корпуса решил захватить высоту 102 ночным штурмом. Для чего приказано: в 23^{3/4} часа артиллерии 43-й пехотной дивизии открыть ураганный огонь по противнику, находящемуся перед ней, и поддерживать его до 24 часов ночи, а затем продемонстрировать наступление пехотой. Главный удар наносит 26-я пехотная дивизия, выдвинув предварительно между первым и вторым фортами 104-й пехотный Устюжский полк, в обход немецких окопов на высоте 102 с востока, и атакует в направлении села Рачки. Зная из учебников тактики, что демонстрация может оказать пользу только тогда, когда ведется с полным напряжением сил, я приказал атаковать противника на фронте 169-го и 171-го пехотных полков. Внимание противника было отвлечено в нашу сторону, 104-й пехотный Устюжский полк с успехом исполнил охват немецких окопов на высоте 102, выйдя им в тыл и принудил немцев к отступлению, причем одну роту и одну 4-орудийную батарею в запряжке взял в плен; остальные полки 26-й пехотной дивизии заняли высоту 102 с фронта.

В 43-й пехотной дивизии во время этого ночного штурма один батальон 170-го Молодечненского полка под командой подполковника Барковского прорвал первую линию немецких окопов и глубоко вторгся в их расположение. Но, не будучи поддержан соседями, был окружен немцами и целиком взят в плен. Во всяком случае, после всего этого немцы стали на всем фронте отходить, задерживаясь на возведенных ими в тылу окопах. 43-я пехотная дивизия наступала по обе стороны ложбины от Гиновичей на Голынку. После полудня 16 февраля я со штабом переехал в село Гиновичи, сверх ожидания оказавшееся уцелевшим и даже с появившимися в некоторых избах жителями.

17 февраля наступление наше медленно продолжалось, и только к утру 18-го удалось оттеснить немцев на линию шоссе Сопецкин – Липск. После чего мы имели возможность выслать нашу разведку на Богатыри и Волкуш, на то место, где погибал XX корпус, ожидая нашей выручки. Но ничего, кроме разбросанной амуниции, разбитых зарядных ящиков и снарядов, там найдено не было, и ни одной живой души, которая могла бы нам поведать обо всем здесь происшедшем.

19 февраля противник очистил Сопецкин и втянулся в Августовские леса. 43-й пехотной дивизии приказано было занять Сопецкин.

20 февраля мы вошли в Сопецкин. По рассказам жителей, огонь нашей тяжелой дальнобойной артиллерии из крепости²⁵² был направлен очень метко по самому местечку; от него страдали не только жители, но и немецкие, здесь квартировавшие войска. Между прочим, был убит их пастор. А когда <меж> тем эти ужасные снаряды начали рваться у женского монастыря²⁵³, где находился штаб немецкой армии, командующий армией тотчас же выбрался оттуда и решил отходить! На базарной площади была собрана масса военного хлама, по-видимому, после разгрома XX корпуса. Повозки, зарядные ящики, конская амуниция, снаряды, укупорочные парковые ящики с патронами, и пр., и пр.

21 февраля приказано было II корпусу перейти, как говорят, в короткое наступление, хотелось <сказать>, преследование, но на самом деле этого мы сделать не могли, так как упущено было время, да и не было при нас кавалерии.

Наступление это было организовано двумя колоннами: правой – в составе 26-й пехотной дивизии на Копциово – Сейны, левой – 43-й пехотной дивизией от Сопецкина на Калеты – Геленову – Гибы, ночлег 26-й пехотной дивизии в Копциово, 43-й – в Геленове. Следом за 26-й пехотной дивизией шло два вновь сформированных полка XV корпуса без артиллерии, которые от Копциово должны были двигаться прямо на север по дороге на Радзивишанцы, имея своей задачей прикрывать II корпус от удара противника со стороны Мариамполь – Кальвария – Красно. По сведениям, добытым в штабе корпуса, каким путем, мне неизвестно, противник в это время находился на линии озеро Вигры – Тарук²⁵⁴ – Краснополь и далее в северо-восточном направлении. Командир корпуса решает на следующий день, 22 февраля, атаковать его, причем 26-я пехотная дивизия атакует на фронте Берзин – Краснополь, а 43-я пехотная дивизия – на фронте Краснополь – Буды. Левее нас в район озеро Вигры – озеро Близно должна выдвинуться 84-я пехотная дивизия. Прикрывать от удара справа будут, как сказано было выше, два полка XV корпуса. Приказ этот нами получен был на ночлеге на фольварке около Геленова, принадлежавшем мелкопоместнику-шляхтичу, от жены которого мы узнали, что у них в фольварке несколько дней тому назад ночевали русские пленные: один полковник, четыре офицера и человек 200 нижних чинов, захваченные в плен немцами в крепости Гродно²⁵⁵. Разбитая полька интересовалась узнать, как могло случиться, что они попали в плен, находясь в такой сильной «фортеции». После наших пояснений, что это случилось не в крепости, а во время боя, впереди нее, она пришла в недоумение и, до некоторой степени справедливо, заметила, что «фортеции», вероятно, строятся для того, чтобы немцы сами штурмовали их и заплатились за это большими потерями, а выходить раньше того из крепости не следовало!

²⁵² Из двух 10-футовых дальнобойных орудий, поставленных у форта № 2 несколько дней тому назад во время сражения.

²⁵³ В поселке Сопецкин (Августовский уезд Сувальской губернии) с 1880 по 1915 год располагался Преображенский женский православный монастырь. В настоящее время главный его храм передан католической церкви – это костел Вознесения Девы Марии, построенный в 1789 году.

²⁵⁴ Имеется в виду Тартак – деревня в Гродненском уезде; ныне в Гродненском районе Белоруссии.

²⁵⁵ Мы догадались, что это был батальон 170-го пехотного Молодечненского полка.

Дорога лесная, по которой мы следовали, была покрыта снегом и укатана, как каток, перед нами ее утаптывали тысячи немецких ног. Очень часто попадались дохлые лошади – несомненно, немецкие (кованные на немецкие подковы со штампом).

Нас интересовало, что за причина была такого сильного падежа. За разъяснением этого мы обратились к той же польке. Она не замедлила удовлетворить наше любопытство и разъяснить, что за неимением подвоза из Германии зернового фуража они начали своих лошадей кормить реквизируемым у жителей зерном ржи, которого лошади не переносят, дохнут. Кроме дохлых лошадей изредка попадались брошенные зарядные ящики, снаряды, ружейные патроны и пулеметные ленты с патронами, военный телеграф с прекрасным медным проводом. Видимо, отступление было спешное.

22 февраля мы продолжали наш путь на Гибы, 26-я пехотная дивизия – на Сейны, где, встретив у Краснополя сильного противника, завязала с ним бой. Завязался также бой и у полков XV корпуса, обеспечивающих операцию нашу от удара со стороны Кальварии, примерно у Штабинина, но, будучи без артиллерии, полки эти несли большие потери от немецкой артиллерии и обратились к генералу Флугу о высылке им батареи.

Пройдя Гибы, авангард 43-й пехотной дивизии в составе одного полка (171-го пехотного Кобринского) с 1-м дивизионом 43-й артиллерийской бригады, не встречая противника, движется на указанный дивизии фронт к селу Буды.

Вся эта обстановка раньше, чем 43-я пехотная дивизия развернулась в боевой порядок, вызвала со стороны командира корпуса генерала Флуга отдачу следующего приказа: «43-й пехотной дивизии выдвинуть один полк (169-й) с одной батареей на Жечары – Рахеляны, а два полка (170 и 172-й) – на фронт 26-й пехотной дивизии Краснополь – Ново-Сады».

Для ускорения оказания помощи полкам XV корпуса батарея выдвинута на рысях без прикрытия.

Таким образом, вся 43-я пехотная дивизия оказалась раздерганной по частям и втасованной в 26-ю пехотную дивизию. Я со своим штабом оказался ни при чем и решил остановиться в Гибах, приняв все меры к тому, чтобы не терять связи со своим авангардом (один полк и три батареи) у Буды, с каждым из отошедших в разные стороны полков, с начальником 84-й пехотной дивизии у Махорце, а также со штабом корпуса – со всеми ними у меня была телефонная связь.

К полудню бой разгорелся на всем громадном фронте от Рахеляны – Ново-Сады – Краснополь – Буды. Резерва не было. Батарея, двинутая на помощь полкам XV корпуса без прикрытия, в одном из попутных селений нарвалась на немецкую пехоту, и должна была ретироваться, и к месту своего назначения не попала.

Штаб II корпуса неосторожно выдвинулся слишком близко к фронту в местечко Сейны и оказался под огнем тяжелой артиллерии от Краснополя. К вечеру начался отход полков XV корпуса. Противник начал давить на 84-ю пехотную дивизию левее нас²⁵⁶. Перемешанные полки 26-й и 43-й пехотных дивизий на фронте никакого успеха не имели.

Все это заставило генерала Флуга принять решение ночью отойти на опушку Августовских лесов и здесь задержаться, для чего полкам 43-й пехотной дивизии занять позицию вправо и влево от села Гибы, 26-й пехотной дивизии – правее нас.

Отход полками начался вечером. Прикрывала его 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под командой генерал-лейтенанта Гилленшмидта, остававшегося всю ночь у местечка Сейны.

²⁵⁶ Между прочим, из переговоров со штабом 84-й пехотной дивизии мы узнали, что в селе Махорцы все избы набиты нашими тяжелоранеными XX корпуса, что затребованы из Гродно транспорты для их вывоза, но, к сожалению, эти транспорты не подошли и вывезти раненых невозможно.

Противник не преследовал, и к утру следующего дня 43-я пехотная дивизия заняла указанный ей участок, впереди озер и по опушке леса за ними. На озерах был толстый лед, выдерживавший не только пехоту, но и легкую артиллерию. Занятие позиции по северному берегу озер было указано генералом Флугом, имевшим, по-видимому, в виду на следующие дни переход в наступление.

После отхода нашей кавалерии, примерно в полдень, появились передовые части противника, открывшего по опушке нашего леса артиллерийский огонь. Наши батареи начали отвечать, и все попытки противника развернуть свою пехоту для атаки наших позиций у Гибы были отбиты.

Но не так благополучно было у нашего левого соседа – 84-й пехотной дивизии, сообщавшего мне по телефону, что, будучи атакован по всему фронту противником и особенно сильно в промежутке между своим правым и на шим левым флангами, он принужден будет к вечеру начать отход. Это обстоятельство, а также опасение за свой правый фланг вынудили генерала Флуга отдать приказ об отходе II корпуса к Сопоцкину. 43-й пехотной дивизии – двумя дорогами: на Геленово – Сопоцкин, на Риголи²⁵⁷²⁵⁸ – Кудринка – Волкуш – Сопоцкин.

Шли всю ночь и утром следующего дня заняли на фронте Сопоцкин – Марковцы укрепленную еще раньше, до боев у Гродно, позицию, против выходов из Августовских лесов.

На этом закончились операции у крепости Гродно, длившиеся с 8 февраля по 24 февраля 1915 года, относительно которых можно сказать следующее.

Операции эти велись без всякой предварительной подготовки и в то время, когда на место устранившегося от командования 10-й армией генерала Сиверса назначен был генерал Радкевич; комендантом крепости был генерал Кайгородов, начальником крепостной артиллерии – генерал-майор Криштафович и начальником инженеров крепости (он же и строитель) – генерал-майор Колосовский. Полевых войск в крепости не было – на фортах стояли дружины государственного ополчения, к бою не подготовленные, занятые главным образом на спешных работах по приведению фортов к обороне²⁵⁹. Крепостная артиллерия, не имевшая в своем распоряжении достаточного числа орудий, особенно современных дальнобойных, и оборудования для стрельбы (планы с квадратами, наблюдательные пункты, подземные провода для телефонирования) и не умевшая использовать крепостную воздухоплавательную команду с ее змейковым аэростатом, а также свои крепостные аэропланы и вдобавок ко всему руководимая генерал-майором Криштафовичем, бывшим полевым артиллеристом, человеком с большим самомнением, но с недостаточным знанием крепостного артиллерийского дела, и, по всей вероятности, никогда практической стрельбы со своих крепостных батарей не производившая, совершенно не оказала нам помощи, какую должна была бы оказать. Две дальнобойные 10-футовые пушки, поставленные в период самих боев у форта № 2, свой огонь направили по Сопоцкину. Как только об этом стало известно полковому генерал-инспектору артиллерии великому князю Сергею Михайловичу, он тотчас же усомнился в правильности и целесообразности использования этих дорогих орудий (выдерживающих не более 400 выстрелов), и им было назначено расследование.

На северо-западном секторе, наиболее угрожаемом со стороны противника, фортификационные работы далеко еще не были закончены, и форты, обороняемые одними лишь ополченскими дружинами, по общему мнению, могли быть взяты немцами без всякого сопротивления.

²⁵⁷ В Риголи находился штаб II корпуса.

²⁵⁸ Деревня Рыголь Августовского уезда Сувальской губернии; ныне Рыголь (Rygoł) в гмине Пласка Августовского повята Подляского воеводства Польши.

²⁵⁹ На конец января 1915 года в состав гарнизона Гродненской крепости входили 17-я и 20-я бригады государственного ополчения (12 дружин), четыре отдельные дружины государственного ополчения, 174-й запасной батальон, несколько сотен оренбургских казаков. В июле 1915 года гарнизон был увеличен до четырех бригад государственного ополчения (8, 80, 20 и 97-й).

Предварительно операции по вырубке XX корпуса, окруженного в Августовских лесах, никакой разведки не производилось, не было точно известно места его нахождения, сил, окружавших его, противника и где таковые находятся. Было лишь одно желание возможно скорее оказать ему помощь. Двинув на эту выручку одну лишь 43-ю пехотную дивизию (против двух с половиной немецких корпусов²⁶⁰), заранее обрекали ее на неудачу и усугубляли лишь наши потери без всякой пользы для дела.

За все это мы, в течение восьми дней боя под крепостью, понесли такие громадные потери, каких я не наблюдал ни в одном из боев этой войны. В боях Восточной Пруссии у Мазурских озер с 26 августа по 2 сентября 1914 года мы также понесли громадные потери, но тогда эти потери не были у нас на глазах, наши убитые, тяжело раненые и пленные на большом фронте и при отходе большей частью оставались в руках немцев, и только 2 сентября при выходе из Мариамполя, оглядевшись на себя, мы ощутили весь ужас происшедшего. А теперь все убитые и раненые до последнего человека были подобраны. Раненые отвезены в госпитали, убитые собраны у роши около форта № 3 и у села Адамовичи.

12 февраля начальник дружины форта доложил мне, что братские могилы у сосновой рощицы, где собраны убитые 170, 171 и 172-го пехотных полков, уже вырыты и что после полудня будут похороны. В назначенное для похорон время я направился туда в сопровождении чинов штаба. Десяток больших сосен, точно нарочно оставленных на этот случай на голом кругом поле, указывал нам дорогу. Еще издали на зимнем снежном покрове видны были груды черной земли, выброшенной из могил, а между ними – какой-то неопределенной формы кучи серой окраски. Тут же около находился священник и построена команда ополченцев. То, что представилось нашим глазам, когда мы подошли ближе, произвело на меня, участника четырех войн, выдавшего виды, потрясающее впечатление: груды растерзанных, скорченных тел с открытыми глазами и оскаленными зубами, замерзших в тех позах, в каких их застала смерть, казались погибшими здесь, на этом месте в какой-то сатанинской свалке. Началась панихида, сказано несколько прочувствованных слов, а потом укладка убитых в громадные братские могилы. На лица погибших наброшены шинели, сосновые ветви, а потом, под неумолкавший грохот боя и пения вечной памяти, их завалили комьями мерзлой земли. Выросло четыре громадные могилы, увенчанные крестами: три с надписями 170, 171 и 172-го пехотных полков и одна – над убитыми немцами. наших похоронено около 350 человек, немцев около 50 человек.

Убитых 169-го пехотного Ново-Трокского полка и 43-й артиллерийской бригады хоронили около села Адамовичи, там я не имел возможности быть.

Всех убитых офицеров, каждого порознь, похоронили на кургане у шоссе в одной версте от форта № 3.

Летом того же 1915 года, будучи вызван с фронта в штаб 10-й армии в Гродно, я проезжал мимо этих дорогих нам могил. Чья-то добрая, заботливая рука, вероятно, того же начальника дружины, который помогал нам собирать и хоронить наших убитых, устроила кругом этих могил под соснами изгородь из камней и наблюдала за содержанием могил в порядке. В порядке также были и могилы офицеров на кургане.

Общие потери дивизии за весь период этих боев были около 60 % наличного состава.

Неудача боя у Сейн была отчасти нами предвидена: вновь сформированные два полка XV корпуса, да еще без артиллерии, не могли обеспечить операцию как раз в том самом направлении от Кальварии, откуда немцы так успешно уже произвели обход XX нашего корпуса в Августовском лесу. Разброска и перетасовка частей корпуса больше чем на 30-верстном фронте и отсутствие резерва также не обещали ничего хорошего.

²⁶⁰ XXXI, XXXIX и 11-я ландверная дивизия. (Правильно – XXI армейский и XXXIX резервный германские корпуса. – К. 3.)

Отход корпуса прикрывала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под начальством генерал-лейтенанта Гилленшмидта. Это первый и последний случай в эту войну для меня, когда кавалерия исполнила свое назначение.

Генерал Флуг по возвращении в Сопоткин потребовал меня к себе. Я застал его взволнованным, неудача Сейнской операции, видимо, была ему очень тяжела. И в поисках виновных, как это всегда водится, был найден «стрелочник»: командир 6-й батареи 43-й артиллерийской бригады полковник Бычковский, который не прибыл со своей батареей на поддержку полков XV корпуса, за что он, командир корпуса, отрешает его от командования батареей. Объявлен также выговор начальнику штаба 43-й пехотной дивизии за то, что при отходе от Гибы он позволил себе снять телефонный аппарат с линии, соединяющей нас со штабом корпуса, не получив на то разрешение. На это я доложил:

1) Полковник Бычковский не прибыл к месту своего назначения потому, что, следуя с батареей без прикрытия, в одном из попутных сел напоролся на немецкую пехоту и должен был отойти назад, что полковник Бычковский, доблестный и опытный командир батареи, глубоко преданный долгу службы и, страдая тяжелой болезнью (кровавой мочой), не желает оставлять своего поста, чем заслужил общую любовь и уважение как своего начальства, так и товарищей. А потому ходатайствую об оставлении его.

2) Начальник штаба дивизии приказал снять телефонный аппарат в то время, когда полки дивизии начали уже свой отход и телефонная связь с ними была прервана, а штаб дивизии, находившийся в непосредственной близости от опушки леса у Гибы, оставаясь там, рисковал быть захваченным немцами, уже вышедшими на шоссе Гибы – Махорцы в разрез между 43 и 84-й пехотными дивизиями.

В конце концов, к общему для всех нас удовольствию, полковник Бычковский оставлен на своем месте, и я с легким сердцем направился осматривать укрепленную позицию, на которой теперь размещались полки дивизии.

Глава 4. Военные действия в феврале – октябре 1915 года²⁶¹

Случай дал мне возможность свидеться в Белграде с бывшим командиром II армейского корпуса генералом от кавалерии Флугом, под командой которого 43-я пехотная дивизия в этот период находилась, и получить от него даты важнейших боевых событий, любезно предоставившим в мое распоряжение некоторые отрывки из его дневника, касающиеся действий 43-й пехотной дивизии. Они настолько ценны, что я считаю своим долгом часть их поместить в моих воспоминаниях и даже вернуться несколько назад к нашему короткому наступлению от крепости Гродно на Сейны (22–26 февраля 1915 года), чтобы ознакомить читателя с оценкой этого короткого наступления, сделанной генералом Флугом и дополняющей мои выводы предыдущих воспоминаний.

«...Однако, как-никак, – пишет генерал Флуг, – а дрались мы 25 февраля с честью и если и отошли на 10 верст к югу, то под давлением действительной необходимости. Не имея сведений об участии бригады Арнольди²⁶², полагая, что она в состоянии будет отойти к Березникам²⁶³ для обеспечения правого фланга корпуса, я отдал распоряжение о занятии позиции на линии Березники – Гибы с целью оказать здесь отпор противнику. 84-я пехотная дивизия²⁶⁴ должна была продолжать обеспечивать левый фланг корпуса, находясь главными силами у Глембокого Брода²⁶⁵, а авангардом – у деревни Погоржелец».

К утру выяснилось, что бригада Арнольди куда-то исчезла и что Березники заняты противником. В то же время началось наступление немцев, правда, не особенно дружное, на наш фронт. О том, занят ли противником Копциово, достоверных сведений не имелось, но возможность этого допускалась – занят если не пехотой, то пока одной конницей. А из Копциово недалеко и до Сопоцкина, то есть до пути нашего отступления. Словом, получалась довольно тревожная аналогия с положением XX корпуса, предшествовавшим его пленению... Я донес о положении командующему армией и ждал от него указаний, но никаких намеков своим подчиненным, что будто бы предполагается отступление, я не делал. Правда, пришлось принять некоторые меры, чтобы очистить тыл от обозов.

²⁶¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии в боях у Сейны, на реке Шешупе, Среднем Немане, под Олькениками и Вильно во время Свенцянского прорыва с 26 февраля по 14 октября 1915 года». В оригинале в конце очерка стоит подпись «Владимир Слюсаренко» и датировка «21 мая 1928 года Ковачица (Банат)».

²⁶² Возрожденного XV корпуса, двигавшегося от Сопоцкина на Лодзее и прикрывавшего нашу операцию справа.

²⁶³ Деревня Березники Сейнского уезда Сувальской губернии; ныне деревня Березники (Berzńiki) в Сейненских гмине и повяте Подляского воеводства Польши.

²⁶⁴ Находившаяся левее нас.

²⁶⁵ Имеется в виду Глубокий Брод – деревня в Сувальском уезде; ныне деревня Глембоки-Рув (Głęboki Rów) в Шиплишской гмине Сувальского повята Подляского воеводства Польши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.